2 (42)
2022

Пензенское краеведение

- Наши юбиляры
- Герой двух стран
- Всероссийские краеведческие чтения

1

5

1

2

3

2

6

4

5

3

7

4

8

6

7

Пензенское краеведение

Научно-популярный журнал

Редакционный совет:

Первушкин Владимир Иванович,
главный редактор
Белорыбкин Геннадий Николаевич,
редактор школьного отдела
Вазерова Алла Геннадьевна,
редактор отделов «Родная старина», «Точка на карте области»
Власов Вячеслав Алексеевич,
редактор отдела «Личность в пензенском краеведении»
Гущин Александр Анатольевич,
ответственный секретарь
Кайманова Татьяна Александровна,
редактор отдела «Здравствуйте, я ваш экскурсовод»
Лебедева Лариса Витальевна,
редактор отдела «Пенза – моя вдохновительница»
Мурашов Дмитрий Юрьевич,
редактор отдела «Культурное наследие»
Самсонов Владислав Юрьевич,
редактор отдела «Тайны, находки, открытия»
Сиротин Олег Владимирович,
технический редактор
Ягов Олег Васильевич,
первый заместитель председателя Правительства Пензенской области

№2 (42)
2022

Выходит 4 раза в год

Издается при финансовой поддержке Правительства Пензенской области

Учредитель:
Региональная общественная организация краеведов Пензенской области

© Региональная общественная организация краеведов Пензенской области

Адрес редакции:
440046, г. Пенза, ул. Попова, 40;
e-mail: kraeved-pnz@mail.ru

На первой странице обложки:

Участники Всероссийских краеведческих чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения С.О. Шмидта.

На второй странице обложки:

1. Выступление В.И. Первушкина на пленарном заседании. Пенза, 28 мая 2022 г.; 2, 4. Секционные заседания. Пенза, 28 мая 2022 г.; 3. Участники пленарного заседания. Пенза, 28 мая 2022 г.; 5. Делегация из Мордовии. Пенза, 28 мая 2022 г.; 6. Встреча гостей в с. Наровчат. 29 мая 2022 г.; 7, 8. Экскурсия по Наровчату. 29 мая 2022 г.

На третьей странице обложки:

1. Николай Бобров. Зима 1941 г.; 2. Выпись о рождении Николая Боброва (1921 г.); 3. Перезахоронение и панихида; 4. Выпись о браке А.Н. Боброва и Е.И. Москалевой; 5. Мама у памятника сыну – Герою Николаю Боброву; 6. А.А. Бобров у стелы «Слава Героям» в Пензе; 7. Грамота Героя Советского Союза Н.А. Боброва.

Содержание

Личность в пензенском краеведении
В.И. Первушкин
ГЕННАДИЮ НИКОЛАЕВИЧУ БЕЛОРЫБКИНУ – 60 ... 3
О.А. Сухова
«ДОНКИХОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ...» ... 5
А.В. Тишкина
В.А. ВЛАСОВ – ПЕДАГОГ, ИСТОРИК, КРАЕВЕД ... 7
Родная старина
В.А. Винничек, А.В. Дидюлин
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ УСТЬ-УЗИНСКОГО МОГИЛЬНИКА XVII – XVIII ВВ. ... 11
Л.А. Гусев
ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОГО ИЗ ТЕХ, КОГО В 2016 ГОДУ СТАЛИ НАЗЫВАТЬ «ДЕТЬМИ ВОЙНЫ» ... 13
Культурное наследие
Т.В. Устимкина
АЛЕКСАНДР МАЛЫШКИН: РОДОМ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ ... 19
А.С. Иванов
ПЕРВЫЙ ОПУБЛИКОВАННЫЙ РАССКАЗ А.Г. МАЛЫШКИНА ... 24
А.Г. Малышкин
В ОСЕННИЕ ДНИ ... 26
Д.Ю. Мурашов
ГЕРОЙ ДВУХ СТРАН (поэт Алексей Дураков) ... 29
Тайны, находки, открытия
А.А. Бобров
ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ И СЛАВЫ. К 80-летию подвига брата – Героя ... 33
Д.А. Панфилов
ПАМЯТЬ О ГЕРОЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Ф.М. ЧЕРОКМАНОВЕ ... 40
Г.П. Тамбовцев
ФРОНТОВИК ИЗ КОПОВКИ ... 43
А.Н. Соболев
ШИФРЫ И ЖАНДАРМЫ ... 49
А.Г. Сохряков
ПРОМЫСЛЫ СЕЛА ОРЛОВКА НАРОВЧАТСКОГО РАЙОНА ... 53
Точка на карте
Ю.С. Лубошникова
ДЕРЕВНЯ, ЖИВУЩАЯ В СЕРДЦЕ ... 57
И.Ф. Шувалов
ИЗ ИСТОРИИ НЕВЕРКИНСКОГО РАЙОНА (КРАТКОЕ ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ) ... 60
Осторожно, фейк
В.И. Первушкин
«СОЛНЕЧНЫЙ СТОЛП» ПОД СЕРДОБСКОМ ... 62
Здравствуйте, я ваш экскурсовод
Т.А. Кайманова
МУЗЕЙНАЯ ЭКСКУРСИЯ И ЕЁ ОСОБЕННОСТИ (Рекомендации к показу плоскостных экспонатов) ... 64
Советуем почитать
Г.А. Мельничук, Н.В. Степанова, Г.Ю. Зеночкина, В.И. Капасов, А.Н. Коняшкин
«СВОЙ» И НА ПЕНЗЕНЩИНЕ, И В МОРДОВИИ, ИЛИ КНИГА О ПРОФЕССОРЕ Н.Ф. МОКШИНЕ ... 69
Конференции
В.И. Первушкин
ВСЕРОССИЙСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ В ПЕНЗЕ ... 75

Сведения об авторах ... 80

ЛИЧНОСТЬ В ПЕНЗЕНСКОМ КРАЕВЕДЕНИИ

В.И. Первушкин

ГЕННАДИЮ НИКОЛАЕВИЧУ БЕЛОРЫБКИНУ – 60

12 июня 2022 г. исполнилось 60 лет известному российскому учёному, краеведу Геннадию Николаевичу Белорыбкину. Родился он в г. Казани, в 1979 г. окончил там школу №72. Ещё в 8-ом классе в летние каникулы он побывал в археологической экспедиции. И… беззаветно влюбился в историю и археологию. Это и определило его дальнейшую судьбу. После школы проблемы, куда поступать, у Геннадия не было. Дорога его лежала на исторический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Позже он напишет: «В университете мне посчастливилось учиться у такого выдающегося археолога, как Альфред Хасанович Халиков, который и сделал из меня сначала председателя археологического кружка, а затем и археолога. Именно ему я обязан тем, что с 1980 г. веду раскопки на территории Пензенского края и до сих пор занимаюсь изучением легендарных буртас».

Окончив в 1984 г. с красным дипломом Казанский государственный университет, Геннадий Николаевич поступает в аспирантуру Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР им. Г. Ибрагимова. Однако изучение древней истории Пензенского края из Казани было весьма затруднительно, и в 1986 г. при поддержке заведующего кафедрой Истории СССР Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского Виталия Ивановича Лебедева стал ассистентом. На пензенском материале он написал и в 1991 г. в Киеве в Институте археологии АН УССР защитил кандидатскую диссертацию «Домонгольские памятники булгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья (на пути из Булгара в Киев)».

Сама тема научной работы толкала его в краеведение. В 1997 г. его избирают главным редактором журнала «Краеведение», но в 2004 г. из-за финансовых трудностей, к сожалению, журнал закрывается. Но нам не помешало считать это издание предтечей современного журнала.

Фактически в Пензе Геннадий Николаевич состоялся как учёный и организатор научных исследований, пройдя путь от ассистента до профессора. В 1997 г. он создал и возглавил кафедру истории древнего мира, средних веков и археологии. Он соавтор фундаментальных трудов по истории татар, Волжской Булгарии и Золотой Орды. Полученные им научные результаты признаны в научном сообществе не только в России, но и далеко за её пределами.

В июне 2003 г. в г. Ижевске Г.Н. Белорыбкин защитил докторскую диссертацию по теме «Динамика хозяйственного и этнокультурного развития Западного Поволжья в средние века (по археологическим данным)».

В 2004 г. ему присвоено учёное звание доцента, а в 2006 году – профессора.

С 2007 по 2013 гг. – ректор Пензенского института развития образования. Под его руководством институт организовал обучение директорского корпуса образовательных учреждений ПФО по федеральной программе «Современный образовательный менеджмент», всех учителей начальной школы в рамках апробации федерального курса «Основы религиозных культур и светской этики» и ФГОС начальной школы. В 2012 г. аттестован как федеральный эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы.

С 2013 по 2014 гг. – проректор Пензенского филиала Московского государственного университета технологий и управления им. В.Г. Разумовского.

С 2014 г. по 2021 год – директор института непрерывного образования Пензенского государственного университета, а в 2021 г. вновь становится ректором Института регионального развития Пензенской области.

Г.Н. Белорыбкин является членом многих федеральных экспертных советов как в области охраны культурного наследия, так и в области модернизации образования.

На протяжении многих лет Геннадий Николаевич занимается изучением булгаро-буртасских и мордовских древностей. В частности, вёл раскопки средневековых городищ (Юловское, Золотаревское, Неклюдовское и др.), мордовских могильников XII–XIII веков (Кармалейский, Татарская Лака II), открыл протомордовский могильник III–IV веков (Усть-Узинский).

В последние годы им были налажены охранные археологические работы, что позволило спасти и восстановить множество страниц из истории Пензенского края.

В интервью газете «Наша Пенза» на вопрос, какое из сделанных открытий для вас является самым важным, он лаконично ответил: «Для меня делом всей моей жизни стало Золотарёвское городище. Все сделанные там на сегодняшний день открытия архиважны не только для истории Пензенского края, но и для России в целом… Уже

В.И. Первушкин и Г.Н. Белорыбкин. Золотарёвское городище. 2 сентября 2017 г. Фото из личного архива автора

много лет я лелею надежду установить на Золотарёвском городище памятник нашим героям, которые погибли здесь, но не сдались»[1]. Учёный придерживается, на первый взгляд, простой научной логики – чем больше расширяется круг наших знаний, тем больше появляется вопросов. В этой простоте кроется огромный опыт исследователя. В интервью упомянутой газеты он подчеркнул: «Процесс поиска бесконечен. Например, осенью прошлого года состоялась презентация книги «Средневековый город Мохши» – это коллективная монография, одним из авторов которой стал и губернатор Пензенской области Олег Владимирович Мельниченко»[2].

Геннадий Николаевич постоянно подчёркивает: «Одно из важнейших научных направлений в институте (Институт регионального развития Пензенской области – *В.П*) – создание научной истории Пензенского края. Как ни прискорбно констатировать, до сегодняшнего дня – уже 200 лет губернии, 80 лет Пензенской области – нет полноценной истории Пензенского края. Дальше энциклопедии мы так и не продвинулись. А это все-таки не системное изложение истории, а набор фактов, событий, имён, который не даёт общей картины понимания развития региона. Сейчас в

институте собрался творческий коллектив, вокруг которого мы объединили всех ведущих учёных, краеведов, они занимаются разными периодами и проблемами истории Пензенского края. Рассчитываем в течение 3–4 лет подготовить полноценную историю Пензенского края. Чтобы любой мог понять, что и как происходило, узнать, насколько это достоверно»[3].

Конечно же, не могу не сказать о наградах Геннадия Николаевича. Его активная и плодотворная научная, учебная и общественная работа была отмечена медалями: «За достижения в образовании» (2008, 2010, золотые от ВВЦ), «Патриот России» (2009), К.Д. Ушинского (2010), «В память 350-летия г. Пензы» (2013); Почётными грамотами Губернатора Пензенской области (2004) и главы администрации города Пензы (2006); имеет Благодарности Министра культуры республики Болгария (2006), Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ (2008), президента Русского Дворянского Собрания в Америке (2010); званием «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2009); памятными знаками «За заслуги в развитии г. Пензы» (2013), «Во славу земли Пензенской» (2021).

Примечания

1. Наша Пенза. 2022. №7. 16 февраля. С. 8.

2. Там же.

3. Улица Московская. 2022. №21. 17 июня. С. 7.

О.А. Сухова

«ДОНКИХОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ...»

Вячеслав Алексеевич Власов пользуется заслуженным уважением и известностью в пензенском научном и интеллектуальном сообществе: как блестящий оратор, неисправимый жизнелюб и оптимист, неутомимый исследователь региональной истории и человек энциклопедического склада.

Для меня знакомство с творчеством Вячеслава Алексеевича началось с его бесспорно знаковой работы «Школа и общество» (впоследствии подаренной мне лично автором в период нашего активного сотрудничества в проекте по созданию Энциклопедии ПГПУ)[1]. Работа искренне подкупала своим новаторским подходом к интерпретации на первый взгляд скучных проблем педагогического потока российской модернизации. С удовольствием прочла сводки с «безбожного фронта», отметила для себя национальную и региональную специфику интеллектуальных поисков и взаимодействия власти и общества в борьбе за новую школу; поистине революционные преобразования, при всех противоречиях и недочётах открывавшие невиданные перспективы для социокультурного прорыва; оригинальную трактовку периодизации процесса, исключавшей разрыв исторической преемственности. И ни одного необоснованного утверждения: все выводы опирались на добротную источниковую базу.

С 2009 г. мне не единожды посчастливилось участвовать вместе с Вячеславом Алексеевичем в реализации исследовательских проектов. Одним из наиболее успешных начинаний стала подготовка монографии по истории местного самоуправления в Пензенском крае, выдержавшей уже два издания[2]. История пензенского городского совета в 1917–1993 гг. была рассказана в лучших традициях отечественной историографии: с уважением к факту, без намёка на политическую ангажированность и демонизацию советской истории. Кредо автора – внимание к деталям. Так, отправной точкой

советского периода названо решение об упразднении городской думы, принятое только в апреле 1918 г.[3]. Методический инструментарий, позволяющий эффективно решать исследовательские задачи, связан с изучением роли личности в истории местного самоуправления, а также с краеведческим нарративом, раскрывающим результаты деятельности Горсовета.

В.А. Власов читает первокурсникам лекцию об истории Педагогического института им. В.Г. Белинского. 2 сентября 2021 г.

Три долгих года (2016–2019 гг.) мы с Вячеславом Алексеевичем трудились в составе редколлегии нового издания «Пензенской энциклопедии». Сложный и тернистый путь разработки новых подходов к методологической оснастке издания, кропотливая работа с авторами статей, редакционная правка – лучшие качества подлинного исследователя и эффективного менеджера проявились на этом этапе. Важными факторами успешного выполнения проекта стали: широкий круг общения, профессионализм и высокий уровень этических требований, прежде всего, к самому себе. Помимо огромного объёма организационной работы Вячеслав Алексеевич активно участвовал в дополнении текстов статей первого издания и в создании новых страниц пензенской истории.

Неоценим вклад пензенского исследователя в подготовку научного издания: «Побратимы. Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается»[4]. Вячеслав Алексеевич провёл огромную поисковую работу по выявлению источников в фондах ГАПО и местного управления МВД, обнаружил и ввёл в научный оборот новые данные о количестве и организации пребывания эвакуированного населения на территории Пензенской области.

Одна из последних наших совместных работ – «История становления пензенской юридической школы. Книга 4»[5]. С присущими Вячеславу Алексеевичу системностью и аргументированностью в этом издании изложена история представительных органов власти Пензенского края в советский период.

Трепетное отношение к источнику, и, я бы сказала, джентльменский подход и уважение к истории в целом, будут, надеюсь, определять и последующие исследования Вячеслава Алексеевича Власова.

Примечания

1. *Власов В.А.* Школа и общество. Поиски путей обновления образования. Вторая половина XIX – первая треть XX вв. Пенза, 1998. 259 с.

2. *Власов В.А., Комплеев А.В., Первушкин А.В., Сухова О.А.* Пензенская городская Дума: история и современность. Пенза, 2013. 280 с.

3. *Власов В.А., Комплеев А.В., Первушкин А.В., Сухова О.А.* Пензенская городская Дума... С. 47.

4. *Власов В.А.* Эвакуация из Ленинграда в Пензенскую область // Побратимы. Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается". М., 2019.

5. История становления пензенской юридической школы. Книга 4. Пенза, 2020. Т. 1. 354 с.

А.В. Тишкина

В.А. ВЛАСОВ – ПЕДАГОГ, ИСТОРИК, КРАЕВЕД

26 марта 2022 г. исполнилось 70 лет известному пензенскому учёному и педагогу Вячеславу Алексеевичу Власову. Многие поколения студентов Педагогического института им. В.Г. Белинского помнят своего преподавателя истории. С большим уважением относятся к нему коллеги, руководство. Хотелось бы обратить внимание читателей журнала «Пензенское краеведение» (в котором он является редактором школьного отдела) на некоторые стороны его деятельности, показать его личность и деятельность глазами студентов и коллег.

Наше сотрудничество с Вячеславом Алексеевичем началось в 2000 г., когда он стал научным руководителем при подготовке моей кандидатской диссертации. С первых дней общения был заметен особый стиль его работы: вежливый, тактичный, ответственный.

Я бы выделила несколько правил, которые могут пригодиться начинающим исследователям, в том числе краеведам. Прежде всего, уважительное отношение к работе предшественников, изучение их трудов, честные и полные ссылки на их работы. Поэтому каждый параграф диссертации начинался с историографического обзора.

Составление собственной картотеки по различным историческим проблемам с указанием библиографических сведений. Что характерно, Вячеслав Алексеевич очень точно и педантично собирает сведения об исследованиях: не только название, авторство, но и количество страниц и иллюстраций, название издательства. А подчас и интересные сведения об авторах, своём знакомстве с ними, месте работы и характере. Такие сведения оказываются полезными в самый неожиданный момент.

Кроме того, научный руководитель приучал нас к составлению полного списка собственных работ. Хотя поначалу этот список был не так обширен, со временем этот навык оказался просто необходим для дальнейшей научной работы.

Вячеслав Алексеевич всегда с уважением относился к своим аспирантам: каждое замечание сопровождалось подробным объяснением, дополнительный список литературы для изучения – библиографическими ссылками. Неизменное «Вы» в обращении не зависело и не зависит от должности и звания собеседника. Перед научной командировкой следовали развёрнутые инструкции по работе в центральных архивах и библиотеках, передвижению по улицам неизвестных городов. В настоящее время это звучит необычно, но в начале нулевых интернет ещё не вошёл в нашу жизнь, в том числе научную. Черновики диссертации, научных статей Вячеслав Алексеевич стоически читал в рукописном виде. Затем пришлось освоить печатную машинку советского образца, после неё появилась возможность набирать текст на компьютере.

Новые технологии он с интересом освоил и продолжает осваивать, используя их в работе со студентами. Вместе с тем, он не оставляет попыток приучить молодёжь к чтению исторической периодики: журналы «Родина», «Вопросы истории» и др. Библиотека Педагогического института его стараниями также пополняется новыми изданиями, в том числе краеведческого характера.

Особо следует отметить роль В.А. Власова как популяризатора истории и пензенского краеведения. Его статьи и выступления актуальны для пензенских СМИ – «Радио России из Пензы», «Пензенская правда», «Университетская газета» и другие издания. При этом тематика его работ достаточно широка. Этот связано и с тем фактом, что Вячеслав

Алексеевич не один десяток лет преподает историю первокурсникам как исторических, так и неисторических профилей. В настоящее время название предмета – «История» (история России, всеобщая история). До сих пор у студентов пользуется спросом учебник, появившийся под его редакцией в начале 1990-х гг.! Тогда происходил слом устоявшейся идеологии, много проблем и подходов исторической науки требовалось переосмыслить. В этих непростых условиях писать учебник по всему курсу отечественной истории было непросто. Но коллектив кафедры отечественной истории под его руководством успешно справился с этой задачей и создал учебное пособие, выдержанное по содержанию и объёму, обобщению материала по истории России (История Отечества. IX–XX вв. Учебное пособие. Пенза, 1999. 224 с.).

Вячеслав Алексеевич сочетает в своей работе лучшие традиции советского образования и новые технические возможности. Чем и подаёт отличный пример для своих студентов и коллег.

Анна Григорьевна Иванчина окончила МГУ им. М.В. Ломоносова в 1976 г. и была распределена на кафедру истории КПСС Пензенского государственного педагогического института, где с 1973 г. работал Вячеслав Алексеевич Власов, сначала в должности ассистента (1973–1975), затем старшего преподавателя (1978–1980), потом доцента (с 1980 г.). Не один десяток лет Анна Григорьевна проработала с Вячеславом Алексеевичем.

«*С начала совместной работы у нас наладились хорошие отношения. Руководство кафедры организовало чёткую дисциплину, ответственное отношение к поручениям. Поэтому два раза в год обязательно проводились открытые занятия с обязательным посещением коллегами и последующим обсуждением*», – вспоминает Анна Григорьевна.

«*Регулярно обсуждались тексты лекций и планы семинаров по различным историческим темам, большое внимание этому уделял Сергей Федорович Абрамов (проректор по учебной работе ПГПИ в 1970–1979 гг., зав. кафедрой истории КПСС в 1978–1988 гг.). Многое из этой работы продолжил и развил Вячеслав Алексеевич, ставший заведующим кафедрой с 1988 г. Он заслуженно получил эту должность, т.к. отличался энергичностью, молодостью, активной научной работой. Мы все вели активную общественную работу: читали лекции по линии общества «Знание», в том числе в различных районах Пензенской области, проверяли кабинеты политинформации при заводах и фабриках. Конечно, больше всего велась разъяснительная работа о политике партии, но всё это было тесно связано с исторической проблематикой. Подобные лекции сопровождали и выступления художественной самодеятельности, агитбригады осенью ездили по колхозам и совхозам, в которых работали студенты.*

В.А. Власов и Т.А. Кайманова. 1972 г. Фото из личного архива Т.А. Каймановой

Выступление В.А. Власова на «Радио России. Пенза» в рубрике С. Пономарева «Дом культуры» об истории развития бальных танцев в Пензенской области. 15 апреля 2022 г.

Вячеслав Алексеевич на любой должности отличался порядочностью, честностью, скрупулезностью в научной работе и ровным характером в общении. Он до сих пор поддерживает членов своей кафедры в разных жизненных ситуациях».

Нисколько не слукавим, сказав, что каждый студент Педагогического знает Вячеслава Алексеевича Власова: на первом курсе он ведёт общий курс истории на разных профилях. Студенты ценят в этом преподавателе его профессиональные и человеческие качества: потрясающую память, внимание к деталям, нестандартный подход к учебным заданиям, а также удивительный дар рассказчика, харизматичность и чувство юмора.

Студент 2-го курса профиля «Журналистика» Даниил Кузьменко*: «У Вячеслава Алексеевича действительно особая манера преподавания. Даже рассказывая о достаточно трудных и серьёзных моментах российской истории, он крайне умело наполняет лекцию шутками, отступлениями и интересными фактами из собственной биографии. Что уж говорить о его цитатах, которые мы, учась на первом курсе, записывали, а затем активно использовали. Например, делая акцент в лекции, Вячеслав Алексеевич непременно произносит: «И это важно», – значит, нужно записать и подчеркнуть – этот факт важен для хода исторического процесса, и мы все это понимали. Или рассказывая о выдающейся личности, в лекции он говорит: «Запишите его! Он достоин, чтобы его записали». И мы записывали не только фамилию этого человека, но и эту цитату».*

Для студентов сейчас важна практическая значимость занятий, которые они посещают, нестандартные подходы к преподаванию. Задания Вячеслава Алексеевича всегда интересны и разносторонни: можно получить баллы, прогулявшись по родному городу и сделав селфи на фоне местной достопримечательности, а можно исследовать историю гимнов и даже исполнить один из них. Не случайно у кафедры, где работает Вячеслав Алексеевич, всегда есть очередь из желающих рассказать очередную порцию фактов из истории. Вот так просто: от истории родного города к истории целой страны.

«*Ходить на пары к Вячеславу Алексеевичу – одно удовольствие. Столько рассказов, фактов, деталей, мелочей – всё до крупинки – ещё больше помогают вникать в историю»,* – замечает Яна Гречишкина (студентка 2-го курса ИФФ).

«*Вячеслав Алексеевич – ходячая энциклопедия. У него потрясающая память: кажется, что он помнит каждую дату в истории, количество погибших в том или ином конфликте с точностью до человека, исторические события с точностью до дня. Мы, как журналисты, жалеем, что курс, который преподает Вячеслав Алексеевич, длится всего полгода. С таким подходом преподавания я бы согласился хоть 4 года учить историю*», – отмечает студент 1-го курса направления «Журналистика» Дмитрий Володин.

Многие студенты и выпускники говорят о Вячеславе Алексеевиче, как о человеке с богатым словарным запасом: он всегда знает, что сказать и как. Его лекции – как маленькие спектакли с обязательными историями из жизни, которые делают лекцию ещё интереснее.

«*Это человек-стендап, человек-харизма и просто хороший человек. Я был студентом 1 курса, когда Вячеслав Алексеевич вёл в моей группе пары. К нему на лекции было всегда очень радостно идти. Ведь он не только разъяснял нам исторические процессы, но и с юмором объяснял какие-то бытовые ситуации*», – делится своими впечатлениями студент-магистрант Михаил Осетров.

«Уже после выпуска с историко-филологического факультета я не раз вспоминала Вячеслава Алексеевича. А когда сама стала преподавать, старалась так же, как и он, рассказывать о людях и событиях как о части своей жизни. Вячеслав Алексеевич не только прекрасный преподаватель, но и интересный человек, с ним всегда есть о чём поговорить за дверями кабинетов. Он не только выслушает, но и даст хороший совет с точки зрения исторической действительности, в которой всегда есть ответы на насущные вопросы», – делится впечатлениями выпускница историко-филологического факультета Анастасия Любишина.

«*Для меня Вячеслав Алексеевич всегда был и остаётся олицетворением русского интеллигента: стройный, подтянутый, вежливый, всегда одет с иголочки, начитан, прекрасно образован. Я не помню его в плохом настроении ни разу за 7 лет нашего знакомства: я училась у него на первом курсе, когда была студенткой исторического направления; сейчас мы работаем на одной кафедре. Мне всегда очень нравилась его доброжелательность по отношению к студентам, желание пойти навстречу. Вячеслав Алексеевич умеет выстроить диалог со студентами, умеет быть с ними на равных. Хотя Вячеслав Алексеевич – кандидат наук, занимал должности и проректора, и заведующего кафедрой, он все равно умеет быть простым человеком, с которым можно пошутить и посмеяться*», – говорит Наталия Коблова, документовед кафедры «История России и методика преподавания истории».

Будущие историки и обществоведы, «русаки» и литераторы, лингвисты и филологи – весь историко-филологический факультет (и не только) побывал на лекциях этого прекрасного преподавателя, и главное, хорошего человека. И это его вклад в будущее…

В.А. Винничек, А.В. Дидюлин

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ УСТЬ-УЗИНСКОГО МОГИЛЬНИКА XVII – XVIII ВВ.

В трёх километрах к северу от села Усть-Уза Шемышейского района на обрывистом берегу Сурского водохранилища расположен позднесредневековый Усть-Узинский могильник, оставленный языческой мордвой. Этот археологический памятник постоянно размывается, и, как следствие, из разрушенных погребений на берег выпадают человеческие кости и погребальный инвентарь, среди которого множество различных украшений. В 1967 г. Усть-Узинский могильник исследовал П.С. Рыков. Было вскрыто одно погребение, материалы которого позволили отнести его к XVII–XVIII вв.[1].

В 2001 г. в обрыве берега были обнаружены и раскопаны в охранных целях три погребения, совершённых по обряду трупоположения головой в южном направлении (мордва-мокша), два из них оказались детскими и одно – женским. Кроме этого, на размытой водохранилищем части могильника был собран подъемный материал,[2] среди которого, на наш взгляд, особого внимания заслуживают нумизматические находки, позволяющие более точно датировать археологический памятник. К таковым относятся немецкие, чеканенные в Нюрнберге, счётные жетоны (счётные пфенниги); копейки, денги и полушки России; польские медные и серебряные монеты. Все без исключения жетоны и большинство монет обладают отверстиями, что указывает на их применение в качестве украшений одежды и ожерелий. Не пробитыми зафиксированы только русские проволочные «чешуйки», которые, по-видимому, использовались в качестве «обола мёртвых».

До недавнего времени западноевропейские жетоны, обнаруженные в погребальных позднесредневековых памятниках, исследователями детально не изучались и в качестве хронологических реперов не использовались[3]. Однако в последние годы их всё же начали успешно применять для датировки археологических комплексов[4]. Большинство усть-узинских жетонов после тщательной химической очистки от медных окислов удалось атрибутировать. На них сохранились имена следующих производителей: Корнелиус Лауфер (минцмейстер в 1658–1711 гг.), Лазарус Готтлиб Лауфер (минцмейстер в 1663–1709 гг.) и Иоганн Вайдингер (минцмейстер в 1670–1727 гг.) [5]. Таким образом, нюрнбергские счётные пфенниги, как показывает их хронологический анализ, завозились русскими представителями купечества местной мордве начиная уже со второй половины XVII в. Меновая торговля с аборигенным населением, по-видимому, была очень выгодной. Отдавая дешёвые безделушки, а именно таковыми были монетовидные латунные жетоны, и зная высокий спрос на них у поволжских финнов, ловкие торгаши получали взамен ценные меха пуш-

ных зверей, мёд и воск диких пчёл, рыбу, продукты сельского хозяйства.

Все обнаруженные на территории Усть-Узинского могильника русские монеты были определены, типологизированы и опубликованы в 2001 г. И.А. Дрыгиным и М.Ю. Ушаковой. Как удалось выяснить авторам статьи, самые старшие из них датируются 1614 г., а самые поздние – 1721 г., что не противоречит общей датировке могильника и позволяет определить с точки зрения хронологии окончание его функционирования (Таблица 1)[6].

Наиболее интересными нумизматическими находками с Усть-Узинского могильника, на наш взгляд, являются польские медные и серебряные монеты, среди которых выделяются два солида – «боратинки» (один – 1660 г. (Фото 1, 1), на другом дата, легенда и изображения практически стёрты (Фото 1, 2)), три полуторагрошовика (один – 1623 г. (Фото 1, 3), другие – фрагментированы (Фото 1, 4,5)) и трояк (три гроша)1622 г. (Фото 1, 6).

Поскольку самыми поздними польскими монетами являются медные солиды, то время проникновения в Верхнее Посурье всех вышеуказанных польских монет необходимо связывать с событиями, которые произошли в конце 60-х годов XVII в. Одним из таковых наиболее важных в этом плане, на наш взгляд, является окончание 13-летней войны между Речью Посполитой и Россией с последующим заключением Андрусовского перемирия в 1667 г.

«Согласно условиям договора Смоленск и Северская земля отошли к России. Одной из оговоренных перемирием

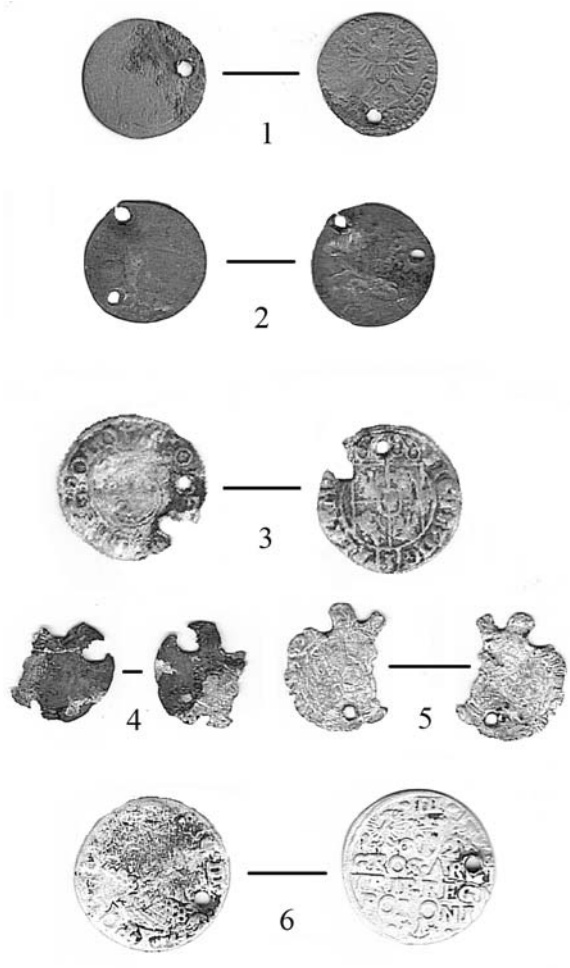


Фото 1. Польские монеты XVII века с Усть-Узинского могильника

проблем была компенсация оставшейся без земли и содержания шляхте. Прежде всего, речь шла о шляхте, сражавшейся на стороне России. Часть шляхты – служившая в гарнизонах Смоленска и Полоцка – приняла русское подданство и была отправлена на службу в Уфимский уезд во вновь построенные крепости Новозакамской укрепленной линии. К самарским землям тогда относилась часть

Таблица 1

ПРАВИТЕЛЬ	КОЛИЧЕСТВО	С ОТВЕРСТИЯМИ	БЕЗ ОТВЕРСТИЙ
Михаил Федорович	30	22	8
Алексей Михайлович	5	3	2
Федор Алексеевич	5	5	-
Иоанн Алексеевич	3	1	2
Петр Алексеевич	66	32	34
всего:	109	63	46

Новозакамской укрепленной линии, где были поселены шляхтичи»[7].

Необходимо отметить, что остроги, в которые направлялись служилые поляки, находились к востоку от пензенских земель. Достоверную информацию о движении шляхтичей с запада на восток авторам разыскать не удалось, однако вполне возможно, что поляки имели по пути следования прямой торговый контакт с верхнесурской мордвой, отголоски которого сохранились до наших дней. С другой стороны, польские монеты могли быть доставлены местному населению русскими купцами вместе с западноевропейскими жетонами, однако в других погребальных памятниках Верхнего Посурья и соседних регионов они пока не отмечены.

Примечания

1. *Полесских М.Р.* Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза, 1970. С. 154.

2. *Винничек В.А.* Археологические исследования в районе Усть-Узинского могильника // Finno-Ugrica. Казань, 2001–2002. № 1. С. 44–55.

3. *Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Кельгининский могильник. Саранск, 1998. С. 16. Рис. 61, 12–15.

4. *Пушкарев А.А.* Западноевропейские счётные жетоны из погребальных археологических комплексов Сибири: Историографический разбор // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 6. С. 130–134.

5. *Пушкарев А.А.* Нюрнбергские жетоны в Западной Сибири как исторический источник. Дисс....канд. ист. наук. Томск, 2020. 294 с.

6. *Дрыгин И.А., Ушакова М.Ю.* Монеты с мордовского могильника XVII–XVIII веков близ села Усть-Уза // Археология Поволжья: Сб. статей. Пенза, 2001. С. 165–170.

7. Электронный ресурс, URL: https://www.samddn.ru/dom-druzhby-narodov/narody-samarskoy-oblasti/polyaki/

Л.А. Гусев

ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОГО ИЗ ТЕХ, КОГО В 2016 ГОДУ СТАЛИ НАЗЫВАТЬ «ДЕТЬМИ ВОЙНЫ»

До 50-х годов XX века я жил в Пензе, где и родился. Пенза до войны (да и некоторое время после войны) была хотя и областным, но небольшим городом. До войны в центре города был Спасский собор, который в 1930-е годы разобрали. Хотя я тогда был ещё очень мал, лет 5-ти, я до сих пор этот собор, хотя и смутно, помню. На месте разобранного собора сделали спортплощадку, которую я помню, конечно, гораздо лучше. Не знаю, был ли собор архитектурной ценностью; что же касается спортплощадки, то она, определенно, была хороша. Теперь собор построен заново, почему-то сдвинутым метров на 100 к западу от своего исконного места.

Наш дом (частный, деревянный, одноэтажный, с небольшим участком) был предпоследним на улице. За последним домом город кончался, дальше к югу простиралось огромное пустое поле, посреди которого, километрах в двух от города, был небольшой лесопитомник. Дальше опять шло поле до горизонта; на горизонте еле видным синел дремучий лес (с его дремучестью я ознакомился, естественно, намного позже, после войны).

Наискосок от нашего дома через улицу и чуть в горку была школа; ходу до нее было 2–3 минуты. Но родители определили меня с первого класса в школу в самом центре города, т.е. в полутора километрах

от дома. Транспорта в городе никакого не было, кроме извозчиков, стоявших обычно у вокзала. Все ходили пешком. (Кстати, до войны наша улица называлась «Пешая»; потом она стала «Богданова». Кто такой Богданов? До сих пор не имею никакого понятия).

Почему же родители меня так определили? Дело в том, что в этой школе №4 в центре города славилась учительница младших классов Лидия Ивановна Гомерова (какова фамилия для педагога!). Славилась она тем, что в её классе все ученики писали грамотно. Это и решило дело, и родители поступили совершенно правильно, отдав меня туда. (В скобках забавность: когда школы разъединили, Лидия Ивановна попала в женскую школу; поработав в ней немного, она ушла в мужскую. Говорила, что с девчонками ей работать ужасно скучно: скажешь им написать строчку палочек – они напишут 8 строк и т.д.).

Когда началась война, я закончил 2-й класс (9 лет). Первый день войны отлично помню. О войне мы узнали, по-видимому, по радиоприёмнику. Проводного радио («трансляции») у нас не было, да и электричество к нам, на окраину города, провели довольно поздно – за 2–3 года до войны. До того освещались керосиновыми лампами: несколько переносных и одна большая, потолочная, по яркости, пожалуй, сравнимая со 100-ваттной лампой накаливания. Вместе с электричеством появились у нас и радиоприёмники: сперва СИ-235 прямого усиления, потом супергетеродин 6Н-1 (с начала войны приёмники у жителей были отобраны; после войны их вернули. Этот 6Н-1 и сейчас стоит у меня дома и отлично работает. Раз в 10 лет я проверяю по приборам все его резонансные цепи). Так вот, о войне мы узнали по радио. День был воскресный, солнечный, жаркий, безмятежный – и вдруг я почувствовал: возникла и стала быстро расползаться какая-то гнетущая тревога. Конечно, овладела эта тревога взрослыми, а я, уже видимо от них, остро её ощутил. В придачу, в самые первые часы войны меня поразил дезертир. Дело было так.

Наш участок слева отделялся от улицы глухим и довольно высоким забором, а справа тоже высоким, но не глухим забором от соседнего участка. В упомянутой школе наискосок от нашего дома почти тотчас же заработал призывной пункт.

Я был на своём участке, и вдруг со стороны соседского участка через забор перемахнул какой-то парень, молнией пересёк наш двор и так же молниеносно перемахнул сплошной забор на улицу – и исчез. Всё произошло так быстро, что наша овчарка (в войну она погибла от голода), сидевшая в будке, не успела даже шевельнуться, хотя он пробежал впритирку к её будке. Событие это так меня поразило, что, как видите, я запомнил его навсегда. (Во время войны по городу ползли слухи, что в том самом глухом лесу обосновались дезертиры. Говорили о них и некоторое время после войны, потому в этот лес горожане до конца 1940-х годов наведываться побаивались).

Конечно, вы хотите узнать о моих самых сильных впечатлениях за военные годы. Но об этом чуть позже, а пока ещё несколько зарисовок.

Пензу не бомбили. За всю войну на город не упала ни одна бомба, хотя немецкие самолёты над городом летали. В Пензе был очень крупный военный объект – это велозавод им. Фрунзе. До войны он выпускал велосипеды, патефоны, разный ширпотреб. Но это была побочная продукция, по сути – и до войны – он был заводом военным. Находился он на северной окраине города, вернее сказать – примыкал к городу с севера. От нашего дома он был в максимальном удалении.

Но зато почти рядом располагался небольшой авиационный завод – может быть, это был даже не завод, а большие мастерские по ремонту самолётов. И вот эти заводы фашисты не бомбили, хотя летали буквально над ними. Не знали, что ли? Видимо, секретная служба в Советском Союзе была тогда на высоте.

Фронт быстро продвигался вглубь страны, опасность бомбёжки нарастала, и отец собственноручно соорудил на участке «бомбоубежище». Это был окоп в форме буквы Г. Верхняя планка буквы – это лестница вниз. Сам окоп был глубиной примерно 1,8 метра: снизу поуже, сверху пошире. Стены его были обшиты досками, а сверху окоп прикрывали два наката толстых брёвен. К стенам крепились: с одной стороны – откидные нары, с другой – откидная скамейка, в торце – откидной столик. Была и вентиляция, и дымоход, и маленькая круглая железная печка. В общем – бомбоубежище высшего класса! В него мы бегали при воздушных тревогах, накрывши головы тазами (от зенитных осколков, сыпавшихся с неба в изобилии: по фашистским самолётам стреляли).

О воздушных тревогах узнавали по трансляции, которую вскоре после начала войны установили в домах. Репродуктор (так называли тогда громкоговоритель) купить уже было негде, и отец сделал самодельный. Отец был инженером по холодной обработке металлов, потому репродуктор (электромагнитный) получился неказистым: магнит слабый, якорь из железки толщиной миллиметра два (где уж тут низкие частоты!), катушка намотана толстой проволокой (если бы не ограничительные конденсаторы на столбах, этот репродуктор замкнул бы всю уличную радиосеть). Тем не менее, через него сводки Совинформбюро и сигналы воздушной тревоги как-никак были слышны. Наушники же работали хорошо.

Отец провёл в бомбоубежище даже свет, но это оказалось пустой затеей: с начала войны свет потух, керосина тоже не стало. Сидеть вечерами приходилось при «коптилке». Это такая плошка с фитильком из шерстяных волосков. Света такая коптилка давала примерно $^1/_5$ света свечки. При такой коптилке мне приходилось делать школьные уроки.

С начала войны здания школ стали заниматься под госпитали. Наш класс начал кочевать: занятия шли в случайных помещениях – в каких-то подвалах, складах, пристройках. Однажды классом стал даже некий биологический кабинет со скелетом. В этом кабинете в шкафу стоял комплект энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Один ученик, сам наверное не зная зачем, стащил один том. Был пойман и исключён из школы молниеносно.

Школы работали в три смены. Электрический свет в них был постоянно всю войну.

С 5-го класса мы обосновались, наконец, в постоянном здании – довольно просторном, двухэтажном с мезонином, но ещё дальше от нашего дома: на западной окраине города.

Мои родители не воевали. Отец работал на том самом военном заводе им. Фрунзе, с которого на фронт не брали даже рабочих. За время войны отец быстро продвигался по служебной лестнице и к концу войны был, если не ошибаюсь, главным инженером всего завода (беспартийный; директором быть не мог). Соответственно я видел его всё меньше и меньше: если в начале войны он ещё более или менее аккуратно приходил вечерами домой, то потом он уезжал (завод присылал пролётку), когда я ещё сплю, а приезжал, когда я уже спал, а часто и вообще не приезжал, ночуя на заводе.

Мать до войны и в войну работала в Пензенской областной газете «Сталинское знамя», в какой-то мелкой должности (кажется, сотрудницей отдела писем). В войну она написала и издала две книжечки-брошюрки: «Партизан Владимир» и «Герой Советского Союза Анатолий Краснов» – о воевавших земляках, и тем начала свою писательскую карьеру (позже она работала в крупных московских журналах как критик-очеркист, издавала и собственные книги).

Напротив нас жил какой-то важный деятель с упомянутого авиационного завода (ходил с пистолетом). В начале войны ему тоже приходилось сидеть с коптилкой, но довольно скоро ему провели электричест-

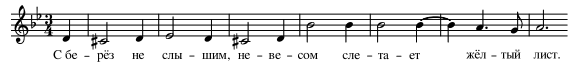
во, выделив для этого от подстанции до его дома персональную фазу. Так что у него был свет, а во всех других домах – нет. Но это была окраина города, столбы низкие, и жители навострились приставлять лестницы и делать перемычки от работающей фазы на свои дома. Когда таких «самовольщиков» становилось слишком много, появлялся монтёр. Чтобы не лазить по всем столбам, он на подстанции подключал напряжение к одной из опустевших фаз и на эту же фазу переводил нашего соседа. После этого эпопея с лестницами начиналась сначала. К самовольщикам, вроде бы, не применялись наказания; во всяком случае, разговоров о таковых я не слыхал. Отец, когда он достиг определённой ступеньки служебной лестницы, получил разрешение подключиться к фазе нашего соседа, так что примерно с середины войны мы стали тоже привилегированными в околотке: у нас был свет!

Через несколько месяцев после начала войны в Пензе стали появляться «эвакуированные». Их расселяли и по частным домам. В Пензу была эвакуирована ЦМШ из Москвы (или часть этой школы), и одну комнату в нашем доме заняли ученик этой школы со своей матерью. Это был Володя Рабей и его мать Сабина Владимировна. Впоследствии Рабей хоть и не стал известным скрипачом, но всё же был участником знаменитого камерного оркестра Рудольфа Баршая. Володя подолгу играл экзерсисы на скрипке, экзерсисы скучные и однообразные. По возрасту он был значительно старше меня, так что не представлял для меня никакого интереса (как и я для него).

В начале войны я особенно полюбил слушать радио, хотя охотно слушал его и до войны (по приёмнику). Был и патефон, который я также изредка заводил. Радио в войну слушал через наушники, а не через тот самодельный репродуктор, и даже сделал тайком радиоотвод к своей кровати, чтобы слушать перед сном.

Что же, наконец, мне больше всего запомнилось, что больше всего поразило в начале войны? Это почти мгновенная, исключительно резкая смена музыкального языка. Музыка, лирические песни вдруг очеловечились.

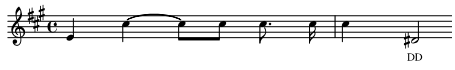
Что было в песенном жанре до войны? Это помпезная, шапкозакидательская музыка песен типа «Три танкиста» («… и летели наземь самураи под напором стали и огня»), «Если завтра война» («… если завтра в поход, то сегодня к походу готов»), «А ну-ка девушки» («а ну, красавицы, пускай поёт о вас страна» – о летчицах Гризодубовой, Осипенко, Расковой) и т.д. И вдруг, чуть ли не в первый день войны – «Священная война» Александрова – с совершенной непривычностью всего её музыкального строя, с необычностью выражаемого им строя чувств. Или «В лесу прифронтовом» Блантера – с её плавным, задумчивым, несколько печальным (сольминор) началом почти на одной ноте,



и т. д., и такая проникновенная, даже чуть безысходная далее (…«а коль придется в землю лечь»…). Искусство как будто мгновенно заговорило (запело) живым человеческим языком, со всей палитрой красок, переживаний, оттенков чувств. И это возникновение человечности как бы из ничего вдруг произвело на меня (10-летнего!) такое ошеломляющее впечатление, что я его запомнил на всю жизнь. Наверное, именно тогда мне впервые приоткрылось настоящее искусство, т.е. то истинное искусство, каким оно должно быть, чтобы иметь право именоваться искусством.

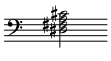
Конечно, этим я не хочу сказать, что до войны настоящего искусства не было вообще. Жили и творили и Сергей Сергеевич, и Дмитрий Дмитриевич; но их музыка, по малости лет, мне, конечно, была ещё недоступна. Возьму что-то попроще, пусть песенный жанр.

Вот Исаак Осипович Дунаевский. Вот первые 2 такта его «Марша энтузиастов» (пишу по памяти):

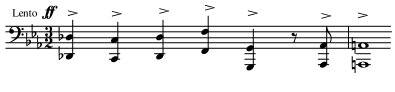


и т. д.

Что можно сказать? Ну, интервал вверх на большую сексту. Ну и что? Можно привести сколько угодно примеров такого интервала. Это и начало Прелюдии ор. 28 №7 Шопена, и «Застольная» из «Травиаты», и романс «Мне минуло шестнадцать лет» Даргомыжского, и хор девушек из «Хованщины», и т.д. Вся загвоздка в том, что во всех этих примерах (да и почти всегда) акцент падает на верхнюю ноту интервала. А у Дунаевского акцент-то на нижней ноте! Это сразу всё кардинально меняет, даёт ощущение стремительного прыжка вверх, неудержимого сияющего взлёта. А двойная доминанта DD в форме



(пишу по памяти)! Какая колоссальная скрытая (потенциальная) энергия движения в ней бурлит! Не ясно ли, что такие два такта мог написать только великий композитор. И здесь Дунаевский (да не посетуют на меня некие музыкальные критики, если этот текст вдруг каким-то чудом попадёт им на глаза), мне кажется, даже сближается с Александром Николаевичем Скрябиным. В самом деле, вот первые два такта его Третьей симфонии:



и т.д.

На слух это воспринимается как определённый ре-бемоль мажор (ля ♮ = си ♭ ♭). А тогда нота «соль» в первом такте совершенно явственно звучит как (хотя и не выявленная полностью) двойная доминанта – в точности та самая DD у Дунаевского! Но, конечно, здесь это уже гигантская потенциальная сила космического масштаба.

Так что и в песенном жанре было великое, и я, может быть, интуитивно-подсознательно, уже начал это ощущать.

Итак, я охотно слушал в войну радио. Выступали прекрасные артисты: Козловский, Лемешев, Краснознаменный ансамбль Александрова. Сколько чудесных военных песен исполнил этот ансамбль, а потом – и песен наших тогдашних союзников – англичан и американцев (в русском, разумеется, переводе). Я старался не пропускать трансляций этого ансамбля, буквально караулил их и был прямотаки зачарован этими радиопередачами.

Так что, как это ни парадоксально, но мои самые сильные, самые яркие, самые незабываемые впечатления за всю войну связаны с радио.

На втором месте стоит впечатление совсем иного рода. Тоже очень сильное и запомнившееся навсегда – это голод. Голод придавливает: есть ужасно хочется, а есть нечего. И это безысходно, постоянно, неотступно, днём и ночью, месяц за месяцем. Даже сны стали сплошь гастрономическими. Может быть, взрослые ощущали это и поменьше, а ребенку-то надо расти …

Пик голода пришёлся на зиму-весну 1941–42 года, когда все запасы продуктов оказались исчерпанными. Весной все получили земельные участки для огородов (отец получил от завода очень большой участок); их засаживали в основном картошкой. Засаживали не только участки, но и всё, что возможно: палисадники, пустыри, промежутки от домов до проезжей части улицы (где это получалось). Все вышеописанное пустое поле к югу от города оказалось сплошь засаженным картошкой. Сажали не клубнями (клубни – слишком большая ценность), а вырезанными из клубней глазками. Газета печатала статьи, где объяснялось, как правильно делать такие посадки.

С осени 1942 г. голод видоизменился. Наесться картошкой стало можно вволю. Но не хватало других ингредиентов питания. Очень мало было хлеба, масла, а сахару не было вовсе. Был какой-то химический порошок, называвшийся сахарин. Щепотку его, взятую на кончике ножа, растворяли в стакане кипятка. Получали

«чай»: искусственно сладкий, с горьким привкусом.

Сажали сахарную свёклу. Свёклу парили, ломтики её были слегка сладкими естественной сладостью. Если выпаривать дольше, получался сироп, потом очень густой сироп; когда сироп остывал, из него делалось нечто, напоминавшее конфеты-ириски.

Несколько позже стала поступать американская подкормка. Это – картонные, жёлто-красные покрытые парафином пакеты, в которых был яичный порошок (из 12 яиц; одна такая коробка у меня сохранилась до сих пор – я держу в ней шарикоподшипники). Поступала и американская свиная тушёнка в жестяных банках.

Примерно с середины войны нас – учеников школы – стали подкармливать прямо в классе. На большой перемене раздавались «бутерброды»; каждый получал ломтик чёрного хлеба, посыпанный чайной ложкой сахарного песка. Никакого чая, конечно, не было, бутерброды мгновенно проглатывались «всухую».

С середины войны в Пензе стали появляться пленные немцы, чем дальше – тем больше. Они занимались благоустройством города, прокладывали трассы водопровода. Все траншеи (глубиной 2 метра) копались вручную. Группу пленных охраняли два солдата, которые не препятствовали нам, школьникам, общаться с пленными. Те, кто учил немецкий язык, подходили попрактиковаться, иные обменивались сувенирами. Пленные выглядели так мирно и жалко, что странно было думать, что вот такие и дошли аж до самой Москвы!

К концу войны (да и в первые послевоенные годы) в Пензе очень разросся базар. Кроме продуктовой и вещевой, в нём появилась довольно большая техническая компонента. Здесь можно было купить всё – материалы, инструменты, олово, канифоль, паяльную кислоту, провода, карманные фонарики и батарейки к ним.

Фонарики к концу войны сильно распространились – были в ходу довоенные, трофейные, американские, самодельные... Даже Шостакович написал песню под названием «Фонарики» (ор. 72). Лампочки и батарейки к ним можно было купить только на базаре. Некие люди откуда-то доставали анодные батареи (БАСы) от военных раций, раздирали их на секции по три элемента, обертывали эти секции бумагой или изоляционной лентой, приделывали контакты и продавали как батарейки для фонариков. Можно было купить – и значительно дешевле – лишь секцию из трёх элементов и делать из неё батарейку самостоятельно. На контакты шли полоски жести от консервных банок из-под американской свиной тушёнки.

Забавно, что на базаре, не таясь, работала рулетка. Конструкция её была крайне упрощённой. В тесной будке с окошком сидел кассир, у ног которого стоял здоровенный картонный ящик, набитый как попало скомканными денежными купюрами. Сама рулетка располагалась снаружи, на тумбочке. Диск был вырезан из фанеры, по краям его были набиты гвоздики, стопор сделан из перышка. Поставленные деньги верзила-рулетчик сгребал лапой и кидал в окошко кассиру, а выигравшему из кассы выдавался его выигрыш. Всё это происходило мгновенно, к удовольствию играющей публики. Дело шло довольно мирно, драк и скандалов у рулетки я не замечал.

После войны жизнь стала налаживаться. О голоде постепенно забывали. Мы, компании школьников, с упоением ходили в кино, где демонстрировалась масса трофейных фильмов с великими вокалистами эпохи. Это – «Любимые арии» (Тито Гобби, Б. Джильи, М. Канилья, Дж. Беки, Т. Скипа), «Паяцы» (Т. Гобби, Мазини), «Любовный напиток» (тот же Гобби, Синемберги, Тайо), «Богема», «Где моя дочь» и т.д. Позже пошла целая серия фильмов с Яном Кепура. Но это уже послевоенные (но тоже сильные!) впечатления …

Т.В. Устимкина

АЛЕКСАНДР МАЛЫШКИН: РОДОМ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ

К юбилею писателя

При советской власти нашего выдающегося земляка – писателя Александра Георгиевича Малышкина (1892–1938) – называли классиком соцреализма, художником революции, историком гражданской войны. Совокупный тираж его произведений составил более 5 000 000 экземпляров! Однако в школе его не проходили…и экранизировали всего один раз.

После распада СССР, невзирая на «настоящий глубокий талант», писателя и вовсе «сбросили с парохода современности» из-за «неактуальности затрагиваемых им тем» и тривиальной гражданской позиции, якобы полностью совпадающей с советскими лозунгами.

На самом деле А.Г. Малышкин не был ни «официально признанным пролетарским писателем», ни членом партии большевиков. В Литературной энциклопедии (1932), наряду с К.Г. Паустовским и Б.Л. Пастернаком, он удостоился лишь двусмысленно-пренебрежительного ярлыка «попутчик». А его «подлинно советские» произведения содержат важный и глубокий подтекст, компрометирующий существовавший в те годы общественно-политический строй. То есть по сути «классик соцреализма» оказался смелым и тонким обличителем, сумевшим, несмотря на жесточайшую цензуру 1930-х гг., рассказать в своих произведениях об антигуманных проявлениях коммунистического режима.

Александр Георгиевич Малышкин (1892–1938)

Что же связывает писателя с сурским краем?

«Из… бывших дворовых»

9 (21) марта 1892 г. в с. Богородском, Мокшанского уезда, Пензенской губернии, в семье Егора Егоровича и Матрены Николаевны Малышкиных, происходивших из бывших дворовых помещика Нарышкина[1], родился первенец Алек-

сандр. Вскоре его отцу удалось «выйти в люди» – поступить приказчиком в бакалейную лавку писателя-народника, купца В.П. Быстренина и перевезти семью из Богородска в Мокшан, а позже, подкопив денег, открыть собственную торговлю мелочными товарами. Жили небогато. Доход был скромный, а «семья – огромная: шесть сыновей и две дочери»[2].

«Полевой праздник»

Большим событием для жителей Мокшана и его окрестностей были многолюдные летние ярмарки. Проводили их у стен Казанского женского монастыря, основанного на берегу Мокши в 1857 г. купчихой М.А. Барсуковой[3]. В святой обители имелись иконописные, позолотные и чеканные мастерские, сиротский приют и школа. Здесь жили инокини – искусные белошвейки и мастерицы золотного шитья. Их изделия на ярмарках пользовались особым спросом.

Дважды в год к монастырю съезжались балаганы, театры, зверинцы; устраивались карусели, качели. Запах сена и свежего хлеба, яркие сарафаны деревенских девушек, веселый гомон, музыка, смех – всё это оставляло глубокий и яркий след в душах мокшанской ребятни. Быть может, поэтому первым произведением Александра Малышкина стал рассказ «Полевой праздник»[4].

«С колбасы жить пошёл»

В детстве Шурик (так будущего писателя звали в семье) исполинским здоровьем не отличался, был мал и слаб. Раз занедужив, он уже не ел, не пил и на глазах у всех угасал. Думали, не выдюжит. Тогда не к докторам – всё больше к бабкам-знахаркам обращались. И вдруг однажды Шурик запросил колбасы (для бедняков она была большой роскошью!). Собрали деньги, купили, накормили – и он, к всеобщей радости, пошёл на поправку! Случай этот писатель запомнил на всю жизнь и впоследствии, смеясь, говорил жене и сыну, что «с колбасы жить пошёл»[5].

«Повезли в большой мир, в Пензу»

Учиться Шурик начал в Мокшане. Окончил трехгодичную церковно-приходскую школу. Из класса в класс переходил с похвальными листами. Был большой «книгоед». Вместо игрушек отец привозил ему с ярмарки дешевые лубочные издания – книжки с картинками. Шурик радовался, бережно собирал их и складывал в свой сундучок.

Дом Малышкиных в Мокшане, где прошли детские годы писателя

Заметив рвение сына к наукам, Егор Егорович решил учить его дальше. Шурика «вырвали из-под одеяла и повезли в большой мир, в Пензу»[6]. Он поступил в Первую мужскую гимназию и остался жить у своего дяди – тонкого мастера-краснодеревщика, вынужденного промышлять изготовлением гробов «на заведение» (для городской больницы). Годы спустя Александр Ма-

Здание Первой мужской гимназии в Пензе, начало XX в.

лышкин с юмором рассказывал, как дядя заставлял его ложиться в «ящик», используя в качестве мерки для изготовления детских гробов, и он «влезал и ухарски растягивался в нём на колючих, щекотных стружках»[7]. Когда дядя-гробовщик переехал в Сызрань, Шурика поместили в семью дяди-сапожника, занимавшего на Гоголевской улице, 25, во дворе, комнату, разделенную занавеской на две части. Жили бедно (Егор Егорович высылал деньги, но мало, ведь, кроме Шуры, у него было ещё семь ртов!). Тем не менее, племянника любили, как родного.

«На одну скамейку с господами»

В автобиографичном романе «Люди из захолустья» Александр Малышкин признаётся: «…я был первый в нашем роду, которого отец дерзнул послать в гимназию на одну скамейку с господами. Я должен был учиться хорошо, и я в самом деле учился хорошо, все уроки отвечал звонкоголосо, в журнале против моей фамилии теснились одни блистательные пятерки»[8].

В Государственном архиве Пензенской области сохранился документ, выданный будущему писателю по окончании гимназии:

Аттестат зрелости

Дан сей сыну крестьянина Малышкину Александру Егоровичу, провославн. вероисповедания, родившемуся в с. Богородском Мокш[анского] у. Пенз[енской] губ. 9 марта 1892 г., в том, что он, вступив в Пензенскую Первую мужскую гимназию в августе 1902 г., при отличном поведении обучался по 8 июня 1910 г. и кончил полный восьмиклассный курс, при чём обнаружил нижеследующие познания:

Закон Божий	отличные (5)
Русский язык с церковно-славянским и словесность	отличные (5)
Филосовская пропедефтика	отличные (5)
Латинский язык	отличные (5)
Математика	хорошие (4)
Математическая география	хорошие (4)
Физика	хорошие (4)
История	отличные (5)
География	хорошие (4)
Законоведение	отличные (5)
Французский язык	отличные (5)
Немецкий язык	отличные (5)

Серебряную медаль получил: Ал. Малышкин
Июня 9 дня 1910 г.[9].
(Сохранена орфография оригинала)

С педагогами Малышкину, видимо, везло! В гимназии, размещавшейся тогда в бывшем здании Дворянского института, историю и географию преподавал П.М. Иллюстров – выпускник Пензенской духовной семинарии, Петербургского университета, член-учредитель Пензенского общества любителей естествознания

(ПОЛЕ), будущий ученый-краевед. Естествознание – И.И. Спрыгин, выпускник Казанского университета, основатель ПОЛЕ (1905) и городского Ботанического сада (1917), директор заповедника «Попереченская степь», доктор биологических наук, в конце 1920-х гг. опубликовавший наблюдения о снежном человеке на территории Самарской луки.

Дом А.П. Дубенского, где в начале XX в. располагалась Лермонтовская библиотека

Любимым предметом гимназиста Малышкина была словесность. Спустя годы в «Автобиографии» он признавался: «Блока и Пшибышевского, без преувеличения, переживал своим пятнадцатилетним, уездным мозгом, как личную трагедию, как тиф». Вместе с товарищами (в их числе – будущий маршал СССР Михаил Тухачевский) Александр издавал рукописный журнал и сборники стихов, увлекался французским, что дало ему возможность читать в подлиннике Мопассана, Бальзака, Стендаля.

Лермонтовская библиотека

«Почувствовать, полюбить литературу» в гимназические годы будущему писателю «помогла Лермонтовская библиотека в Пензе». Она была основана в 1892 году как публичная читальня на Московской, 7, в доме жены фотографа И.П. Вакуленко, арендованном Лермонтовским обществом. В 1901 г. библиотека переехала в более просторный деревянный дом коллежского асессора, камер-юнкера Императорского двора А.П. Дубенского – на углу улиц Суворовской (ныне Куйбышева, 1) и Садовой (Лермонтова). Несколько лет на его фасаде красовалась вывеска: «Общественная библиотека и читальный зал им. М.Ю. Лермонтова». Сюда-то и любил приходить гимназист (1902–1910) Александр Малышкин.

Количество читателей библиотеки – в основном это были педагоги и учащиеся – постоянно росло. Если в 1901 г. абонементом пользовалось 829 чел., то в 1906 – уже 1677 (в два раза больше!). В читальном зале посещаемость изначально была заметно выше: в 1901 г. – 6835 чел., а в 1906 – 9098!

В 70-е гг. XX в. оба дома – и Вакуленко, и Дубенского – были снесены[10].

Из разбойника – в учителя

Приезжая домой на каникулы, Александр Малышкин, чтобы не быть обузой отцу, давал частные уроки русского языка и словесности. Педагог он был превосходный: ни один его ученик экзамена не провалил! И к тому же «дешёвый», поэтому в Мокшане его любили и с нетерпением ждали!

Для своих младших братьев Шурик придумывал необычные игры: то с ними телефон к дому проводил, то железную дорогу строил. Их огород был изрыт катакомбами, где, вооружившись деревянными кинжалами, мальчишки играли в разбойников. Шура был предводителем. Часто игра заканчивалась в самом разгаре. Приходил ученик – и главарь шайки разбойников превращался в учителя, строгого и аккуратного...[11].

Памятный медальон

Обучаясь в гимназии, Александр познакомился с умной и симпатичной барышней, дочерью директора Саранского уездного банка, потомственного почётного гражданина Николая Петровича Кузовкова – Надеждой. Она тоже была гимназисткой и жила у старшего брата Леонида Николаевича, пензенского нотариуса и мецената.

Возникшая меж ними дружба со временем переросла в нечто большее. После гимназии оба поступили в Петербургский университет: Надя – на физико-математический факультет, а Шура – на историко-филологический. А по окончании учебы поженились. Жили в недорогой студенческой комнатке, любили друг друга и были счастливы. Но вскоре для Александра «настала кочевая жизнь: революция, война, Черноморский флот, гражданская война». Надя, страдавшая туберкулезом, перебралась в Саранск, где готовилась к преподаванию в женской гимназии.

Вернувшийся с войны Александр сказал ей однажды: «Надюша, я хочу у тебя отрезать прядь волос … на память». Она «смутилась: зачем, дескать, я умирать не собираюсь»[12]. Но он настоял – отрезал и положил в медальон вместе с ее фотокарточкой…

К концу 1920 г. Надя уже не вставала с постели. Ей становилось всё хуже. В итоге – случилось непоправимое... Александр Георгиевич тяжело переживал утрату. И, хотя впоследствии не единожды был женат, медальон с прядью её волос и фотокарточкой хранил до самой смерти.

Приходилось стрелять

Писать Малышкин начал ещё в университете. В 1921 г., после семилетнего перерыва, в Таврии он вновь занялся литературой – приступил к работе над повестью «Падение Дайра». Как вспоминала Вера Дмитриевна Малышкина (вторая жена писателя – *Т.У.*), «время было тревожное. Украина кишела контрреволюционными бандами, разбойничавшими под флагом Махно». Иногда по ночам, во время писания, чтобы «отпугнуть бандитскую шпану», Александру Георгиевичу приходилось «стрелять в форточку из нагана». Но работу над «Падением Дайра» он не прекращал.

В основу повести легли события гражданской войны. Остатки белых скопились в Крыму, превратив его в неприступную крепость, где, насыщенные до предела артиллерией и пулеметами, тянулись оборонительные укрепления – так называемый Турецкий вал. Взять его было практически невозможно. Но, как пишет Малышкин: «За укреплениями были последние. Страна требовала уничтожить последних». Пройдя километры по грудь в ледяной воде, красноармейцы совершили невозможное: белые были разгромлены…

Через 2 года повесть была издана и принесла автору широкую известность. С 1923 г. он уже жил в Москве, в знаменитом «Доме писательского кооператива» (Камергерский переулок, 2). Был членом редколлегии журнала «Новый мир» и одним из руководителей Всероссийского союза советских писателей.

«И никакого закона уж нет…»

В 1930 г. Малышкиных раскулачили. Выяснилось, что до революции отец писателя Егор Егорович в уездном Мокшане «купил пекарню, где пёк калачи и продавал их по копейке пара». А в 1920-х гг. – и брат Николай Георгиевич, по «демобилизации из Красной армии, не найдя службы по своей неприспособленности»[13], чтобы не умереть с голоду, открыл мелочную торговлю и кустарное производство. На основании этих «вопиющих» фактов незаконного обогащения мокшанский райисполком счёл необходимым отобрать дом, в котором проживала престарелая мать пи-

сателя Матрена Николаевна и пустить её по миру, лишив при этом права голоса. К кому только не обращался А.Г. Малышкин, взывая к здравомыслию и справедливости: и к председателю райисполкома… и даже к самому «всероссийскому старосте» М.И. Калинину – все тщетно.

В 1937 г. писатель работает над автобиографическим романом «Люди из захолустья», где показывает вконец обнищавшую деревню, по которой прошлась убийственная политика коллективизации. Бегущие от колхоза бедняки и кулаки беспомощно стенают: «И никакого закона уж нет: ты им налог заплатишь, а они опять накладывают. <…>. У них цель теперь такая – задушить»[14].

Не успел

В январе 1938 г. для сбора материалов о новой индустриальной Пензе А.Г. Малышкин приезжал в наш город, мечтая написать пьесу для местного театра[15]. Однако не успел – был арестован… на даче в Переделкине. Обстоятельства и причины задержания до сих пор неизвестны.

Вскоре увидели свет его «Люди из захолустья». А потом Александра Георгиевича не стало. Он умер в Кремлёвской больнице в ночь со 2 на 3 августа. По официальной версии – от «рака лёгких»[16]. Похоронили его в Москве, на Новодевичьем кладбище. Хотя… существует мнение, что истинной причиной смерти писателя стали «Люди из захолустья». Однако доподлинно установить это уже вряд ли удастся.

Примечания

1. *Полукарова Л.В.* «Мы происходили из курносого застенчивого простонародья» // Временник. 1992. № 4. С. 14–15.

2. *Малышкина В.Д.* Воспоминания родных и домочадцев // Александр Малышкин в воспоминаниях современников. Сост. А.С. Иванов. Пенза, 2017. С. 11.

3. *Мануйлова Е.В.* Мокшанский Богородице-Казанский мужской монастырь // Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 346.

4. *Малышкина В.Д.* Воспоминания родных и домочадцев.... С. 35.

5. Там же. С. 12.

6. *Малышкин А.Г.* Люди из захолустья: Роман. М., 1988. С. 47.

7. Там же.

8. Там же. С. 50–51.

9. ГАПО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 479. Л. 98–98 об.

10. *Мурашов Д.Ю.* Первая Лермонтовская: очерки истории. Пенза, 2012.

11. *Малышкина В.Д.* Воспоминания родных и домочадцев.... С. 35.

12. *Круглова М.С.* Воспоминания родных и домочадцев. // Александр Малышкин... С. 38.

13. *Годин В.С., Рассказова Л.В.* А. Г Малышкин и советская власть: спор о правах человека. Новые документы к биографии писателя // Земство. 1994. № 3. С. 146.

14. *Малышкин А.Г.* Люди из захолустья… С. 64.

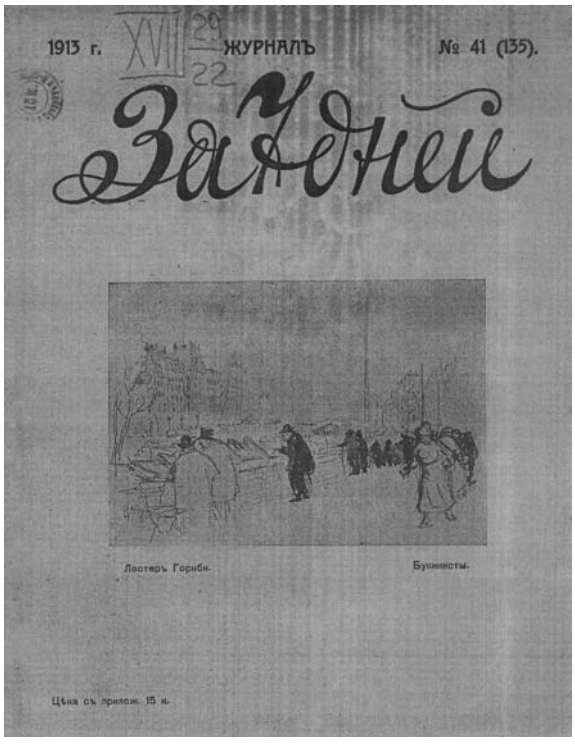
15. *Савин О.М.* Пенза литературная. Саратов, 1984. С. 173.

16. *Веденина К.Г.* Воспоминания родных и домочадцев // Александр Малышкин .... С. 33.

А.С. Иванов

ПЕРВЫЙ ОПУБЛИКОВАННЫЙ РАССКАЗ А.Г. МАЛЫШКИНА

Александр Георгиевич Малышкин (1892–1938) – известный советский писатель, наш земляк, который провёл детские годы в уездном городке Мокшан. Во всех собраниях сочинений и некоторых сборниках Александра Георгиевича самыми



Ксерокопия обложки журнала «За 7 дней», № 41 (135) за 1913 год

ранними прозаическими произведениями были шесть рассказов, опубликованные до 1917 г. в ряде небольших столичных журналов («Современный мир», «Наша заря» и др.): «Последний Барыков» (1913), «Сутуловские святки» (1914), «Полевой праздник» (1914), «Гости» (1915), «Качели» (1915), «Уездная любовь» (1915).

Таким образом, самым ранним рассказом писателя, доступным для широкого читателя, являлся рассказ «Последний Барыков», опубликованный в «Новом журнале для всех», №12 за 1913 г. Правда, после революции писатель не жаловал свои юношеские работы, написанные им в годы студенчества (А.Г. Малышкин учился в Петербургском университете в 1910–1916 гг.) и не вызвавшие каких-либо критических откликов.

Все рассказы кажутся частью одной большой истории, и поэтому исследователи объединяют их в так называемый «мшанский цикл». Уездный городок Мшанск – место действия рассказа «Полевой праздник», пожалуй, самого сильного из всего цикла, даже по признанию самого автора. В этом топониме с лёгкостью угадывается малая родина А.Г. Малышкина – Мокшан, быт и нравы которого ярко, порой чересчур натуралистично описывались во всех произведениях цикла, объединённых образом единого уездного города.

На протяжении более 70 лет с момента их первого появления в печати эти произведения выдержали в среднем шесть переизданий, и для советского читателя не был известен самый ранний опубликованный рассказ писателя – «В осенние дни». Эта работа увидела свет в журнале «За 7 дней», №41 за 21 ноября 1913 г., что примерно на месяц предшествует публикации «Последнего Барыкова». В мае 2015 г. автору настоящей публикации удалось получить копию рассказа из Государственной публичной исторической библиотеки России, где хранится искомый экземпляр журнала «За 7 дней».

«В осенние дни» – произведение, которое представляет интерес не только для литературоведов – исследователей творчества А. Г. Малышкина, но и для краеведов. В первую очередь тем, что тематически примыкает к «мшанскому циклу»[1]. Более того, именно в этом произведении впервые упоминается топоним Мшанск, впоследствии встречающийся в «Полевом празднике» и романе «Люди из захолустья» (1937–1938) – последнем творении писателя.

Таким образом, рассказ «В осенние дни» представляет собой наиболее раннюю попытку Александра Малышкина описать российский уезд и в частности Мокшан начала XX века. Несмотря на художественную незрелость начинающего автора, фрагментарность повествования, резкие стилистические перепады (от книжного символизма до скабрезного натурализма), произведение заслуживает внимание современного читателя.

Примечания

1. *Вольпе Л.* Первые рассказы Александра Малышкина // Земля родная. Пенза, 1953. Кн. 10. С. 159–171.

А.Г. Малышкин

В ОСЕННИЕ ДНИ

Плутал-плутал Феофашка по мутным просёлкам, имея волчий билет в кармане, набрёл и на Мшанск.

Коренной странник, что меряет большаки зелёные от Соловков до Адеста, ходит истово, в толстых онучах непременно, сермяге и с чайником; волчок же вроде Феофашки бредёт налегке, горбясь от дрожи, прижав к животу кулаки, затолканные в рукава, и норовит поскорее в трактир, где и узнают его сразу по хлёстким прибауткам и корявым опоркам на полуголой ноге.

Много толкается таких по уезду: иного сердобольный человек приютит, другой у вдовой купчихи приживётся, – глядишь, уже в драповой поддевке форсит и в поясе ямщицком серебряного набора; и жить бы так, в тепле да почёте, а нет: через месяц, а то два, плетётся опять за грязной росстанью в лохмах своих, а на драном локте тощий узелок…

Первым делом завернул Феофашка в чайную, где, в смрадном тепле, и подружился с хозяйским сыном Кокой. Тот любил вообще жуликов и чудаков, поил их чаем с кренделюшками, а Феофашку, кроме всего, отвёл в старую баню на ночлег и рассказал там свою несчастную жизнь.

По окну хлестал октябрьский ветер; волчок глядел в отвислые губы Кокины и в покорные, собачьи глаза под низким лбом и дремотно думал, что, наверно, тесно там ворочаться большим мыслям, а юркают только маленькие, никудышные…

В бесчисленном выводке хозяйском был Кока старшим и бегал в чайной за полового, копаться в разных винтиках и шпеньках и однажды, к общему удивлению, оправил маменьке швейную машину, после чего вместо балбеса стали его звать машинистом и выводили к гостям. С тех пор начал он воображать, как умрёт механик у Зингера и он поступит на пятнадцать целковых жалованья, а папаше наплюёт в глаза за зверство; или сделается лесничим в глухом безлюдье где-нибудь, в уединение приведёт девку, запрётся с ней, и пойдут такие штуки, при мысли о которых ложился Кока на скамью вверх лицом и, мутный, грыз пальцы от невозможности…

На рассвете разбудил он нового гостя, и тот пошёл по мясникам, где надавали ему обрезков мяса и костей; в подвале сварили суп, бросив ещё горсть гречневой крупы в чугунок, и Кока, любя всё необычное, хлебал с наслаждением грязную жижу, забыв про маменькины щи с солониной и картофельный сальник.

Потом примостились на полу, у жаркого жерла печки, где колыхались красные потёмки от углей, и Феофашка, попыхивая беспечно цыгаркой, начал диковинный рассказ.

– В Пензе это было… Я, брат, тоже форсил почём зря, тужерочка это честь-честью, брючки дигиналевые, да-с. Вот в ресторане сижу, вдруг барин ко мне суётся, в чилиндре, понимаешь, и всё такое; выручи, грит, у меня в чемодане сорок тыщ, левоционер я, а за мной сыщики едут. Мы сейчас в отдельный кабинет – класть, он мою поддевку на плеча, мне пальто своё, бороду это подделал. Вбегают; кто такие? – подлезете!.. Потом бочком да на извозчика, на вокзал, сейчас два билета первого класса и прямо в Лондон…

– В Лондон, – шелестел Кока, и от тупого удивления шла из отвислых губ его слюна.

– Приезжаем в Лондон, так-с. Сперва, как в самый Лондон лезть, там лестница такая стоит, два вашенских собора, и подыматься по ней три часа. Мы, конечно, в первоклассную гостиницу, честь-честью, и закрути-или, мать твою… Я по сто цалковых на чай бросал, на, не жалко! Потом

собак мы накупили и стали играть, там на деньги играют, чья кого загрызёт, и сто тыщ выиграли… Теперь, это тот говорит, поедем в Нююрк…

Распаляясь, щёлкал Феофашка пальцами и подмигивал, сам начиная верить чудесам, что прибредились ему в докучном пути, а Кока, словно засыпая, уставлял тусклые глаза в синие огоньки, и там тихим роем светились и гасли для него несвязные видения…

– ... Заскучал я там, народ всё чужой… Дай мне, говорю, десять тыщ и самую лучшую собаку, я в Россею поеду. Сначала не пускал: мне, грит, не денег жалко, тебя жалко, парень ты больно фартовый!.. Потом десять тыщ как одну копеечку выложил, а я сейчас в Пензу, сейчас всех пекарей собрал – и деньги пропили и собаку, а костюмчик подарил, вот в лохмах и треплюся…

– Дела-а, – сказал Кока и, помолчав, завистливо проскрипел: – А девки как, у тебя, чай, много было, а?

– Ну, этого добра лопатой не промешаешь! В Саратове, понимаешь ли, все чернобровенькие, губки маковыя… ых, сласть! Я теперь беспременно в Саратов поверну, там и без пачпорта где хошь.

– Може, и я пошёл бы, – помрачнел Кока и вздохнул: – Здесь знай вот лежи в подвале, а девки – пёс их знает, где они; благородные фырчат, а за простых парни бьют…

Время осеннее стояло, изморось сочилась из низких туч. В горбатых уличках чуть не с полдня мигали кривые фонари и храпел будочник, в тёмных лабазах кряхтели купцы от бездельной скуки; будто слякотью обрастали, паскудной самой и неуютной, особенно к сумеркам, и тогда тянулись в чайную – перекинуться в шашки с хозяином Кузьмой Егорычем и распить полбанки.

Помогая ему, таскал Феофашка чайники гостям и такое насказывал, что купцы кашляли и пыхали небритыми щеками от смеха. За это и Кузьма Егорыч примирился с незваным слугой («анзиратель – кум, ничего не скажет») и, слушая Феофашкины россказни, восхищался не раз, хлопая себя по бёдрам.

– Как врёт, паршивец, нет, ты послушай только! Его одень почище да в алистократическую канпанию пусти, он там всякому графу разговором-то нос утрёт! Ну, конто-ора!..

Однако через четыре дня захандрил Феофашка и попросил Коку принести из пекарни бражки, которая остаётся из-под дрожжей; бражку эту процедили они сквозь тряпку и принялись втихомолку пьянствовать. Был как раз базарный день, трактир набился – иголке некуда упасть; Кока позеленел и с разлёту грохнул чайник с посудой о пол, а сам заснул подле, свернувшись калачиком, пока Кузьма Егорыч, пиная ногой, не выгнал его на дождь; Феофашка же сначала ходил по народу и весело напевал: истерзанный, измученный наш брат мастеровой, – потом озверел, кричал, тыкая в грудь, – пропадало через народные средствия! – за что и приказал урядник набить ему морду в кутузке и выставить из города.

– Не туда меня, я на Сар-ратов, – рвался он от городового, который однако довёл его за шиворот до росстани и пнул в затылок, бормотнув: «Валандайся вот через вас, паскудов…» Осовев, присел он в канаву, чтоб обдумать положение, и тут, чмокая по грязи, вылез откуда-то унылый Кока, в ватном пиджаке ниже колен и папахе.

– И я с тобой, ну их к чёрту, – хмуро пробасил он. – У меня чай-сахар есть, возьмёшь, что ль?

– Потеснимся как-нибудь, что же, – ответил повеселевший Феофашка и начал соображать: – Дорога-то вот. Только нам тракт в энту сторону, на Саратов… – Гумнами вышли на хлябкий большак и, сломив по хворостине, побрели в белесое поле.

Выбритые начисто пажити лоснились от мокрети, туманом стоял за межами спорый дождь, и в постылую муть его

уходили частые, натыканные гребёнками столбы…

К сумеркам завесил дали паутинный дымок, а ветер шепнул на уши смутным звоном, словно из-под земли. Кока, у которого ноги разъезжались от слякоти и усталости, хныкал, – скорее бы жильё, у него все нервы разболтались, чисто у собаки, – и, наконец, свозь бьющий в лицо ветер, прокололись из чёрной низины редкие огоньки.

Миновав прясло, подошли путнику пустой, широкой улицей к кирпичному мосту, где светились три окна, и жадно прилипли к стёклам. Феофашка пробормотал: «Здесь не пройдёт, богатый мужик живёт», и однако задребезжал по окну. Тёмные люди, хлебавшие по очереди из большой чашки, враз повернули лица, а с лавки привстал рыжебородый мужик и молча погрозил кулаком.

– Не пройдёт, – повторил Феофашка и, загоготав, отцепил колесо у телеги, черневшей перед завалиной, и метнул его вдоль улицы. Колесо хляснуло в овражек, в невидимую лужу, а Кока сгорбился и побежал, плаксиво воя: «Какого чёрта мудруешь, ещё в шею накостыляют, я каб знал…»

На мостике наткнулся на них караульщик в чепане, который рвало ветром; шатаясь от непогоди, просипел он где-то: «К Ене Кривуше ступайте, она странных примает», потыкал невидимым пальцем и пропал. Феофашка сказал: «Знаю», и повёл Коку огородами в чёрный будто лес, где шумело и качались огоньки, отражаясь отчётливо в земле.

В курной избёнке, над омутом, живёт Ена Кривуша, нищенка. Вместо одного глаза у неё белая слизь, губа скошена – словно дразнится; соломенные космы, немытые сроду, лезут сквозь истлевший платок на глаза, так и скажешь – ведьма, особенно в избе этой, где одна широкая лавка без стола, гнилой чад под потолком и окно с заплесневелой тряпкой.

– Геб-геб-геб, – зачастила она, когда вштанулись прохожие, – я думала, болезные, чиганашки стучат, а у меня ведь на омуте негоже ноне… Вон, кусочки набрала, какое ноне время, все ноженьки измыкала, а народ злыбучий, Ванька Шалый мылом накормил… Христе Господи, всё нутро изъело, я уж корячилась-корячилась, как в смертный час, страннички, эдак…

Кока присел понуро, не раздеваясь; пламя лучины плясало от ветра, порой совсем темнело и от этого налетал озноб, как на улице. Феофашка – «Сейчас и чаёк смастрячим» – раздул бересту в кривой печке, скипятил в чугуне воду, засыпал чаю и, похлебав прямо ложками, согрелись странники, Кока же слазил в нищенкин мешок и, нащупав корку, дремотно зажевал.

– Теперь спать, мы переночуем у тебя, тётенька, – проговорил Феофашка и распорядился: – Ты на своих мохрах в углу пристройся, а мы с товарищем на лавках. – Расстелив Кокин пиджак, погасил он свет и улез к стенке; но Кока остался сидеть в потёмках, болтая ногами, трудно сопел и вдруг, заскрипев половицей, полез к Ене под тёплые тряпки, где началось тотчас бормотание и визг.

– Ах ты, гад! – вскочил Феофашка и, присев, стал ждать; Кока не откликнулся, тогда он плюнул, выругавшись нехорошо от отвращения и, нашарив картуз, вывалился в дождливые огороды. Шлёпая где-то по вязким грядкам, набрёл на овин, высадил плечом плетёную дверь и зарылся в колючую солому.

– Ну, гад, рук не хотелось марать, – проворчал там и, засунув рукав в рукав, сложился поплотнее и уснул…

А когда мёрзлая заря пробила пасмурь пунцовым облаком, стоял уже Феофашка у околицы и балагурил с крутогрудой солдаткой, звеневшей ведром у родника; солдатка усмехалась ему из-под алого повойника, лаская вспыхнувшими от мороза глазами, потом вынесла полкаравая хлеба, и Феофашка, помахав прощально картузом, зашагал в поле…

Пустынна большая дорога, и день там, как вечер, нелюдимый… Порой звякнет бубенец, пробултыхает тарантас по чёрному тесту, взлетит и погаснет посвист ямщицкий за перевалом; селение задымит в низине, зазубрится похожий на облако перелесок, где жмётся голодное зверьё; а больше всё небо да небо, затыканное грязным холстом, бурая щётка полей, да крест придорожный где засереет, и кто ненароком кончился здесь, Бог весть: офеню ли прирезали проезжие молодцы или так, пьяному горло перехрупало ночной телегой…

Под мостом пополдничал Феофашка, вылез – глядь, колокольцы мурлыкают за межой, а из-под нахлобученного козырька таратайки боязливо щурится барыня в пуховом чепце. От сытой утробы озорное веселье вскипело, вынул пол-аршинный складень и застругал будто палочку, зверски поглядывая; ямщик, заметавшись на козлах, отчаянней нахлестнул коней, взбрыкнувшись высоко бёдрами, а барыня присутулилась к самой стенке и часто-часто крестилась…

Ещё долго идти, не скоро содомный город полыхнёт огнями, взревут железные гудки и уличные крики; смеркнется, напутает в глазах, снеговая туча заслонит звёзды и бо-знать, где искать тёплого приюта.

Поползёт зверьё к ночи из глинистых логов, из сучклявых рощ; учуя человечий след, метнётся от дороги, откидывая задом, потрусит легонько целиной, принюхиваясь; выйдет к дымку на пригорке, откуда и зяблый Феофашка смотрит в чахлые огоньки, и алчно вздохнёт ноздрями вкусный чад.

За огоньками же снова взывает непогодь, шатается ветер, срывая шапку наземь, леденит в рукавах. Путника закружит ночная жуть, взманит назад – в светлую горницу, к горячей лежанке. Но есть иная, древняя и тёмная воля, и вот бредёт он, упрямо, по-волчьи, припадая к земле, а бездорожье бьёт сухим листом, кличет во мраке родимыми голосами…

Д.Ю. Мурашов

ГЕРОЙ ДВУХ СТРАН
(поэт Алексей Дураков)

Осенью 1922 г. завершилась Гражданская война в России. На Дальнем Востоке были разбиты последние части белогвардейских войск, а двумя годами ранее из Владивостока в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославию) на крейсере «Орёл» прибыл наш земляк, выпускник петроградского Морского училища, поэт Алексей Петрович Дураков (1898–1944). Приход к власти большевиков застал его в учебном плавании. Участвовать в борьбе с новой властью Алексей Дураков не стал и, оказавшись в Европе, поступил на философский факультет Белградского университета (1921), а после его окончания стал работать учителем в городе Вранье на юге Сербии[1].

В годы Второй мировой войны А.П. Дураков участвовал в антифашистской борьбе. Его трижды арестовывали (Дураков был на принудительных работах, на заводах Нюрнберга в Германии). В августе 1944 г. на переправе через реку Саву, западнее Белграда, Алексей Петрович погиб, прикрывая отступление партизан. В ноябре 1965 года А.П. Дураков указом Президиума Верховного Совета СССР был награждён (посмертно) орденом Отечественной войны II степени. Наград удостоились ещё пятеро эмигрантов, боровшихся с фашистами. Это был первый случай такого награждения[2].

Товарища Дуракова писатель Юрий Бек-Софиев вспоминал так: «Стройный,

высокий красавец, блондин, с военной выправкой, с очень тонким удлинённым лицом, с прямыми аккуратно подстриженными, невьющимися волосами, расчёсанными на самый банальный пробор. Ничего не было пошлого, искусственного, фальшивого. Он был прост, сиял жизнедеятельностью, очень живой и подвижный, но становился несколько экзальтированным, как только дело доходило до стихов. Стихи свои, а также любимых поэтов он мог читать при любых условиях»[3].

Алексей Дураков родился 16 (28) мая в Керенском уезде Пензенской губернии, в с. Черкасском (ныне Пачелмский район Пензенской области), в семье небогатого потомственного дворянина Петра Дуракова[4]. Отец был потомком керенских служилых людей и тринадцать лет тянул лямку чиновника. Последнее место работы – секретарь воинского присутствия Керенского уезда. В феврале 1915 г. Петр Алексеевич умер. Сегодня сказали бы, что он «сгорел на работе». У Дуракова прихватило сердце («нервное расстройство сердечной деятельности», сказано в справке), и он в январе просил отпуск, подкреплённый рекомендацией врача. Но губернатор «ввиду наступления времени призыва новобранцев» отпуск не разрешил. И 15 февраля Дуракова не стало. Губернатору из Керенска отправили телеграмму: «Секретарь воинской повинности присутствия Дураков вчера скончался. Осталась большая семья без средств. Необходимо пособие <для> погребения»[5]. Вдове Анне Федоровне, урожденной Каменской, была назначена пенсия 500 рублей в год.

В год смерти отца Алексей и его брат Никита учились в Симбирском кадетском корпусе, ещё один брат Борис (он, окончив в 1915 г. Пензенское художественное училище, станет художником-оформителем Ростовского театра музыкальной комедии) обучался в первой Пензенской гимназии, а сестра Катя находилась с родителями[6]. После Великой Отечественной войны Екатерина Державина (по

Алексей Дураков. Фото начало 1920-х гг.

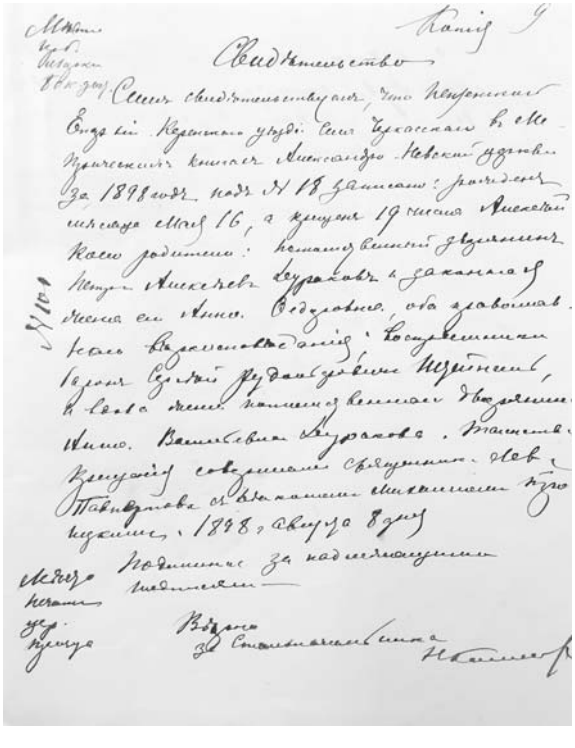
мужу) будет жить в Пензе, на улице Красной (далее следы теряются)[7]. При с. Дураково (ныне Луговое Вадинского района) находилось 49 десятин земли – всё имущество, оставленное отцом детям[8]. Да и в самом кадетском корпусе Алексей учился на стипендию пензенского дворянства[9]. В конце 1915 г. умерла и мать[10]. Дети Дураковых оказались сиротами.

В 1898 г., когда родился Алексей Дураков, вряд ли кто предполагал такое развитие событий. Петр Дураков, оставив службу, с женой и детьми жил в замке Штейнгелей (с 1922 г. в нём располагается школа Черкасского), в доме родной сестры Екатерины, удачно вышедшей замуж за барона Сергея Штейнгеля[11]. Здесь Алексей Петрович, скорее всего, и родился (не время ли сегодня установить памятную доску на здании школы?). Крещён он был в находившейся неподалеку Александро-Невской церкви. Восприемниками стали сам барон Штейнгель и бабка Анна Федоровна Дуракова, мать отца поэта[12].

Барон С.Р. Штейнгель купил усадьбу в 1893 г. у бывшего предводителя пензенского дворянства Владимира Охотникова[13], тогда же познакомился с родной тёткой

Алексея Дуракова. Ради брака с Екатериной Алексеевной Сергей Рудольфович развёлся с первой женой[14]. Но Штейнгель разорился, усадьбу продали купцу Андронову, а вскоре (1905) и сам барон скончался. От второго брака у Сергея Рудольфовича был сын Гавриил[15]. О нём в своих воспоминаниях пишет писатель Роман Гуль, друг Гавриила («Гани») и Алексея Дуракова[16]. Показательно, но при бедности Дураковых Петр Алексеевич, не раздумывая, помог отцу Гуля, начинающему нотариусу, деньгами для переезда из Керенска в Пензу. «Мой друг Лёша», – так называет Алексея Дуракова Роман Борисович, указывая, что эта дружба была наследственной – она началась ещё с дружбы их родителей[17].

В эмиграции земляческие связи устанавливаются быстро. Алексей Дураков дружил с ещё одним нашим земляком, учёным Ильей Николаевичем Голенищевым-Кутузовым («Пензенское краеведение» писало о нём в №1-2 в 2017 г.). Илья Николаевич сохранил стихи Алексея



Метрическое свидетельство Алексея Дуракова (копия). 1898 г. Из фондов ГАПО

Дуракова и надеялся на их публикацию в России. Пока на родине поэта вышел только единственный его сборник стихов (2005)[18], несколько стихотворений из него публикуются ниже.

Примечания

1. *Сорокина М.Ю.* Антифашистское Сопротивление на Балканах: к биографии поэта Алексея Дураков (1898–1944) // Русская эмиграция и движение сопротивления в годы Второй мировой войны. М., 2021. С. 114–115; *Сиротин О.В.* «Удела нет светлей…» Судьба и стихи Алексея Дуракова // Сура. 2004. №4. С. 190–191.

2. *Сорокина М.Ю.* Указ. соч. С. 99, 120–121.

3. Там же. С. 110.

4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196.Оп. 2. Д. 685. Л. 9. Первая публикация метрического свидетельства А.П. Дуракова: *Сиротин О.В.* «Удела нет светлей…». С. 201, прим. 3.

5. ГАПО. Ф. 63. Оп. 2. Д. 81. Листы дела не пронумерованы. Здесь и далее канва событий излагается по данному делу.

6. Там же. См. формулярный список П.А. Дуракова; *Сиротин О.В.* «Удела нет светлей…». С. 194.

7. Сведения М.Ю. Сорокиной (Москва).

8. ГАПО. Ф.6. Оп.1.Д. 10491. Л. 1.

9. *Сиротин О.В.* «Удела нет светлей…». С. 190.

10. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10491. Л. 4.

11. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3636. Л. 1.

12. ГАПО. Ф. 196.Оп. 2. Д. 685. Л. 9.

13. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3635. Л. 1.

14. Там же. Л. 5–5об.

15. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3636. Л. 4–4об.

16. *Гуль Р.Б.* Я унес Россию. М., 2001. С. 282–283.

17. Там же. С. 37.

18. *Дураков А.* Один из солнечных лучей. М., 2005.

СТИХИ АЛЕКСЕЯ ДУРАКОВА

* * *

Веселый мальчик белокурый.
Твое ль дрожит в воде лицо?
Ты помнишь дом под кровлей хмурой
И у балкона деревцо?

Как было радостно у печки
С старушкой-няней поболтать
И ночью, в тишине, при свечке
Читать, томиться и вздыхать.

Какие сны нам снились дома
Под визги пензенской пурги:
Орлиный глаз и Монтигома,
Княжна и Разина струги.

Какой нам сон теперь приснится
Под левантийских ветров свист?
Как тихо на воду ложится
Осенний пожелтевший лист

1921

* * *

Много здесь в молочной дали
Затерялось кораблей.
Что в ночи одни блуждали
В тщетных поисках огней.

И во мгле, завидя берег.
Положив на борт рули.
Уходили, не поверив
Зову призрачной земли.

Или, встретившись случайно,
Раздробив друг другу грудь.
Шли ко дну, чтоб, древней тайны
Не узнавши, отдохнуть.

Всё покрыто мглой туманной.
Скрылись светлые пути.
И к земле обетованной
Без огней не подойти.

Где вы, розовые зори.
Где вы, радость-небеса!
Здесь у нас в туманном море
Только грусти голоса.

1922

* * *

Вся жизнь моя – одни лишь встречи.
Пестра, как вешние цветы...
Живу и жду своей предтечи.
Предвестницы моей мечты.

Но ни одна – все мимо, мимо.
О, сколько глаз, о, сколько рук
Влекли, влекут неодолимо –
И светлым облаком замрут.

Есть тихая, как сумрак, радость
В воспоминаньях милых лиц,
Как тихий шелест, запах, сладость
Давно прочитанных страниц.

Одни прошли – как потонули,
И новым не узнать числа...
А тех, что в душу заглянули.
Метель на крыльях унесла.

1922

* * *

Гляжу на мир потусторонний
Сквозь стекла моего окна.
Вот площадь – образ преисподней –
Тенями мутными полна.

День сер и серы наши души!
Порой, подъемля мерзкий гам,
Автомобили, как кликуши,
К пустым взывают небесам.

В дыму кафе официанты
Бесшумно рыщут. На тахтах
Напудренные вянут франты
В телескопических штанах.

Блестят разительным прибором,
И странно схожи их черты.
Исполнены тщедушным вздором
Их неподвижные мечты.

Ужель нас серый день задушит?
– И будем все мы – стыд и страх –
Микроскопические души
В телескопических штанах.

1929

А.А. Бобров

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ И СЛАВЫ

К 80-летию подвига брата – Героя

Среди 225 пензенцев, которые стали Героями Советского Союза, под номером 18 в книге памяти Пензенской области значится мой старший брат – Николай Александрович Бобров. Уроженец Пензы был призван в армию уже из Москвы, куда переехала семья (тогда он успешно начал учёбу в Химико-технологическом институте). Был направлен в школу младших авиаспециалистов – ШМАС, располагавшуюся в Старой Руссе, недалеко от дома-музея Фёдора Достоевского. Потом – война, аэродром в Тихвине, потом и вовсе в Сосновке, на окраине блокадного Ленинграда. 11 июля 1942 г. в очередном боевом вылете бомбардировщик без прикрытия истребителей был подбит финской зенитной батареей и совершил огненный таран – рухнул на батарею врага.

В холодный весенний день стоял у стелы «Слава Героям» и снова думал о том, как Герои, даже павшие, продолжают биться с теми, кто пытается перечеркнуть прошлое или политикански подправить его. На ледяном ветру с Суры узнал, что накануне Дня Победы 2018 г. завершился опрос о переносе стелы «Слава Героям» с Соборной площади Пензы, которая до недавнего времени называлась Советской, в район проспекта Победы – в сквер «Журавли». Кому она помешала? Говорят, священнослужителям… Результаты быстрого опроса были ожидаемы: инициативу, которая впервые была публично озвучена бывшим губернатором И.А. Белозерцевым накануне 100-летия Октябрьской революции, оценили лишь 19,2% проголосовавших. Странно, что пятая часть поддалась, даже ветераны нашлись, которые высказались «за». Может, губернатор и продавил бы свою идею, да был арестован за крупную взятку в разгар пандемии: экс-глава пензенского региона находится под стражей с 22 марта 2021 г. На годовщину снова думалось: за всё приходит расплата. Даже строки начал складывать у мемориала, где есть и фамилия моего старшего брата – Героя Советского Союза Николая Александровича Боброва – уроженца Пензы:

ГЕРОИ ХРАНЯТ…

Собирался в прошлое
И вот – побывал.
На Соборной площади –
Мемориал.

Много крови пролили
За святость основ.
На плите с Героями –
Н.А. Бобров.

Сталинские соколы
Не знали преград.
Бережёт высокое
Мой старший брат.

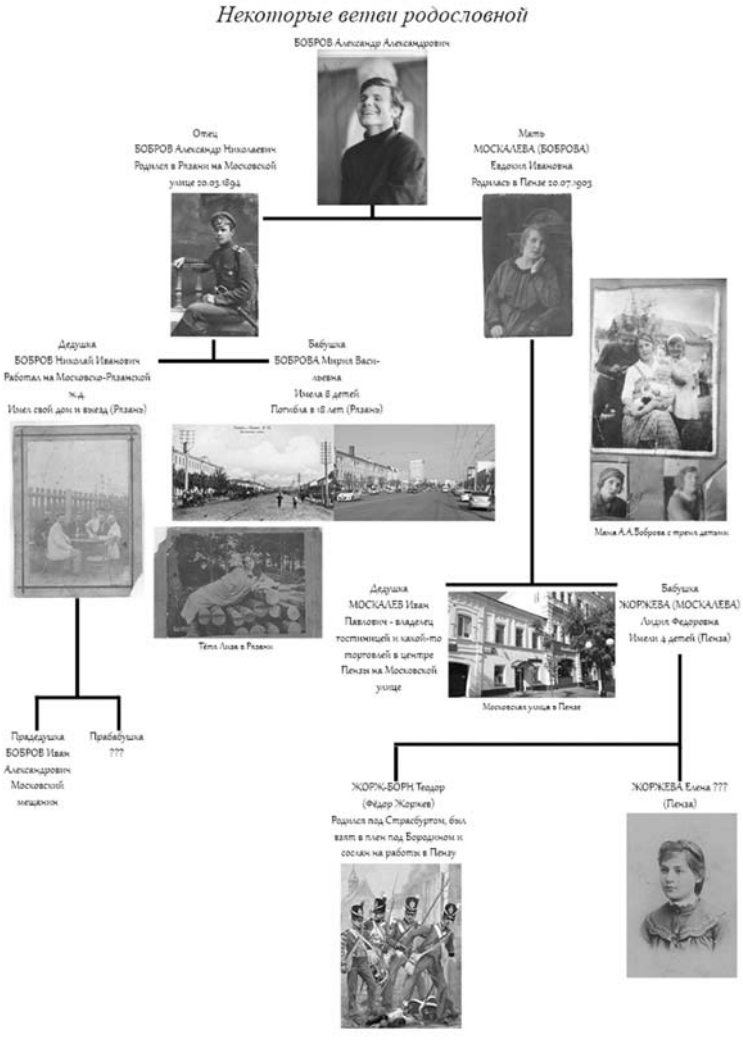
Отметает ложное,
Хранит идеал…
На Советской площади –
Мемориал.

* * *

Впервые за тринадцать лет существования официального праздника Народного единства я ощутил 4 ноября 2018 г. как истинно праздничный день с оттенком высокой трагедии: близ станции Лемболово на Карельском перешейке, у памятника лётчикам, погибшим при защите Ленинграда, состоялось торжественное захоронение останков героического экипажа. Никогда в эту пору не было столь солнечной, яркой погоды, никогда здесь не было так многолюдно и единодушно до слёз. Да, мы были заодно: высокие должностные лица и случайные дачники, лётчики-ветераны и детишки соседней школы посёлка Лесное, опытные поисковики и родственники старшего сержанта Николая Боброва всех поколений: от моего 84-летнего брата Анатолия, продолжающего работать для защиты Родины в объединении Алмаз-Антей, до внучек Марины и Ольги (поисковики говорят: «Как похожа, даже на скульптурный портрет!») и до правнучатого племянника Олега, увы, из Швейцарии… Ведь более всего объединяет высокий подвиг и светлая, бескорыстная память! Завершился грандиозный круг: вылет экипажа с аэродрома Сосновка 11 июля 1942 г. (теперь там мемориал и братское кладбище лётчиков), атака под низкой облачностью на тылы и батареи противника, прямое попадание зенитной батареи в один из моторов, горящий рейд без попытки выпрыгнуть с парашютом в плен и, наконец, огненный таран на передовые финские позиции за 300 м до наших траншей… На памятнике ошибочно указано 12 июля – по донесению, наверное.

Родители долго точно не знали, где погиб старший сын – Герой. Потом открылось «Близ станции Лемболово...», и в 1965 г. установили памятник рядом с одноимённой платформой. Кто-то считал, что это вообще было сделано рядом с братской могилой. И уже через много лет, в 2004 г., совершенно случайно отряд Безымянный наткнулся в Мустоловском урочище на следы скоростного бомбардировщика. Два года копали, нашли множество деталей (например, три парашютных кольца, три пары подошв и рукоять пулемёта, из которого стрелял мой брат), наконец, и сам мотор на глубине трёх метров откопали. Казалось – вот оно, главное доказательство, да номер оказался не «родным», мотор пришёл из ремонта, а документы именно этого месяца были утрачены. Двенадцать лет – новые раскопки, поиски второго мотора, сбор доказательств. Особо помогли финские документы – донесения, дневники боевых действий, наконец, личные поиски моего друга, писателя Карла Геуста, пишущего книги о финских лётчиках. И вот круг замкнулся: по моему писательскому обращению к губернатору Ленинградской области Александру Дрозденко была создана серьёзная комиссия, которая приняла долгожданное решение, и 4 ноября, на Казанскую, в небывало светлую погоду состоялось торжественное захоронение останков экипажа – трогательно, красиво, чётко. К сожалению, были только многочисленные Бобровы... Племянники командира Алёшина из Тамбовской области не приехали (писал в музей Знаменского), родные украинца Гончарука – вообще затерялись (писал, пробовал найти через одесских коллег). Увы…

Ровно в полдень начался торжественный митинг на территории объекта культурного наследия федерального значения – «Памятника-стелы летчикам Героям Советского Союза Семёну Михеевичу Алёшину, Николаю Александровичу Боброву, Владимиру Андреевичу Гончаруку, повторившим подвиг Николая Гастелло», на котором собралось множество людей. Вице-губернатор Ленинградской облас-



Родословное древо Бобровых

ти Николай Емельянов в своей речи напомнил о том, что правительство региона уделяет большое внимание поисковым работам на территории области. По его словам, только за последний год найдено 3000 солдат, но только 180 имён установлено… Сразу вспомнил, как поставил себе цель посетить место огненного падения СБ-2. Дождались с сыном осенней прохлады и тронулись в путь. Ещё на лесной дороге за разрушенным мостиком, где пришлось оставить машину, Дима спросил у Германа Сакса: как часто устанавливается личность погибшего солдата?

Командир Безымянного отчеканил:

«–На местах советско-финской войны – один из ста, Великой Отечественной – один из десяти. У врагов – пятьдесят на пятьдесят: у них медальоны, именные вещи, антропологические данные на всех солдат. А у нас этого не было. Нашли, помню, одного бойца из артиллерийского расчёта гигантского роста. Сначала подумал на останки, что это – кости лося. Нет, такой вот великан воевал и нигде не зафиксирован, а то бы весь расчёт идентифицировали… В Ленинградской области – сплошное коттеджное строительство, прямо на местах боёв, до обследования. С 1 октября должен выйти закон, запрещающий такие действия, и чиновники торопятся, продают, нарезают без согласования».

Словно подтверждение этих слов – сама дорога к месту падения самолёта. Мы заплутали, потому что огромный ельник с вековыми деревьями, к которому и прижималась понятная дорога вдоль бывших финских полей – начисто сведён под огромный дачный посёлок. Просто – гигантские размеры уничтоженного леса, даже мысль преследует: неужели мегаполису не нужны лёгкие? Неужели надо сводить нетронутый лес вместо поиска никчёмных участков? Ну и дорогу таджики строят с грандиозной техникой, отсыпают песчаную подушку в пробитом тоннеле с корневищами по краям. Весь ландшафт перевёрнут, и Герман даже малость растерялся: неужели и место падения закатали? Побежал по опушке будущего дачного рая, вышел к речке Муратовке и вдоль неё по рельефу

и финским траншеям отыскал нужную укромную тропинку. Осталось, значит, место падения. Я даже не ожидал, что так явственно осталось… Мы промокли насквозь, наломали ноги по изуродованному лесу и просекам, но усталость только на фото осталась. А в душе – всё перевернулось!

Столько лет прошло, а вся трагическая повесть читается на нетронутой местности в заросшей глуши: вытянутое место падения, где до сих пор не растёт выжженный лес, коридор, оставленный падавшей машиной с вываливающимися из пламени моторами, – она накрыла страшным огненным тараном позиции врага. Один мотор был разбит прямым попаданием мощного зенитного орудия (сфотографировал в музее в Лаанперанте), горел и оплавился, второй, более тяжёлый, ушёл в землю метра на четыре. Ребята-поисковики долго копали, потом лебёдкой поднимали, на «газике» вывозили, наводя мосты через ручьи и колдобины. Теперь этот мотор в экспозиции Военного музея в Выборге… Явственно пролегли остатки финской траншеи, которую проложили прямо по яме падения, чтобы меньше копать. Ведь это – передовая: всего 300 м не дотянул бомбардировщик до своих в июле 1942 г., а ровно через два года наши войска начали наступать на эти позиции: до неудачного штурма бомбили, обрабатывали артиллерией, сами финны топтались и воевали над останками лётчиков и машины. И столько всё-таки осталось находок... Испорченный пулемёт брата и три парашютных кольца (даже не собирались выбрасываться в плен из подбитой машины), три пары подмёток (у нас почему-то антропологические измерения экипажа не делали, а то бы не было вопросов по принадлежности) и даже финка с наборной ручкой. Ну и останки – косточки, которые остались в одном сапоге и в складках искорёженного алюминия. Брат был в хвосте, при страшном падении хвост улетел вперёд («Вон, до той ёлки», – сказал Герман обыденно). А какие чувства я мог испытывать, подойдя по папоротнику к этой ели?..

Я был как-то убеждён, что на самолёт вышли по финским документам, по донесению двух подразделений – зенитной батареи, которая подбила СБ-2 (перевод донесения из Центрального финского архива у меня есть), и того подразделения на передовой, куда экипаж направил горящую машину. Оказывается, нет – совершенно случайно: «Мы уже заканчивали здесь копать, – говорит Герман, – и вдруг на подходе к траншее, в глухомани, я почти споткнулся о часть кресла пилота – из земли торчала. Начали обследовать, нашли финскую помойку с остатками поделок из алюминия, стали методично прозванивать и поняли: это останки рухнувшего самолёта. Долго и тщательно работали. Есть фото, сколько вещей, косточек и деталей нашли». Вот такое чудо... Какой путь я совершил в течение жизни! Меня мама привезла в Ленинград ещё до школы. Тогда вообще ей не сообщали, в каком районе погиб старший сын. Она, помню, спустилась по гранитным ступеням к Неве, зачерпнула слегка пахнущую мазутом воду и сказала: «Где-то здесь Коля покоится». Оказалось, далеко не здесь… Потом, к 20-летию Победы, открыли данные: близ станции Лемболово, где и был возведён памятник героическому экипажу. Маму с отцом, старшей сестрой и братом пригласили на открытие, а меня дуболомы – армейские начальники не пустили из части. Вот как губили истинную патриотическую, а не формальную работу!

Ну и с тех пор езжу в Лемболово, в исчезнувшую Бобровку, пишу о брате, о войне на Карельском перешейке. Но давно уверен: в Финляндии надо искать следы точного места гибели экипажа». Однако русская судьба натолкнула Германа Сакса с поисковиками отряда Безымянный на слепое место. Финские документы, усилия Баира Иринчеева из Выбога,

Обложка книги А. Боброва «Звезда над озёрами»

помощь финского писателя Карла Геуста только помогали нам установить достоверность и подтвердить гибель именно этого экипажа: по горькой иронии пропали все документы (даже на найденный мотор с номером!) – 44-й полк отправил бумаги на списание самолётов и моторов, но оформил что-то не так, командование Ленфронта вернуло документы, переделывать уже времени не было – полк был отправлен на переформировку, переучивание пилотов на Пе-2. Так что экипаж брата погиб в одном из последних вылетов: может, бомбы оставались и решили бомбить мост без последующего особенного наступления. Что теперь рассуждать и сетовать… Главное, что круг замкнулся.

* * *

Председатель Межрегиональной общественной организации «Совет Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы Санкт-Петербурга и Ленинградской области» Геннадий Фоменко рассказал у памятника о том, что из миллиона защитников Ленинграда, воевавших на трёх фронтах, награжденными званием Героя Советского Союза оказались 700 человек, среди них и трое из экипажа брата. По его словам, в Санкт-Петербурге тогда оставалось только два Героя Советского Союза, участвовавших в Великой Отечественной войне и один полный кавалер Ордена Славы… Особо он обратил внимание на то, что в Петербурге имеется 700 школ и более 100 училищ и гимназий, а имена Героев присвоены всего-то пятнадцати школам, хотя именно от школьников зависит, сохранится память о подвигах войны или нет. Поразительно! Вот тебе и контент, о котором сказал В.В. Путин на Валдайском форуме: мол, равняются юные на суррогатных героев-то в сети – так расскажите ребятам о настоящих, отечественных!

Кстати, забыл спросить в Пензе, а сколько школ носят имена Героев в городе и области? Кому из школьников-пензенцев можно прочитать слова о земляке, написанные в наградном листе о моём брате: «Мужественный стрелок-радист, обращавший в бегство своим пулемётным огнём не один десяток истребителей противника. Им проведено 12 выигранных боев, из которых он вышел победителем, обеспечивая этим выполнение поставленной задачи. В дни Отечественной воны он произвёл 67 боевых вылетов, из которых 47 – ночью. За мужество, проявленное в борьбе с немецким фашизмом, награждён орденом Красного Знамени. А по приказу наркома обороны И.В. Сталина за такое количество ночных вылетов он должен быть дважды Героем Советского Союза! Однако, помню, каких трудов мне стоило, чтобы школе №1429 в Бауманском районе Москвы присвоили имя Николая Александровича Боброва – в то время спикер Совета Федерации Сергей Миронов по моей просьбе написал письмо мэру Луж-

кову. А ведь в истории каждой школы есть свои славные выпускники – защитники Отечества.

Первым оперативно и подробно написал о торжестве 4 ноября 2018 г. сайт «Красная весна». Процитирую коллег: «На мероприятии присутствовали родственники стрелка-радиста Николая Боброва, одного из Героев, в честь подвига которых в советское время был возведен мемориал у станции Лемболово. Младший брат Николая Боброва – Александр Бобров отметил, что для него этот день особый, и как для родственника, и как для писателя, журналиста, который многие годы работает для сохранения памяти о войне и подвиге её Героев: “Эта земля нам от них досталась. Какой она будет – решать более молодым поколениям. Погибшие герои из великого поколения отдали свой долг сполна. Мы старались, как могли, защищали Родину, хотя страну не уберегли. Но я надеюсь, что эта земля будет хранить память том, что ребята пали не только за особняки и дачные поселки на этой земле и что это будет прекрасный “Зеленый пояс” Ленинграда – место памяти, место славы”».

Тут я хочу напомнить, что уже второй год пытаюсь подредактировать запись в Книге памяти Пензенской области. Под номером 18 в ней значится мой старший брат Бобров Николай Александрович – Герой Советского Союза, павший под Ленинградом 11 июля 1942 г. По всем пензенским ссылкам он «пропал без вести», как было сказано в самом первом извещении в 1942 г., которое мама получила в эвакуации – в Земетчино, где была с дочкой Лидой и сыном Толей (горькая судьбина вернула в родную область). Но с тех пор давно установлен последний бой, его картина и точное место гибели экипажа, выпущена по горячим следам листовка.

В 1965 г. близ станции Лемболово установлен памятник героическому экипажу. Подрос я, младший брат – писатель и журналист. Мной выпущено две книги о старшем брате – «Звезда над озёрами. Мой брат защищал Ленинград» и «Сосна у селенья Бобровка», десятки статей, очерков, стихов и песен, снято несколько телесюжетов. Наконец, рабочие завода в Выборге в свободное от работы времени, как в советское время, изготовили памятную стелу, и она была торжественно установлена на опушке леса, на месте гибели. Увы, это не интересно Пензенской области... Наконец, поисковым отрядом «Безымянный» были обнаружены остатки машины и Героев в лесу на Мустоловских высотах, и в 2018 г. было произведено торжественное захоронение у памятника в Лемболово. Интернет переполнен данными и материалами! А по всем пензенским спискам – «пропал без вести». Ну, если не интересоваться судьбой героических земляков – откуда же новые вести придут?

Ещё один брат Н.А. Боброва – Анатолий, хорошо помнящий погибшего брата, рассказал, что с детства живет с мыслью, как бы не осрамить имя брата-героя, как бы не совершить чего-нибудь неподобающего. В свои 84 года он продолжает дело брата по защите родины, работает в концерне «Алмаз-Антей», выпускающем вооружения для ПВО и ПРО России. Он также посетовал на то, что «в лихие 90-е» кто-то снял огромную бронзовую звезду с мемориала. Вместо неё долгое время висела деревянная звезда. Сейчас она заменена на алюминиевую и плоскую, тогда как настоящая звезда медали, которую вручали Героям Советского Союза, имела двухгранные лучи. Братья Бобровы обратились к присутствовавшему вице-губернатору области с просьбой восстановить звезду на мемориале в первозданном виде.

Да много что надо восстановить – прежде всего, стройную систему военно-патриотического воспитания подрастающего поколения. Например, рядом с памятником в Лемболово (а теперь – и могилой героев) находится детский оздо-

ровительный лагерь. Пытался связываться с его директором, привлекать как-то к торжественным акциям. Например, в 2016 г., когда мы в день памяти и скорби 22 июня возлагали цветы с сыном, внучками, представителями школы посёлка Лесной, местной администрации, журналистка Людмила Однобокова связалась с руководством лагеря, но ей ответили, что у них – «другой график», они просто проигнорировали церемонию, которая проходила в двухстах метрах. Поразительно! Но перед захоронением Людмила сообщила, что в лагере сменилось руководство, и они сами вышли на неё, выразив готовность строить воспитательную работу вокруг подвига и мемориального комплекса. Посмотрим… Во всяком случае в солнечный день 4 ноября детишки были, возлагали цветы и слышали те стихи, которые я прочитал под шум сосен.

ТРОЙСТВЕННЫЙ ВЫСТРЕЛ

Командиру отряда Безымянный
Герману Саксу

В осеннем лесу, над поляной,
Мне слышится шелест знамён…
Спасибо, отряд Безымянный
За сонм возвращённых имён!
К Вуоксе идут электрички.
Когда настаёт тишина,
На самой большой перекличке
Героев звучат имена.
Я много прошёл и осмыслил,
И вот замыкается круг:
Мне слышится
тройственный выстрел:
Алёшин, Бобров, Гончарук.
И отзвук разносится грустный,
Но как-то спокойнее мне,
Что прах упокоен на русской,
На взятой с боями Земле!

Итак, круг поисков, доказательств, тропинок к истине – замкнулся, но книга памяти и летопись дел – продолжается. К 100-летию рождения брата школе посёлка Лесное было присвоено имя Николая Александровича Боброва, оттуда прислали фото новых экспонатов – остатков рухнувшего на финскую батарею бомбардировщика брата СБ-2, найденных на Мустоловских высотах. 79 лет прошло – алюминий лопасти и лонжерона погнулся и оплавился при огненном таране, но сохранился. А память?

* * *

Память привела меня на родину брата – в Пензу. Ещё в год 75-летия Победы, на новой волне воспоминаний и свершений – захоронение, найденное в лесу отрядом Безымянный останков героического экипажа через 76 лет, выход по гранту Смольного книги «Сосна у селенья Бобровка» – я снова задумался: почему никогда никто из Пензы не обращался ни к родителям, ни ко мне, младшему брату-литератору, с какими-то предложениями, вопросами, уточнениями. Такое впечатление, что не хотят… Конечно, из Пензенской области в действующую армию ушли около 300 тыс. человек, из которых свыше 190 тыс. погибли, а 225 пензенцев стали Героями Советского Союза – не только рождённые на этой земле, но и связанные с нею судьбой. Так, легендарный политрук-панфиловец Василий Клочков в 1930-е годы работал главным бухгалтером Пензенской почтово-телеграфной конторы, проживал с семьей в домике при почтамте. Так что Николай Бобров – всего лишь один из них, но есть ли у кого-то среди наследников семейной славы действующие писатели? Пензенские краеведы и архивисты твёрдо говорят: нет!

Так вот, в 2020 г., до пандемии, написал письмо прежнему губернатору И.А. Белозерцеву, но тому уже не до патриотизма было, наверное… Хотел я тогда ещё раз побывать в городе мамы и брата, изучить кое-что, вечер провести, книги подарить. Вяло позвонил какой-то чиновник, попросил послать книгу... Коронави-

рус все вопросы снял! Книгу о брате послал в областную библиотеку им. М.Ю. Лермонтова – даже не поблагодарили, а ведь уже в самоизоляции на почту ходил с трудностями… Пришёл новый губернатор О.В. Мельниченко, уроженец Пензы, в прошлом курсант Ленинградского высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ внутренних войск МВД СССР. Тогда я решил сделать второй заход, как говорят лётчики: снова написал бывшему курсанту, учившемуся в Ленинграде, за который пал мой брат. Министерство культуры ответило официально, когда я уже вернулся из Пензы и даже успел опубликовать очерк в «Советской России» – «Ледяной ветер с Суры». Написал я и краеведам Пензы, вспомнил про адрес мамы по Садовой, 7. Получил ответ: «…Если вы надумаете приехать в Пензу, мы, в свою очередь, можем вам провести пешую экскурсию по историческому центру Пензы. Будем рады любым дополнительным сведениям о вашем дедушке и брате. С уважением, профессор Владимир Иванович Первушкин». Я уже задавался вопросом: а нет ли в этом какой-то пугающей завершённости? Из дома №7 вышел на свет Герой Советского Союза Николай Александрович Бобров, теперь там какая-то усадьба за высоким каменным забором. Брата призвали с Кадашевской набережной, 26. Теперь там дорогущая гостиница «Кадашевская». Разве она поставит мемориальную доску: «Отсюда ушёл на фронт...»? Я ведь владельцам тоже писал, как и в управу «Якиманка» – глухо... И так во всём! Страшновато становится под бравурные речи о патриотизме с трибун и с экрана. Да ещё в такой обстановке, которая требует новых жертв…

В ветренные, морозные дни всё-таки приехал в Пензу без всякого приглашения. В.И. Первушкин – историк, председатель Региональной общественной организации краеведов Пензенской области и главный редактор журнала «Пензенское краеведение» выполнил обещание, показал досконально всё, включая мамину женскую гимназию, в которой даже он не бывал – там давно какой-то закрытый институт, и то место на бывшей Троицкой улице, напротив женского монастыря, где стоял дом – пристанище приехавшего по служебному назначению молодого отца… У меня хранится и выпись о регистрации брака родителей, и выпись о рождении брата 19 апреля 1921 г. Накануне 80-летия подвига брата снова думаю о том, что ожидают Россию времена ещё более трудные. Посетил выставку Литературного музея «Лермонтов – судьба поэта-воина». Снова укрепился в мысли: только на них и надежда – на светочей наших, на героических предков, на неунывающих подвижников на ниве культуры – хранителей памяти.

Д.А. Панфилов

ПАМЯТЬ О ГЕРОЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Ф.М. ЧЕРОКМАНОВЕ

В с. Маровка Иссинского района в безызвестности пропадает памятник Герою Советского Союза Филиппу Михайловичу Черокманову. По словам местного жителя Григория Николаевича Егорова, бюст Ф.М. Черокманову был поставлен в 1980-х гг.[1] В начале 2000-х гг., когда действовала школа, ученики вместе с учителями выходили на субботники, поддерживали памятник в надлежащем состоянии. Летом 2008 г. сельская школа была закрыта, а зимой бронзовый бюст был украден с каменного постамента. Реконструкция так и не была проведена.

Улица Черокманова в Маровке, 2022 г. Личное фото автора.
Справа: так сейчас выглядит каменный постамент памятника Ф.М. Черокманову.
Село Маровка, 2021 г. Личное фото автора

На фото представлено современное состояние памятника.

Филипп Михайлович Черокманов родился 3 ноября (по старому стилю) 16 ноября 1899 г. (по новому стилю) в крестьянской семье в с. Маровка Мокшанского уезда, ныне Иссинского района Пензенской области[2]. С мая по октябрь 1917 г. проводилась сельскохозяйственная, поземельная и городская перепись населения России. Материалы по Пензенской губернии хранятся в Государственном архиве Пензенской области (ГАПО). В результате поисков была обнаружена карточка на Черокманова Семёна Леонтьевича, являющимся дедом Ф.М. Черокманова. На момент переписи Семёну Леонтьевичу было 67 лет. Членам семьи мужского пола: сыну 42 года, внуку 17 лет (Ф.М. Черокманов), внуку 15 лет, внуку 7 лет, внуку 4 года. Членам семьи женского пола: жене 67 лет, снохе 42 года, дочери 17 лет, внучке 17 лет, внучке 4 года. Сословие домохозяина: крестьянин бывший помещичий. Национальность: великорусская. Уезд – Мокшанский, волость – Соловцовская, селение – Маровка, общество – Маровское. Всего земли – 6,58 десятины (одна десятина равняется 1,09 га), из них: 6,08 чересполосная и 0,50 товарищеская. Всего скота 12, из них: 2 лошади, 1 корова, 1 подтёлка/бычок, 4 ягнёнка и 4 овцы/бараны[3].

На страницах иссинской районной газеты «Вперёд» мы можем найти ценную информацию о ранних годах жизни Филлипа Михайловича. Его отец Михаил Семёнович Черокманов трудился у помещика Рожновского, а в зимнее время брал швейную машинку «Зингер». Сам Филипп Михайлович с 10 лет пас помещичий скот. В годы Столыпинской аграрной реформы М.С. Черокманов вместе с семьёй переселился в казахский город Чимкент. В скором времени началась Первая мировая война, а затем революция. В 1918 г. Ф.М. Черокманов возвращается в Пензенскую губернию[4].

В РККА с 1919 г. Участник Гражданской войны. Окончил пулемётные курсы в 1922 г., в 1926 г. вступил в ВКП(б), в 1936 г. окончил курсы «Выстрел», а в 1939 г. – курсы при Военной академии Генштаба. На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. С 16 сентября 1941 г. по февраль 1942 г. командовал 148-й стрелковой дивизией, которая в ходе Елецкой операции 9 декабря 1941 г. освободила Елец, затем г. Ливны. В июле 1943 г. в звании генерал-майора

назначен на должность командира 27-го стрелкового корпуса (65-я армия). Ф.М. Черокманов, командуя частями корпуса, проявил решительность и смелость. Преследуя врага, корпус с минимальными потерями форсировал реки: Десна, Снов и Сож. 15 октября 1943 г. две стрелковые дивизии корпуса начали форсирование р. Днепр и к исходу 16 октября 1943 г. закрепились на захваченном плацдарме[5]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 г. за успешное форсирование р. Днепр, прочное закрепление плацдарма на западном берегу р. Днепр и проявление при этом отваги и геройства Ф.М. Черокманову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»[6]. Ф.М. Черокманов, командуя 27-м стрелковым корпусом, принял активное участие в Берлинской наступательной операции, был участником встречи советских и американских войск на Эльбе. После войны продолжил службу в армии. С февраля 1951 г. – командующий 3-й армией в группе советских войск в Германии, с ноября этого же года – командующий 7-й армией Закавказского военного округа. С июля 1955 г. был заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа[7]. В августе 1957 г. в звании генерал-лейтенанта ушёл в отставку. Г.Н. Егоров рассказал своей матери Евдокии Егоровой о посещении Ф.М. Черокмановым родного села: «В конце 1950-х гг. Филипп Михайлович приехал в Маровку, гулял по родным улицам, затем посетил соседнее село Соловцово, где состоялась встреча со школьниками»[8]. Малоизвестно, что в Маровке одна из улиц названа в честь Черокманова, именно там когда-то находился его дом (Фото 3). В 1972 г. Филипп Михайлович стал почётным гражданином Ельца. Умер 8 июня 1978 г. Похоронен в Воронеже[9]. Более подробные сведения про Ф.М. Черокманова можно найти в следующих публикациях[10].

Ф.М. Черокманов (справа) с учителем из Пензы Богатырёвым. Фото из фондов Иссинского краеведческого музея

Ф.М. Черокманов с пензенскими краеведами. Фото из фондов Иссинского краеведческого музея

Таким образом, личность Ф.М. Черокманова интересна краеведам разных регионов: в Липецкой области в г. Ельце есть улица Черокманова, в рубрике «Исторический календарь» на телеканале «Елец ТВ» 16 ноября 2016 г. один из репортажей был посвящён 117-летию со дня рождения Ф.М. Черокманова и его роли в проведении Елецкой наступательной операции; в Воронеже на доме, в котором он провёл свои последние годы, установлена мемориальная доска. В Пензе на стеле «Слава героям», которая располагается рядом с монументом «Росток», выгравировано имя Ф.М. Черокманова. В рабочем посёлке

Исса установлено пять бюстов Героям Советского Союза, уроженцам Иссинского района, в том числе и бюст Ф.М. Черокманову, также одна из главных улиц Иссы названа в честь Черокманова. В Иссинском краеведческом музее имеется две ранее неопубликованные фотографии Ф.М. Черокманова с пензенскими краеведами.

Примечания

1. Интервью с жителем с. Маровка *Г.Н. Егоровым*. 2021. 1 июля // Из личного архива автора.

2. *Полубояров М.С., Шишкин И.С.* Черокманов Филипп Михайлович // Пензенская энциклопедия, 2019. Т. 2. С. 659.

3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 158. Оп. 3. Д. 3584.

4. *Викторова Н.* Прославленный сын земли иссинской // Вперёд (Иссинский р-н). 2014. 30 апреля. №17. С. 8.

5. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 729.

6. Подвиг народа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://podvignaroda.ru/?#id=12103428&tab=navDetailManAward (дата обращения 10.01.2022).

7. *Полубояров М.С., Шишкин И.С.* Указ. соч. С. 660.

8. Интервью с жителем с. Маровка Г.Н. Егоровым. 2021. 1 июля // Из личного архива автора.

9. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 729.

10. *Викторова Н.* Указ соч. С. 8; Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь. М., 2006. С. 618–619; Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 729; *Полубояров М.С., Шишкин И.С.* Указ соч. С. 659–660; *Поляков В.* Комкор Черокманов // Орловская правда. 2007. 18 июля. С. 7; Черокманов Филипп Михайлович // Липецкая областная универсальная научная библиотека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://war.lib48.ru/personalii/cherokmanov-filipp-mikhajlovich (дата обращения 07.06.2022); Черокманов Филипп Михайлович, 27 ск 65-й А // Форум поисковых движений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=1460.0 (дата обращения 07.06.2022).

Г.П. Тамбовцев

ФРОНТОВИК ИЗ КОПОВКИ

«На войне всякое бывает». Эта поговорка многократно подтверждалась в любом вооружённом конфликте, но особенно богата редкими и необычными случаями история Великой Отечественной войны. Одним из примеров сложной и почти невероятной фронтовой судьбы является биография нашего земляка, ветерана Великой Отечественной войны Петра Тихоновича Мещерякова.

Родился Пётр Мещеряков 10 января 1912 г. в селе Коповка Вадинского района Пензенской области. Коповка – большое русское село, основанное в середине XVII в., и почти половина его жителей носила фамилию – Мещеряковы. Мещеряковых было несколько династий, но самым известным и популярным считался род Тихона Алексеевича Мещерякова и его жены Ефросиньи Павловны. В семье один за другим появлялись и поднимались крепкие дети: Павел, Мария, Ольга, Константин, Кузьма, Иван, Пётр, Степан. Самого основателя рода давно уже нет. В роду были военные, учителя, агрономы, инженеры и выдающиеся спортсмены, заслуженные труженики народного хозяйства. Пятеро Тихоновичей ушли сражать-

ся с фашистами на фронт, двое – Константин и Кузьма – сложили в боях свои головы. Трое вернулись с победой домой – Иван, Степан и Пётр. О предпоследнем из Тихоновичей, Петре, и хочется рассказать подробнее.

П.Т. Мещеряков. Справа: удостоверение к медали «За оборону Сталинграда»

С детства он проявил интерес к знаниям, любил читать книги, и не случайно его назначили на должность заведующего избой-читальней. С 1933-го по 1935-й гг. Пётр Тихонович проходил службу в Красной армии. Сохранился снимок красноармейца Мещерякова в составе взвода во главе с командиром, младшим лейтенантом, сделанный в городе Подольске в июле 1935 г.

26 мая 1941 г. Пётр Тихонович Мещеряков был призван на 45-дневные сборы артиллерийским разведчиком в 55-й лёгкий артиллерийский полк 61-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся с 1939 г. в г. Каменке Пензенской области. Проезжая станцию Пачелма 22 июня 1941 г., Пётр Тихонович выбросил из окна вагона письмо, в котором сообщил родным, что едет на фронт.

Начало боевого пути 55-го лёгкого артиллерийского полка можно проследить по дневнику лейтенанта Уколметова, воевавшего в этом полку.

22.06.41. В составе 1-го эшелона оправились к месту назначения.

26.06.41. Прибыл 1-й и 2-й эшелоны. Место разгрузки ст. Бобрик.

26.06.41. по 30.06.41. Совершён марш от ст. Бобрик до ст. Чернигов.

Западный фронт (Белоруссия)

Полк погрузился на ст. Гомель и 1.07.41 прибыл к месту разгрузки ст. Уза. 55-й лёгкий артиллерийский полк (лап) поддерживает 307-й стрелковый полк (сп).

4.07.41. Выступили по направлению Зборово. 14.00 прибыли в район боевых действий. 17.00 открыли огонь по деревне Зборово. (Рогачёвский район Гомельской области Белоруссия).

5.07.41. С утра продолжали бой за деревню Зборово. 307 сп три раза ходил в атаку, 2 раза захватывал юго-восточную окраину Зборово, но отбрасывался противником.

6.07.41. Весь день вёлся бой за д. Зборово. Уничтожено три танка, огневые точки подавлены.

7.07.41. Настроение у бойцов и командиров хорошее, все горят желанием как можно быстрее уничтожить зарвавшихся фашистов.

14.07.41. Начали форсировать р. Днепр.

15.07.41. Переправился штаб и штабная батарея.

16.07.41. Весь день вели бой. Противник нашими войсками отброшен в район Тихиничи. Поддерживаемый нашей группой 66 сп вышел в район Шажки. В 16.00 противник начал контрнаступление и стал быстро продвигаться на участке 307 сп, но артиллерийским огнём группы был остановлен.

В этот день Пётр Мещеряков получил осколочное ранение от разрыва мины и

был эвакуирован в Саратовский госпиталь № 1307, где пролечился с 24 июля по 22 ноября 1941 г. Это ранение практически сохранило ему жизнь в далёком 1941 г. и оградило от серьёзных неприятностей и проблем, выпавших на долю боевых товарищей, продолживших сражение и попавших в тройное кольцо окружения на Днепре в середине августа 1941 г.

После выписки из госпиталя сержант Мещеряков был направлен на ст. Алтата Саратовской области, где с конца октября началось формирование 59-й отдельной стрелковой бригады.

Волховский фронт (Ленинград)

В действующую армию 59-я отдельная бригада вошла 18 декабря 1941 г., к 11 января 1942 г. сосредоточились по рубежу реки Волхов с приданным 43-м лыжным батальоном. В ходе Любанской операции бригада введена в бой из второго эшелона 14 января 1942 года. Утром 15 января бригада пошла в атаку в районе Мясного Бора. Удалось несколько потеснить противника, но прорвать оборону не получилось, и бригада продолжала бои у Мясного Бора. 21 января 1942 г. Мещеряков вновь получает осколочное ранение от разрыва мины, его успевают эвакуировать с поля боя. С 12 февраля по 28 марта 1942 г. он находится на лечении в эвакогоспитале № 2807, который располагался в городе Горьком. 23 июня 1942 г. остатки бригады пошли на прорыв из окружения, в составе ударной группы 2-й ударной армии Волховского фронта. В ночь с 24 на 25 июня из 59-й бригады, по воспоминанию командира артвзвода И.Д. Елоховского, вышли 32 человека. Ещё свыше 100 человек во главе с командиром и комиссаром, напротив, ушли в тыл противника и, пройдя около 500 километров, вышли к своим в августе 1942 г. в полосе обороны 1-й ударной армии Северо-Западного фронта.

На трассе М10 в Новгородской области в д. Мясной Бор находится одно из самых массовых захоронений Второй Мировой войны – мемориал 2-й ударной армии. На участке около 100 метров захоронено более 11 тысяч солдат и офицеров Красной Армии. Захоронения продолжаются и сейчас. (Это место начала прорыва немецкой обороны в январе 1942 г.).

«Куда б ни шёл, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись».
М. Исаковский

Боевые действия продолжались до июня 1942 г., выполнить поставленную задачу по прорыву блокады Ленинграда 2-я ударная армия не могла выполнить из-за нехватки или полного отсутствия боеприпасов и продовольствия.

Пока Пётр Тихонович Мещеряков лечился в госпитале, домой в Коповку в феврале 1942 г. пришло письмо о том, что он пропал без вести.

Куда был направлен сержант Мещеряков после выписки из госпиталя в конце марта 1942 г., пока остаётся вопросом. В красноармейской книжке стоят печать и подпись командиров 70-го штурмового инженерно-сапёрного батальона (шисб), 14-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады (шисбр) 14.05.42 г. Но 14-я шисбр появилась только в 1943-м г. До неё на базе 1740 сапёрного батальона был сформирован 55-й инженерно-сапёрный батальон (исб) в составе 61-й инженерно-сапёрной бригады РВГК, 19 октября 1942 г. в Приволжском военном округе города Камышин Сталинградской области.

Донской фронт, Южный фронт (Сталинградская битва)

55-й исб участвовал в боях с 15 декабря 1942 г. (в основном обеспечивая наступление войск Донского фронта). Приказом

Ставки ВГК с 31 января 1943 г. Сталинградский фронт ликвидировался, войска 62-й, 64-й, 57-й армий передавались в состав Донского фронта, в котором воевали по январь 1943 г. Войска 2-й гвардейской армии, 51-й и 28-й армий передавались вновь образованному Южному фронту. На 1 февраля 1943 г. 61-я инженерно-сапёрная бригада числилась в составе Южного фронта. Она обеспечивала оперативные действия 5-й ударной армии по 25 мая 1943 г. Маршрут проходил севернее Ростова-на-Дону до реки Миус, освобождали Шахты, Новошахтинск, Миллерово, Куйбышево. В течение марта – апреля упорные бои продолжались на реке Миус. В 55-м исб сержанту Мещерякову Пётру Тихоновичу было подписано удостоверение о награждении медалью «За оборону Сталинграда». Затем бригаду направили на переформирование в Московский военный округ, в районе станции Львовская Подольского района, где 5 июня 1943 г. 55-й исб был переформирован в 70-й штурмовой инженерно-сапёрный батальон 14-й шисбр.

Наверное, нужно немного рассказать и о том, что представляла из себя штурмовая инженерно-сапёрная бригада, чем она была вооружена и какие задачи выполняла.

Штурмовая инженерно-сапёрная бригада – формирование инженерных войск Резерва Верховного Главнокомандования Красной армии. Была предназначена для штурма приспособленных к обороне населённых пунктов и прорыва сильно укреплённых рубежей обороны противника. Весной 1943 г. началось формирование первых 15-ти штурмовых бригад. Общая численность бригады, состоявшей из пяти штурмовых инженерно-сапёрных батальонов по 388 чел., составляла 2204 чел. При формировании в состав бригады не включались бойцы старше 40 лет, принимали крепких и выносливых. Особенностью снаряжения был стальной нагрудник из тонкой (2 мм) броневой стали, снабжённый сочленённым «передником». Вооружение включало: ножи; снайперские винтовки; пистолеты; ручные и станковые пулемёты, гранаты; бутылки с зажигательной смесью; взрывчатка; мины и инженерные средства. Всего за годы войны было создано 20 шисбр.

Типичный бой штурмовиков-сапёров в городе проходил при огневой поддержке танков или артиллерии. Пока танк или орудие, сопровождавшие штурмовиков, приближались к укреплённому объекту, автоматчики и пулемётчики огнём блокировали окна. Нижние этажи зачищали ранцевыми огнемётами, которые стали поступать в войска с конца 1943 г., а в это время сапёры приближались под прикрытием к стенам. Затем стены просто сносились взрывчаткой, и в здание врывались штурмовики, которые в ближнем бою штыками, ножами, гранатами и огнём добивали «крепость». И так – дом за домом, укрепление за укреплением. Помимо традиционных автоматов (ППШ, ППС), штурмовые подразделения вооружались в большом количестве ручными пулемётами и противотанковыми ружьями, которые использовались как крупнокалиберные винтовки для подавления огневых точек. Чтобы научить личный состав проворно бегать со всем этим грузом на плечах, а также сократить возможные потери, устраивались жёсткие тренировки: бойцов с полной выкладкой гоняли по полосе препятствий, постоянно стреляя над их головами боевыми патронами, чтобы правило «не высовываться» закреплялось у них на уровне инстинкта. Бой начинался внезапно, иногда даже без артподготовки, без криков «Ура!». Через заранее проделанные проходы в минных полях пробирались отряды пулемётчиков и автоматчиков, которые отрезали вражеские доты от поддержки пехоты. Сами бункеры уничтожались взрывниками или огнемётчиками. Даже самые мощные укрепления выводились из строя с помощью заложенных в вентиля-

ционные отверстия зарядов. Там, где путь преграждали решётки, выливали внутрь несколько канистр керосина и поджигали. Хорошую услугу в пополнении арсенала шисбр оказали сами немцы: с лета 1943 г. на вооружение гитлеровской армии стали поступать фаустпатроны, которые при отступлении бросали в огромных количествах. Фаустпатроны пробивали не только броню, но и стены. Наши бойцы придумали специальную переносную стойку для залповой стрельбы из 6–10 фаустпатронов одновременно. Использовались также хитроумные переносные рамы для запуска тяжёлых 300-мм реактивных снарядов М-31. Их подносили на позицию, укладывали и стреляли прямой наводкой. В 1944 г. на поддержку штурмовых батальонов пришли роты огнемётных танков и всевозможные плавающие транспортёры.

Воронежский, Степной фронты (Курская битва)

Во время Курской битвы Воронежский совместно со Степным фронтом разгромили врага. В составе Воронежского фронта 14-я шисбр числилась в боевых действиях с 11 июля 1943 г., когда она маршевым порядком была переброшена на Воронежский фронт и заняла оборону на Курской дуге по северному берегу реки Псёл от Обояни до Прохоровки (хутор Весёлый), на рубеже Обоянь – Ольховатка – Семёновка – Весёлый. В августе 1943 г. 14-я шисбр в составе 5-й гвардейской армии наступала западнее Белгорода и западнее Харькова, обеспечивая оперативные действия. В составе Степного фронта приняла участие в освобождении Полтавы. Днепр форсировала в районе Кременчуга. После Днепра участвовала в освобождении Александрии. 70-й штурмовой инженерно-сапёрный батальон 14-й шисбр, в составе которого воевал Пётр Мещеряков, на 1 октября 1943 г. числился в составе Степного фронта.

2-й Украинский фронт (переименован из Степного приказом Ставки ВГК от 16.10.1943 г.)

В составе 2-го Украинского фронта 14-я штурмовая инженерно-сапёрная бригада (и в её составе 70-й инженерно-сапёрный батальон) обеспечивала боевые операции фронта с начала его образования 20.10.1943 г. до окончания Великой Отечественной войны 09.05.1945 г. Участвовала в Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Батошанской, Одесской, Ясско-Кишинёвской, Будапештской (прошла с боями весь город с востока на запад, штурмовала каждый дом, подвал, улицу, квартал) Венской, Братиславско-Брновской и Пражской наступательных операциях. Освобождала Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию. В мае 1945 г. бригада заканчивала боевые действия под Прагой в составе 6-й гвардейской танковой армии генерал-полковника А.Г. Кравченко.

Во время боевых действий неоднократно награждался правительственными наградами и П.Т. Мещеряков.

Вот, к примеру, краткое изложение боевого подвига в наградном листе от 20 мая 1944 г., подписанном командиром 70-го инженерно-сапёрного батальона майором Сахаровым.

«Образцы мужества, бесстрашия и находчивости проявил старшина хозвзвода батальона старший сержант Мещеряков при форсировании реки Днестр 13 и 14 апреля 1944 г. в районе с. Ташлык».

С выходом наших войск на р. Днестр встала необходимость немедленно организовать переправу. Тов. Мещерякову было приказано силами хозвзвода обеспечить подвозку переправочного имущества и лесоматериала для постройки пристаней. Под сильным ружейным и пулемётным огнём и миномётным обстрелом противника он сумел в срок обеспечить своевременное оборудование переправы.

За доблесть и мужество, проявленные при форсировании реки Днестр, старший сержант Мещеряков награждён орденом Красной Звезды.

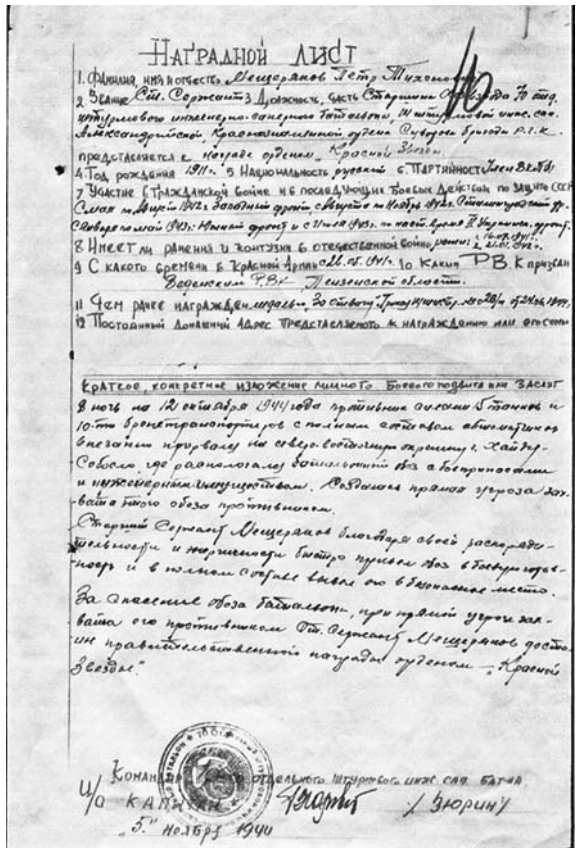
24 июня 1944 г. он был награждён медалью «За отвагу».

«В ночь на 12 октября 1944 г. противник силами 15 танков и 10 бронетранспортёров с полным составом автоматчиков внезапно прорвался на северо-восточную окраину г. Хайдусобосло, где располагался батальонный обоз с боеприпасами и инженерным имуществом. Создалась прямая угроза захвата этого обоза противником.

Старший сержант Мещеряков благодаря своей распорядительности и энергичности быстро привёл обоз в боевую готовность и в полном составе вывел его в безопасное место.

За спасение обоза батальона при прямой угрозе захвата его противником старший сержант Мещеряков удостоин правительственной награды ордена Красной Звезды». А уже 28 декабря его награждают второй медалью «За отвагу».

Также Пётр Тихонович был награждён медалями: «За оборону Сталинграда» (11.07.1943); «За взятие Будапешта» (13.02. 1945); «За взятие Вены» (13.04.1945); «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Но лучшей наградой в это суровое и непредсказуемое время оказалась его собственная сохранённая жизнь. Невероятно, как удалось ему избежать гибели или плена в сложных кровопролитных сражениях 1941–1942 гг., уцелеть во время крупнейших военных операций, в большинстве которых ему пришлось участвовать. Наверное, это и есть прихотливая игра судьбы. Но выжил солдат и вернулся в родную Коповку – одним из немногочисленных уцелевших. Согласно исследованию краеведа Г.А. Монахова, в село возвратились с фронта только 90 чел., некоторые из них – покалеченные войной: кто-то без руки, кто-то без ноги.



НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Наградной лист П.Т. Мещерякова от 5 ноября 1944 г.

А 250 сельчан в родной дом не вернулись, сложили свои головы в боях с ненавистным врагом.

Старший сержант Мещеряков Пётр Тихонович демобилизовался 25 сентября 1945 г. Дома колхозники избрали фронтовика председателем колхоза «Коллективный труд» (тогда в селе было организовано несколько колхозов, потому что село было большое). Колхозом он руководил до 1953 г. Потом, когда колхозы объединили в один, Пётр Тихонович стал работать бригадиром, заведующим фермой, заведующим складом и перед пенсией – полевым объездчиком. В 1980 г. Пётра Тихоновича Мещерякова не стало.

У Петра Тихоновича и его супруги Ксении Васильевны в семье родились три сына и дочь. Старший – Пётр – окончил учительский институт, затем Елабужское военное училище. Служил офицером и одновременно учился в военной акаде-

мии. Работал в органах КГБ. Николай окончил с золотой медалью Вадинскую среднюю школу, учился в Пензенском сельскохозяйственном институте, уехал работать учёным-агрономом в Томскую область. Антонина окончила Пензенский пединститут и вернулась учительствовать в родную Коповку. Фёдор окончил Пензенский сельскохозяйственный техникум, после службы в Советской армии преподавал в том же техникуме и учился в сельскохозяйственном институте. Свыше десяти лет проработал в аппарате Законодательного Собрания Пензенской области. У Фёдора Петровича и его жены Раисы Дмитриевны родились две дочери Надежда (врач) и Анна (доцент кафедры права Пензенского государственного университета) и один внук – Андрей Дмитриевич Уваров.

А.Н. Соболев

ШИФРЫ И ЖАНДАРМЫ

Весенним утром 1907 г. начальник Пензенского губернского жандармского управления И.С. Николаев прибыл на приём к губернатору И.Ф. Кошко. Недавно вступивший в должность губернатор не любил визиты жандармского начальника. В те тревожные годы губерния была охвачена революционными беспорядками, поэтому любая встреча с полковником означала, как правило, плохие новости…

«Чёрные кабинеты»

Не стал исключением и этот раз. Полковник принёс с собой перехваченные письма правителя канцелярии губернатора. Оказалось, что чиновник, занимавший весьма ответственную должность и посвящённый в святая святых губернской власти, состоял в переписке с русскими революционерами в Женеве. Кошко эта новость ошарашила. Правитель канцелярии был человеком далеко не безгрешным, пьющим, но имевшим репутацию законченного черносотенца – ярого защитника самодержавия, ни словом, ни делом не показывавшего сочувствия революционерам. По мнению полковника Николаева, всё его общение с врагами самодержавия происходило «под пьяную руку», и вряд ли в этом крылся какой-то преступный умысел, но в обязанности правителя канцелярии входила, как тогда говорили, «разборка» (дешифровка) секретных телеграмм, а значит он владел и ключом к шифру[1]. Это давало ему неограниченный доступ к секретной информации. Не на шутку встревоженный губернатор немедленно освободил чиновника от должности и запросил у Департамента полиции новый ключ к шифру, так как прежний «утратил конспиративность».

Странно, что правитель канцелярии не задумался об опасности, которую таила в себе переписка с революционерами. Полиция и жандармерия регулярно занимались перлюстрацией корреспонденции (просмотр писем, совершаемый втайне от отправителя и получателя) лиц, занимавших ответственные должности, поэтому риск оказаться под подозрением был довольно высок.

В некоторых крупных городах тайный просмотр корреспонденции происходил в специальных пунктах при почтамтах, которые иногда называли на французский манер «чёрными кабинетами» (по фр. – Cabinet Noir). Название пришло из Франции, где в XVII в. при парижском почтамте было оборудовано специальное помещение для этих целей. Впоследствии «чёрные кабинеты» появились и в других странах, в том числе в России. Согласно секретным инструкциям, нельзя было

вскрывать письма лишь очень ограниченного круга лиц: император, министр иностранных дел и директора Департамента полиции. Для вскрытия писем применялось специальное устройство. С его помощью конверт обрабатывался струёй пара, после чего оставалось только аккуратно отогнуть клапаны конверта. В случае необходимости с письма снималась копия. Затем оно аккуратно запечатывалось, а на ребре конверта иногда ставили чуть заметную точку, означавшую, что письмо уже просмотрено.

В Пензе, как и в большинстве губернских городов, «чёрного кабинета» не было. Корреспонденцию просматривали работники почтовых учреждений, сотрудничавшие с политической полицией. Жандармские помощники работали далеко не так аккуратно, как профессионалы из «чёрных кабинетов», поэтому зачастую при внимательном осмотре конверта можно было обнаружить следы вскрытия.

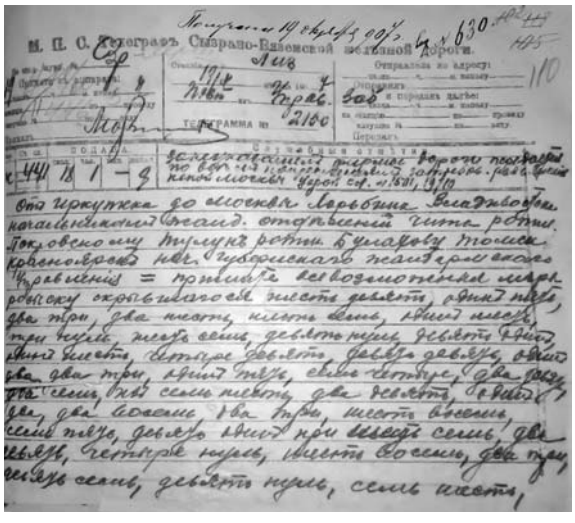
Один из таких агентов в годы Первой мировой войны работал в Пензенской почтово-телеграфной конторе и занимался «отобранием и перехватыванием писем, адресованных на имена подозрительных лиц»[2]. История не сохранила его имени. Известен только его агентурный псевдоним – «Подорожный». За эту деликатную работу жандармы платили ему из секретного фонда около 20 руб. в месяц. Необходимость просмотра писем возникала довольно часто. В документах Пензенского губернского жандармского управления (ГЖУ) нередко встречаются ссылки на информацию, полученную из частной переписки. Всю корреспонденцию, подлежавшую перлюстрации, условно можно поделить на две категории. Во-первых, эта письма лиц, за которыми целенаправленно следили жандармы или полиция. Во-вторых, письма, отобранные по принципу случайной выборки или на основе каких-то ориентировок. Например, обязательно вскрывались письма, отправляемые в Париж, Цюрих, Женеву – места, где проживало много политических эмигрантов из России. Таким образом, вольнодумствующий пензенский чиновник, затеявший переписку с революционерами в Женеве, был обречён.

Как явное делали тайным

Жандармы не только охотились за чужими тайнами, но и тщательно оберегали свои. Изрядную долю работы губернского жандармского управления занимала переписка с различными учреждениями. В штате Пензенского ГЖУ состояло два писаря, которые целыми днями сидели за письменными столами и занимались входящими и исходящими бумагами, отчётами. Между тем, эти герои бумажного труда были серьёзной прорехой в режиме секретности. Участившиеся случаи утечки секретных сведений вынудили жандармское руководство выпустить особое распоряжение, в котором говорилось, что «возложение переписки исключительно секретного характера на писарей молодых по возрасту и не окрепших ещё в своих убеждениях может повлечь за собой крайне вредные для службы последствия… Отбыв воинскую повинность и вернувшись в обывательскую среду, бывший писарь, даже не по злому умыслу, а просто по легкомыслию может в частных беседах выболтать известные ему факты или приёмы розыска»[3].

Как же жандармы охраняли свои секреты? Это делалось с помощью шифрования всей сколько-нибудь значимой информации, которая отправлялась адресатам в письмах или по линиям телеграфной связи. Зашифрованное сообщение внешне выглядит как комбинация цифр или букв, скрывающая текст письма или телеграммы. Шифрование текста и обратный процесс – дешифрование – производятся с помощью ключа: набора данных, необходимых для преобразования текста.

Для связи с различными ведомствами в Пензенском ГЖУ хранились три набо-



Шифрограмма, полученная пензенскими железнодорожными жандармами в 1907 г. ГАПО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 6. Л. 110

ра шифра: жандармский, полицейский и армейский. В переписке с жандармскими учреждениями использовался специальный шифр, представлявший собой передвижную бумажную ленту, подклеенную холстом. Лента передвигалась относительно стрелки и таким образом ставилась на ключ шифрования. Этот шифр широко использовался жандармами для передачи информации телеграфным способом, ведь специальных защищённых линий связи тогда не было. Принимая или передавая такие сообщения по обычному телеграфу, служащие телеграфных контор видели перед собой набор цифр или букв, но не могли понять его содержание. Слова, не имеющие важной смысловой нагрузки, могли быть написаны в обычном, не зашифрованном виде. Полицейский шифр представлял собой книжечку из двух половинок, сделанную из бумаги на холсте. Военный шифр тоже был цифровым и подклеивался на холст размером с лист почтовой бумаги.

Департамент полиции придавал очень большое значение сохранности ключей и шифров. 17 апреля 1907 г. пензенские железнодорожные жандармы получили новый шифр, а вместе с ним и сопроводительное письмо: «Препровождая при сём один экземпляр шифра для сношений унтер-офицеров между собой и с начальником отделения… прошу разъяснить обстоятельно и лично значение шифра, способ его применения и тщательного хранения. Всякое злоупотребление им и небрежное хранение будет строго преследоваться»[4].

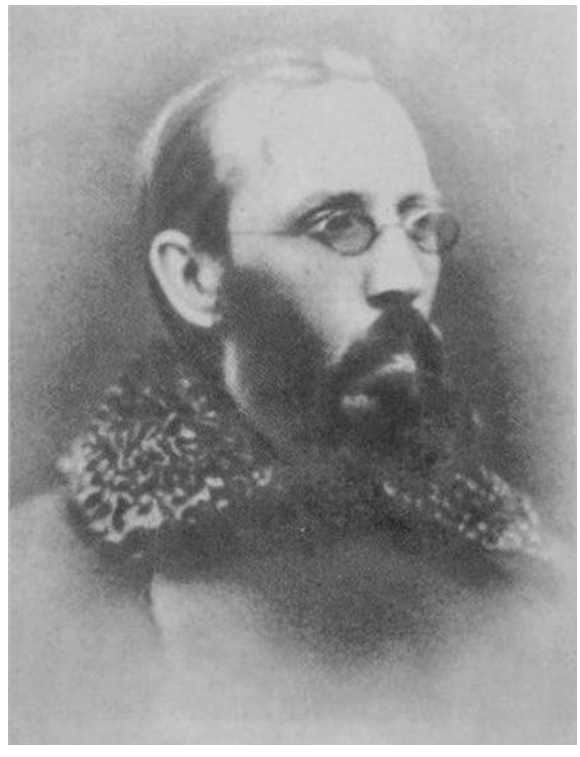
Несмотря на грозные предупреждения, нередко имели место ситуации, вынуждавшие производить срочную замену ключей и шифров. В марте 1907 г. в Пензенское ГЖУ, местные подразделения железнодорожной жандармерии, полицмейстеру и губернатору пришёл циркуляр из Департамента полиции. Этот документ содержал указания по использованию и хранению нового шифра: «Участившиеся за последнее время случаи пропажи ключа свидетельствуют, что он попадает в руки неблагонамеренных лиц, и, таким образом, несмотря на сравнительно короткий срок пользования уже потерял свою конспиративность. Ввиду сего признано необходимым изменить шифр Департамента. Препровождая при сём экземпляр новой слоговой ленты, уведомляем, что её следует наклеить на каждом экземпляре ключа, на месте прежних цифр…». Далее следовали рекомендации по использованию ключа и приводился пример зашифрованного сообщения: «Телеграмма с текстом: “Прошу немедленно выслать фотографическую карточку и подробные приметы задержанного сегодня террориста” в зашифрованном условным ключом виде будет следующая: “*Прошу немедленно ходузевиве суткемогавобо мафувитуба вабаривадо нунакафоба нарив подробные хагеседуфа ригикудаву нутигафифе нофетенувар сегодня хедодазаро зериморусъ*”»[5].

Замена ключей и шифра производилась одновременно по всей территории, где он использовался, т.к. их несовпадение делало невозможным связь между лицами, использующими шифр. При возникновении чрезвычайной ситуации, когда шифры и ключи могли попасть в чужие руки, их требовалось уничтожить.

Революционеры, с которыми боролись жандармы, хорошо понимали, что за ними следят, поэтому для конспиративной переписки тоже использовали шифры. Первые упоминания о шифрах революционного подполья относятся к 60-м годам XIX в. На первых порах борцы с режимом использовали простейший шифр замены. Он известен как шифр Цезаря. В нём буква алфавита в соответствии с каким-нибудь алгоритмом заменяется другой буквой. Каждая буква шифра заменяет собой букву текста, идущий за ней или до неё в алфавите через определенный интервал. Попробуем зашифровать слово «Пенза». Допустим, интервал составляет две буквы в направлении, обратном алфавитному. Это и будет ключом к данному шифру. В это случае буква «п» заменяется буквой шифра «м», «е» заменяется на «в». Буквы «н» и «з» заменяем, соответственно, на «к» и «е». Остаётся буква «а», но она первая в алфавите, поэтому не будем её заменять. Таким образом, получаем слово «Пенза» в зашифрованном виде: «Мвкеа». С помощью нехитрых приёмов такой шифр можно сделать и более сложным. Например, первую и последнюю букву слова шифровать не через два, а через три интервала.

Участники революционных организаций Пензы, особенно те из них, кто контактировал с революционерами в столице или за границей, шли в ногу со временем и тоже использовали шифры. В 1890-е годы пензенские жандармы раскрыли подпольный молодёжный кружок. Молодые люди поддерживали связи с революционерами в Москве и Женеве. При обыске у них были найдены зашифрованные письма[6].

Большое распространение конспиративная переписка получила в среде народников. Известный революционер-народник, уроженец Пензенской губернии П.И. Войнаральский рассказывал, что в каждой губернии подпольщики используют свой шифр, отличающийся от тех,



Н.В. Клеточников (1846 – 1883). Печатается по изданию Ф. Лурье «Полицейские и провокаторы», СПб., 1992. С. 340

что применялись в других губерниях. В качестве ключа к шифру обычно использовались короткие стихотворения, которые содержали в себе все буквы алфавита. Именно такой ключ был найден при обыске в записной книжке у Войнаральского. Каждая буква в нём обозначалась двумя цифрами. Одна цифра указывала её место в стихотворении, а другая – место буквы в слове. Например, вот первая строчка ключа, найденного у Войнаральского: «Пустынной Лены берега…». В зашифрованной тексте буква «п» будет обозначаться числом «11», потому что буква «п» стоит в первом слове ключа на первом же месте. Такой способ шифрования по стойкости значительно превосходил примитивный шифр замены.

Расшифровать сообщение, составление с использованием шифра Цезаря, не представляло большого труда. Обычно этим занимался кто-нибудь из жандармских или полицейских офицеров, имеющих склонность к умственным упражнениям

подобного рода. Письма, зашифрованные на основе более сложных алгоритмов, передавали для «разбора» в Министерство иностранных дел. Исторически сложилось, что именно в этом учреждении впервые появилась криптографическая служба. И только в 1890-х годах, в связи с увеличением объёма перехваченных шифрованных писем, в Департаменте полиции было создано специальное отделение, которое занималось изучением конспиративной переписки подпольщиков.

В свою очередь, революционеры тоже хотели знать жандармские секреты, но силы противоборствующих сторон здесь были неравными. Не имея ключа, прочитать защищённую профессиональным шифром жандармскую переписку было невозможно. Крайне редко борцам с режимом удавалось заполучить ключи к шифрам тайной полиции. Один из немногих достоверных случаев связан с именем Николая Клеточникова. Он родился в Пензе, а впоследствии уехал в Петербург, где сблизился с членами «Народной воли». По заданию своих товарищей по подполью он поступает на службу в Третье Отделение чиновником для письма. Завоёвывает доверие начальства и не только получает доступ к секретной документации, но и сам занимается шифровкой и дешифровкой корреспонденции. В 1880 г. он сделал копию документов, касающихся использования шифра, и передал её революционерам. После его ареста ключи к шифру были изменены. Сам же шифр использовался жандармами много лет и был лишь слегка модернизирован в 1907 г.

История шифров царской жандармерии, как и конспиративной переписки революционеров, закончилась в 1917 г. В дни Февральской революции начальник Пензенского ГЖУ генерал-майор Л.Н. Кременецкий сжёг шифры и всю документацию, хранившуюся в здании жандармского управления на Суворовской улице. Секретных бумаг было так много, что они не умещались в печке, и их сжигали прямо на полу[7].

Примечания

1. *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.) Петроград, 1916. С. 142–143.

2. ГАПО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 240. Л. 4

3. ГАПО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 23. Л. 80.

4. ГАПО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

5. Там же. Л. 3.

6. Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях, за 1898–1899 годы. Вып. 22–23. СПб., 1902. С. 120–122.

7. ГАПО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 240. Л. 54–55.

А.Г. Сохряков

ПРОМЫСЛЫ СЕЛА ОРЛОВКА НАРОВЧАТСКОГО РАЙОНА

Село Орловка расположено в семи километрах от районного центра, на границе с Ковылкинским районом Мордовии. В селе было развито несколько видов промыслов.

ГУСЕОТКОРМОЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Откорм гусей в Наровчатском уезде существовал только в Орловке. Возник он в 1877 г. Сначала откармливали гусей в небольшом количестве в отдельных хозяйствах, в каждом только своего развода. Потом некоторые нашли выгодным прикупать гусей для откорма со стороны. Покупали они по 35 коп. за штуку, кормили не дольше 10 дней, корм давали раза по четыре в день, насыпали столько, сколько гуси съедали, но не вволю. Откормленных гусей отвозили в Тамбов, Рязань и Москву.

С проведением Московско-Казанской железной дороги (1893), а село находится в 7 км. от железнодорожной станции Самаевка (бывш. Наровчат), сбыт гусей стал проще. Житель села Андрей Федулович Калинин образовал компанию из хозяев, которая сообща повела дело в широких размерах. Компания эта стала скупать молодых гусей по сёлам тысячами, по цене 40–50 коп. за штуку, откармливать сильнее и отправлять в Москву вагонами. Эта компания убила кустарное откармливание гусей и превратила в предпринимательское. В 1906 г. в городе Козлове Тамбовской губернии открылась контора по закупке гусей в Германию. Немцы, предложили орловским жителям сбывать им откормленных гусей на условиях более выгодных, чем сбыт в Москву. Немцы установили цены на гусей за месяц до начала откорма, гусей принимали на ближайшей для промышленников станции (Самаевке), расчёт производился тотчас же по сдаче товара. Такие условия привлекли к откорму новых лиц, составивших новые компании. С 1906 г. число откормщиков увеличилось с 3 до 13, которые в 1911 г. составили четыре компании и одного одиночного. Число откармливаемых гусей с каждым годом стало быстро увеличиваться. Для закупки гусей немцами в Орловке откармливалось по 4 тыс. в год, в 1910 г. их было откормлено уже 12 тыс., в 1917 г. – более 17 тыс. Кроме того, немцы требовали гусей крупных, не легче 15 фунтов.

Усиленный спрос на гусей, притом крупных и хорошо откормленных, привёл к расширению производства и улучшению пород в уезде. Уход за гусями улучшился, их стали разводить больше, некоторые обзавелись даже хорошими производителями мясных пород. Во многих местностях стали разводиться голландские, тульские, холмогорские и китайские, а русские серые исчезли.

В 1910 г. в с. Орловке существовало пять компаний: А.Ф. Калинин (4 компаньона, существует 18 лет, откормлено в 1910 г. – 4500); С.А. Горбачев (3 компаньона, существуют 6 лет, откормлено в 1910 г. – 4500); М.Д. Горбачев (2 компаньона, существует 5 лет, откормлено в 1910 г. – 800); С.Д. Овчинников (1, существует 5 лет, откормлено в 1910 г. – 500); И.Т. Журавлев (3 компаньона, существуют 1 год, откормлено в 1910 г. – 1300).

Сначала в этом промысле мало кто был заинтересован, но в 1908 году он захватил многих. Окормом гусей занимались самые богатые из орловцев.

ЯИЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

В Наровчатском уезде был развит и яичный промысел – сбыт куриных яиц за пределы губернии. Их скупали в сёлах и деревнях особые скупщики, называемые «сборщиками» и «яичниками», а также сельские торговцы. Оптовая покупка возами яиц производилась уже крупными яичными фирмами, имеющими склады и называемыми складчиками. Фирмы покупали сотни тысяч яиц и отправляли их вагонами в Москву. Такие склады имелись в г. Наровчате, на ст. Арапово и по сёлам. Сельские складчики отправляли яйца в Москву и сдавали иностранным конторам. Спрос на яйца вызвал увеличение куроводства. Кур повсюду стали разводить в несколько раз больше. Цены на яйца повысились в 3–4 раза. Первым яичником из орловцев стал Павел Трофимович Хвастунов. Сборщик за два дня успевал набрать 4–5 тыс. яиц и таким образом зарабатывал по 8–10 рублей от каждой поездки. При таком заработке сборщики за год покрывали расходы по обзаведению инвентарём и сверх того получали порядочную прибыль. Такая доходность привлекала новых лиц к сбору яиц. Их численность с каждым годом увеличивалась не только из среды орловцев, но других селений.

Существовал в селе и решетный промысел. Он появился в 1852 г. Первым

стал выделывать решета Ефим Овчинников. Он научился их выделывать в с. Подхватиловка Нижнеломовского уезда. Но Ефим работал только на заказ для своих соседей. Решетами же занялся другой орловец – Кирей Калинин. Он повёл дело шире, стал держать учеников, нанимать работников и сбывать решета на базарах г. Наровчата и развозить по окружным селениям. Он стал известным в округе под кличкой «Архиерей решетник». Ефим и Кирей лет 10 делали решета одни. Потом ученики и работники Кирея тоже занялись решетным делом. В 1870-х гг. решета уже выделывали в 10 дворах с. Орловки, а в 1902 г. уже в 40. Особенно много решетников было в 1905 г. Затем число решетников стало сокращаться, т.к. из них многие занялись сбором (скупкой) яиц для яичных складчиков.

Решетный промысел развился в Орловке главным образом вследствие малоземелья и отсутствия вблизи других решетников. Спрос на решета был большой, промысел оказывался довольно доходным.

Сначала орловцы сбывали решета в своем уезде. Решета, а особенно полотна быстро изнашивались и требовали ремонта. Орловцы стали ходить по деревням и ремонтировать. Разносчики сначала ходили по селениям своего уезда, потом по смежным уездам, а в последние годы уже ходили по Рязанской, Нижегородской и Тамбовской губерниям.

Из рассказов старины далёкой

В архиве Музея-заповедника Наровчатского района хранятся воспоминания жительницы с. Орловка Татьяны Акимовны Бормотовой о быте и нескольких исторических эпизодах этого села.

Когда мне было не более 10 лет, моему дедушке Степану Ивановичу было под 90, но он был крепкий и живой старик. Помогал отцу по хозяйству: чинил телегу, сани, тесал топорища. Он знал много поговорок, прибауток, сказок, песен. Много рассказывал историй о прошлой жизни села. За завтраком, когда мать ставила на стол чашку варёной картошки, мы – ребята – старались ухватить картофелину покрупнее и поразваристей, дед рассказал нам удивительную историю про картошку. И хотя дед рассказывал эту историю не впервые, слушали её с одинаковым удовольствием. Сейчас все картошку едят, и не только едят, а уважают эту пищу. Картошка – второй хлеб, поэтому все радуются, когда она хорошо уродится. Но не всегда так было. Лет около 80 тому назад в нашей Орловке, да и в других сёлах не знали картошки. У отца с матерью мой отец был единственный сын. У отца была старшая сестра Анна – девка-вековуха, жила она в маленькой келье в конце нашего огорода. Когда Анне было 14 лет, она прислуживала у попадьи, и та выучила её церковной грамоте. Когда тётка стала постарше, она стала ходить читать по покойникам, сорокоусты в церкви вычитывать. Была она очень суровая, строгая, замуж не пошла. Одним из наших соседей был Прохор Журавлёв. По всей округе не было мужика несчастней и бедней его. Шестеро ребят – пять девок и один сын, жена, больная мать, землицы мало, никакой живности во дворе, свой душевой надел отдавал справному мужику Ситникову, а сам ежегодно уходил на заработки в Саратовскую губернию. И вот этот самый незадачливый Прошка и принёс к нам в Орловку небольшой мешочек картошки. Подивились соседи на невиданный овощ. Зимой Прохор хворал и весной не в силах был идти в отход. Картошку посадили, осенью, когда ботва высохла, стали копать. Многие из соседей пришли смотреть. Отец стал вместе с Прохоровыми ребятишками собирать картошку в кузовок, и увидела его за этим занятием тётка. Привела в свою келью, раздела, вымыла его, святой водой окропила и пребольно отстегала прутом – сте-

гала и приговаривала: «Глупый негодный парнишка, какую ты гадость в руки брал, ведь это антихристовы яблоки. Кто их в руки берёт или съест, царства небесного лишается!». Картошку стали приносить и другие отходники и стали сажать на своих огородах, но года пожалуй с три люди её не ели, а подкармливали ей скотину. Мы мальчишки были умнее старших, не боялись ада и не брезговали «антихристовыми яблоками». Осенью во время ночной пастьбы лошадей мы ели картошку с большим удовольствием. Первые начали есть картошку отходники и молодёжь, не обращая внимания на воркотню старых, но скоро и старики убедились, что картошка такой же овощ, как и репа, свёкла, морковь, и только редкие старухи отказывались есть. Моя старая тётка Анна так и умерла, не отведав «антихристова яблока».

К нам изредка приходила из Новой Пятины младшая сестра отца Авдотья Журавлёва, и как-то после её гостевания дед сказал: «Ведь наша Орловка строилась от Новой Пятины, я сам не застал в живых деда, а отец мне рассказывал, что когда дед молодым был, но уже женатым мужиком переселился он на место теперешней Орловки. Сначала переселенцев было 12 – 15 семей. Бормотовых – две семьи, Журавлёвых – три семьи, Калинины, Овчинниковы, Ситниковы, остальных запамятовал. Есть сказ, что на склоне, там, где сейчас дорога на Клиновку, рос высокий столетний дуб, и на том дубу орлиное гнездо было. На памяти отца в дуб ударила молния и расщепила его, сожгла. Вот и говорили раньше старики, что по тому орлиному гнезду и названо наше село Орловкой».

Вот ещё один из рассказов деда: «Жили наши орловские крестьяне не густо, наделы были небольшие, полторы десятины пашни на душу, а покосов было совсем мало, да и те суходольные. Безлошадных было чуть ли не полсела. Безлошадные все уходили на отход в Саратовскую и Самарскую губернии, в Астрахань, в Ставрополье, и с каждым годом отходников становилось всё больше, пожалуй побольше 100 человек стали уходить из села. Собирались 2–3 артели, сговаривались и в начале “святой недели” уходили пешком на заработки. Возвращались после Покрова. Приносили рублей 35, платили душевые подати, подкупали хлебца.

Наша семья решетами не занималась. Бедные, у которых не было деньжонок на покупку луба, работали решета на Кирея и других имущих, мало зарабатывали, но хлеба могли подкупить. Теперь мне 74 года. Я старый, очень старый человек и лгать мне стыдно».

Ю.С. Лубошникова

ДЕРЕВНЯ, ЖИВУЩАЯ В СЕРДЦЕ

Русская деревня – сказка, сошедшая со страниц книг знаменитых поэтов и писателей. Тихая и спокойная гавань со своей историей, переживавшая все радости и невзгоды, выпавшие на её долю.

Как жаль, что сказка заканчивается, деревни вымирают, история забывается. В современном мире таких деревень и сёл, к сожалению, становится по всей России всё больше и больше…

Такая же печальная судьба настигла одну из деревень Тамалинского района Пензенской области − Рящино.

Возникла деревня в XVIII в. у р. Миткерей в Сердобском уезде Саратовской губернии благодаря капитану И.К. Хомякову. В ней насчитывалось 60 дворов. Перед отменой крепостного права Рящино перешло во владение М.И. Козловскому.

У него насчитывалось 171 ревизская душа крестьян, 57 тягол на барщине, 1 тягло на оброке, у крестьян 40 дворов на 20 дес. усадебной земли, 441 дес. пашни, 20 дес. сенокоса, 63 дес. выгона, у помещика 99 дес. удобной земли, в том числе 10 дес. леса и кустарника, сверх того 25 дес. неудобной земли. После отмены крепостного права крестьяне выкупили землю в собственность. В 1869 г. полковником Михаилом Иеремиевичем Козловским построена каменная церковь во имя апостолов Петра и Павла. В 1877 г. в Рящинской волости Сердобского уезда (волостное правление находилось в с. Бугры) насчитывалось 64 двора, церковь, 2 водяные мельницы. В 1911 г. в Дуровской волости были образованы церковь и церковноприходская школа. В 1926 г. был создан Бугровский сельсовет, в 1939 г. – центр сельсовета, в 1955 г. – колхоз им. Кирова.

Численность населения (по годам): в 1795 – около 472, 1859 – 342, 1877 – 408, 1911 – 466, 1926 – 510, 1939 – 136, 1959 – 52 жителя[1].

В деревне была школа, при М.И. Козловском была построена каменная церковь, вскоре появился детский дом. Это была большая и густонаселённая территория, со своим перспективным развитием.

У барина Козловского был огромный кирпичный двухэтажный дом, стоявший на возвышенности, с парадным входом на юг. Усадьба очень красиво стояла возле зелени, вокруг – красные и белые розы. За домом росла персидская сирень с белыми и лиловыми кистями. Дом подковой обтекал ручей с родниковой, ледяной водой. За усадьбой был расположен очень большой сад: 15 гектаров вишни, яблони, смородины и много-много черёмухи[2].

Территория, где находилась д. Рящино, очень живописна: разрушенный храм, возле которого зелёная степь, поющие птицы, пчёлы, собирающие нектар, неподалеку расположено кладбище. Здесь не сохранились дома, но место ещё наполнено жизнью, которая ощущается в каждом уголке.

Про убранство жилища и занятия жителей вспоминает Пелагея Ефимовна Яковлева, 1914 г. рождения: «Дома были крыты соломой. Обстановка в основном у всех одинаковая: печь белёная, станок ткацкий много места занимал, над койкой – зыбка для ребёночка, вдоль окна – стол да лавка длинная. Сюда же ягнят и тёлочку в морозы брали.

Женщина больше четырёх часов в сутки когда спала? Всё на ней! Коноплю выращивали и лён. Масло конопляное да льняное вкусное было! Льняные полотенца на полочки вешали у образов. Из конопли пряли и портянки! Чулочки вязали. Лапти мужья плели, а в полую воду к ним колодки привязывали. Жёнам просвета не было, мужики работали в основном летом, зимой же собирались в одной избе. Пили мало, только на свадьбах осенью. Вели единоличное хозяйство, больше общались со своей семьёй»[3].

Как уже говорилось, храм в честь апостолов Петра и Павла был построен при помещике, с этим храмом связан священномученик Николай Александрович Лебедевский, который был законоучителем в церковно-приходской школе с 1884 по 1900 гг., был переведён в Рящино из соседнего с. Дуровка. В 1934 г. церковь была закрыта и передана под народный клуб[4].

Про церковь вспоминает жительница села Пелагея Ефимовна, она рассказывает, что под ней находился семейный склеп Козловских. Церковь взрывали несколько раз – с одного не удалось, по рассказам стариков, из-за того, что бетон замешивали на яичных белках[5]. С храмом связана легенда, гласящая, что в нём был зарыт клад, и кладоискатели на протяжении многих лет его искали, из-за чего церковь стала быстрее разрушаться.

Церковно-приходская школа в д. Рящино отличалась своей благоустроенностью, с этим связано имя священника Николая Александровича Лебедевского. Сведения из отчёта Саратовского епархиального училищного Совета о церковно-приходских школах в Саратовской епархии за 1886–1887 учебный год говорят о том, что церковно-приходская школа в с. Рящино, открытая в ноябре 1885 г., помещается в особом здании, принадлежащем местному землевладельцу, попечителю школы, штаб-ротмистру Ст. Козловскому. Обучалось в ней 48 мальчиков и 11 девочек. Закон Божий там преподавал приходский священник Николай Лебедевский, а прочим предметам крестьянин Василий Наумов, имеющий свидетельство на право сельского учителя, последний с жалованьем из местных средств по 15 руб. в месяц. Из сельских школ Рящинская была одной из наиболее благоустроенных, благодаря попечению священника Лебедевского и благорасположенности попечителя Козловского. Последний обеспечивал школу ремонтом, отоплением, освещением, прислугою, книгами и учебными принадлежностями, всего ценностью до 300 руб. Кроме того, в пользу школы поступило от попечительства и церкви 38 руб. 44 коп., от разных жертвователей 56 руб. 80 коп. и от г. Чихачева 50 руб. При школе основана учительская и ученическая библиотека, имеющая 527 экземпляров учебников и учительских пособий. Из учеников школы формируется хор для пения в храме при богослужении. Заведующий школою священник Лебедевский свидетельствует о «… примерной расположенности и любви к обучению детей в церковной школе попечителя её штаб-ротмистра Ст. Козловского, который, с самого открытия её, принимал весьма деятельное участие в улучшении постановки её, для сего щедро жертвуя личные средства. В первый год по открытии школы устроены им 8 пятиместных парт, классная мебель для учителя, куплены учебники и проч., на что израсходовано им более 100 руб.; во второй год г. Козловский дал школе приличное и удобное помещение в одном из своих флигелей, обеспечил школу отоплением, освещением и прочим; в счёт его же открыты при

школе в послеобеденное время занятия переплетным мастерством; под руководством учителя дети научились переплетать книги довольно чисто и прочно; все книги и учебники школы переплетены ими»[6].

По воспоминаниям Пелагии Ефимовны становится понятно, что была шпагатная фабрика, принадлежащая помещику Степану Петровичу Липатову. Он платил рабочим деньги, из-за чего деревня стала обновляться. Ближе к коллективизации помещик понял, что фабрика убыточная, и продал её в Кузнецк, на лошадях отвозили всё оборудование. На этой фабрике позже создали инкубатор, и в Рящино стали разводить птицу[7].

Великая Отечественная война не обошла стороной и д. Рящино, откуда ушло много мужчин, почти с каждого двора. Тяжело было, остались одни женщины, старики и подростки. Возвратилось после войны очень мало... Осталось мало дворов. Деревня ещё при коллективизации стала распадаться[8]. Однако в Рящино оставался детский дом, который не давал деревне полностью умереть.

Детский дом был открыт в 1933 г. У него было своё хозяйство, где выращивали самое необходимое, а в войну снабжали Красную армию продуктами. Сохранились воспоминания ребят, живших в рящинском детском доме. Одна из воспитанниц, Татьяна Федоровна Соловьева, вспоминает, что в 1941 г. она получила ранение, на тот момент ей было 12 лет, после чего потерялась. Солдаты, которые её нашли, отправили девочку в Пензу, а оттуда увезли в детдом в д. Рящино. Татьяна Федоровна помнит станцию «Тамала», куда они вместе с другими ребятами прибегали смотреть пленного генерала Паулюса – его провозили по железной через ст. Тамала[9].

Более подробно о жизни в детдоме рассказывает Анна Карповна Крылова. Привезли её в детдом в 1943 г., вывезли из оккупированной территории (она из Калининской (ныне Тверской) области) сначала в Москву, а потом уже в д. Рящино. «О воспитателях детского дома кроме хорошего ничего не помню. Учили нас шить, вышивать, вязать, даже на веретене прясть. Своё хозяйство было, коров доили, на кухне поварам помогали. Сотрудники косили просо, сено ворошили, картошку растили. Были лошади. Старшие ребята пахали землю. Полы в комнатах мыли девочки. По очереди дежурили в столовой и на кухне. Мальчики помогали дрова заготавливать и хлеб резать. Хлеб был по норме – 125 или 150 гм на день. Никто лишнего куска с тарелки не брал.

В праздники было торжественно: хор пел, оркестр струнный играл под руководством Натальи Федоровны (из эвакуированных). Она очень много с нами занималась, участвовали мы и в районных конкурсах – занимали призовые места. На Новый год обязательно наряжалась ёлка.

В 1947 г. в детский дом привезли много малышей. После войны стало лучше жить: хлеба не ограничивали, появились сахар, яйца, молоко. Привозили на Новый год подарки, мы ездили в пионерский лагерь. Мне за хорошую учёбу дали путёвку в Артек»[10].

В сердцах воспитанников навсегда остались в памяти детский дом, Рящино, воспитатели, учителя, которые не оставили их в трудное время. Детский дом закрыли в 1953 г., а здание перенесли в с. Вишневое. Теперь в нём находится сельский историко-краеведческий музей имени дважды героя Советского союза, маршала Н.И. Крылова (но есть и другая информация, что это здание было раньше в д. Рящино школой).

Нет с нами деревни Рящино уже 46 лет, но она ещё живёт в сердцах её жителей, воспитанников детского дома.

Примечания

1. *Полубояров М.С.* Весь Пензенский край. Тамалинский район. Электронный ресурс: http://www.suslony.ru/Penzagebiet/

tamala.htm (дата использования: 21. 08.2021).

2. Организатор. Тамала, 1998. №13. 19 февраля.

3. Там же.

4. Справочная книга Саратовской епархии. Саратов, 1912. С. 357–358.

5. Организатор. Тамала, 1998. №13. 19 февраля.

6. Электронный источник: https://map.mefodiy-kirill-hram.ru/person.php?id=70 (дата использования: 22. 08.2021).

7. Организатор. Тамала, 1998. №13. 19 февраля.

8. Там же.

9. Там же.

10. Организатор. Тамала, 2016. №18 (9183). 12 мая.

И.Ф. Шувалов

ИЗ ИСТОРИИ НЕВЕРКИНСКОГО РАЙОНА (КРАТКОЕ ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ)

Неверкинский район был образован 16 мая 1928 г. в составе Кузнецкого округа Средне-Волжской области, которая 20 октября 1929 г. переименована в Средне-Волжский край с центром в г. Куйбышев (теперь Самара). 10 февраля 1932 г. район был упразднён, и его территория вошла в Камешкирский и Павловский районы. В 1935 г. восстановлен. В феврале 1939 г. район был выделен из Куйбышевской области и вошёл в состав Пензенской. 1 февраля 1963 г. упразднён, и его территория вошла в Кузнецкий район Пензенской области. В 1965 г. – восстановлен. Центр – село Неверкино. Площадь – 985,5 кв. км[1].

Район расположен на окраине области и соседствует на востоке с Ульяновской областью, а на юге – с Саратовской. Находится на наиболее возвышенной части области, на отрогах высокого плато Сурская Шишка, на границе лесов и степей. Эти ярко выраженные ландшафтные зоны разделяют реки Илим и Кадада. Местность левобережья этих рек, степная, маловодная, часто пересекается глубокими оврагами. Здесь много прудов. В этой части района преобладают почвы с выщелочным чернозёмом, а в северной и северо-восточной части – почвы серые, лесные. Все выровненные степные участки распаханы. В них можно нередко встретить солонцы и засолённые почвы, на которых произрастают очень редкие растения. Во флоре Неверкинского района обнаружено 58 таких растений, из которых 4 занесены в Красную книгу России, а 32 вида – в Красную книгу Пензенской области. Биоразнообразие района сохраняется на двух участках – в заповеднике «Кунчеровская степь» и памятнике природы «Урочище Шуро-Сиран». Северная, правобережная часть района, занята хвойно-широколиственными лесами, имеющими большое народно-хозяйственное значение[2].

Населённые пункты района расположены преимущественно по берегам р. Кадады и её небольших притоков. Близость к воде и лесу предрасполагали людей к занятиям огородничеством и промыслами, связанными с рубкой и распиловкой леса, его сплавом, смолокурением и т.п. Степь служила местом пастьбы скота. Распространено было и отходничество.

Промышленность не развита. Большинство небольших предприятий, существовавших в районе в советское время[3], в 90-е гг. XX столетия закрылись. Восстановление их и создание новых идёт медленно.

В истории освоения района и формирования современных татар и чувашей большую роль сыграли тюркоязычные племена Среднего Поволжья (Волжская

Булгария), жившие в нём в IX–XIV вв., а также финно-угорские народы. На рубеже XVII–XVIII вв. служилые и ясачные татары Темниковского и Касимовского уездов, а также чуваши Симбирского уезда основали значительную часть существующих и сейчас поселений района и освоили большую часть территорий, прилегающих к бассейну р. Кадады в её верховьях. Они совместно несли станичную службу по защите Московского государства на Пензенско-Сызранской оборонительной черте[4]. Одновременно со служилыми людьми на землях, отказанных правительством, поселилась и мордва-эрзя из Алатырского уезда[5], образовав в северной лесной части района единственное в настоящее время мордовское поселение Донгузлей (современное Берёзовка). Значительно позднее, с середины XVIII в., началось освоение основной степной территории района русскими переселенцами из северных областей Российского государства[6]. В результате на территории Неверкинского района сложился этнокультурный союз четырёх народов (русские, мордва, татары и чуваши), которые на протяжении нескольких столетий компактно проживают и мирно соседствуют друг с другом. Они объединены общей территорией, единой судьбой и историей и сохраняют свою самобытную культуру[7].

На территории района обнаружены 12 археологических памятников, относящихся примерно к эпохе бронзы. Это курганы и курганные могильники (мары), которые датируются XVI–XII вв. до н.э. Кроме археологических памятников, к объектам сохранившейся материальной культуры относятся церкви деревянной постройки XVIII–XIX вв. (Берёзовка, Кунчерово, План, Теряевка, Н. Чирково), одни из самых старых мечетей области в сёлах Бигеево и Бикмосеевка, здания банка и участковой больницы в селе Дёмино (последнее является памятником архитектуры модерна начала XX в.), кирпичный дом помещика П.С. Иконникова в с. Теряевка, железобетонный мост через р. Ериклей, построенный в 1912 г.[8].

Сегодняшние жители Неверкинского района чтут память своих предков, сохраняют их богатое духовное и культурное наследство. Возрождаются старые и строятся новые церкви и мечети. Созданы районный краеведческий, сельские и школьные музеи, в с. Неверкино возведен Мемориал воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В районе действует детская школа искусств им. И.М. Мануйлова, при которой находится Неверкинская картинная галерея, центр детского творчества, районная и сельские библиотеки, ДЮСШ, 20 мусульманских и 9 православных религиозных организаций. С 1935 г. выходит районная газета[9].

Примечания

1. *Годин В.С., Полубояров М.С.* Неверкинский район // Пензенская энциклопедия. Пенза, 2019. Т. 2. С. 37.

2. *Артёмова С.Н., Первушкин В.И., Щербаков М.Г.* Культурные ландшафты в традициях народов Неверкинского района Пензенской области // Пензенское краеведение. 2019. №3–4.

3. *Курицын И.И.* Население и хозяйство Пензенской области. Пенза, 1998.

4. *Полубояров М.С.* Весь Пензенский край: историко-топографическое описание Пензенской области. М., 2016. С. 559.

5. *Первушкин В.И., Прошкин В.Я.* Мордва Пензенской области. Пенза, 2012. С. 22–23.

6. *Полубояров М.С.* Указ. соч.

7. *Гильдеев Н.А.* Татары Пензенской области. М., 2008.

8. *Первушкин В.И. и др.* Пензенская область. Путеводитель. Справочное издание. Пенза, 2019. С. 105–106.

9. *Годин В.С., Полубояров М.С.* Неверкинский район // Пензенская энциклопедия. Пенза, 2019. Т. 2. С. 37.

ОСТОРОЖНО, ФЕЙК

В.И. Первушкин

«СОЛНЕЧНЫЙ СТОЛП» ПОД СЕРДОБСКОМ

Нашу рубрику продолжит фейк из г. Сердобска. Там в 2016 г. вышла книга-фотоальбом (так определил автор – *В.П.*) «Сердобск». Замечу, краеведческие издательские традиции в этом районном центре Пензенской области развиты слабо, поэтому любое издание о Сердобском крае вызывает неподдельный интерес всего краеведческого сообщества области. Эта публикация не явилась исключением. Автором издания выступил Михаил Дмитриевич Бударин, назвавшийся доктором исторических наук РАЕН[1] и членом Союза писателей России. Подобное представление меня насторожило. Как известно, РАЕН учёных степеней не присваивает. Да и докторов наук в нашей области не так много, поэтому мы все друг с другом знакомы. Открыв личный сайт М.Д. Бударина, указанный в книге-фотоальбоме, нас поразила «широта» научных интересов данного «исследователя». Дабы не быть голословным, в качестве примера приведу названия нескольких публикаций: «Тайны Кометы-возмездие», «Тайна гибели Атлантиды», «Тайна Канарского архипелага», «Тайна Алатырь-камня», «Пятое измерение». Лишь три публикации носят краеведческий характер: «Князь Куракин», «Князь Вяземский», «Сердобск». Можно ли этого автора назвать краеведом? Вряд ли. Да, и происхождение гидронима «Сердоба» (по которому назван город) он трактует с присущей ему оригинальностью. Так, по мнению «исследователя», река получила название от электроразрядного космического взрыва, произошедшего согласно летописи (название летописи он не указал – *В.П.*) от 15 июля 1240 г.[2], рядом с его эпицентром в настоящее время располагаются Сазанский монастырь, п. Сазанье, с. Надеждино и с. Куракино, что в нескольких километрах от г. Сердобска. Дальше процитируем Михаила Дмитриевича: «Название города Сердобск дано по названию урочища Сартаба (точнее, Сар – тюбе) и образовалось из двух слов: (библейского термина “sara” – солнце; и мусульманского тюркского “тюбе” – холм, гора), что в дословном переводе на русский язык означает “солнечная (святая) гора” (солнечный столп). В урочище Сартаба находится восстановленный мужской монастырь – Казанская Алексиево-Сергиевская Пустынь.

Название Сартаба было принесено паломниками, ходившими на поклонение к Гробу Господню “*в землю обетованную*”, ибо именно там, на святой земле Израиля, находится древняя гора Сартаба, до сих пор *являющаяся особым местом поклонения паломников и израильтян.* И поэтому о ней мы обязаны рассказать более подробно (выделено М.Д. Будариным – *В.П.*)»[3]. Далее, как и следовало ожидать, следует пространное повествование о священной горе Сартаба в Израиле, завершающееся авторским выводом: «И, как мы видим, имя священной горы

Сартаба, заимствованное у евреев, было использовано и для названия святой местности вблизи города Сердобска»[4]. У читателя, вполне справедливо, возникает вопрос. До М.Д. Бударина кто-нибудь пытался объяснить значение гидронима Сердоба? Да, и гораздо раньше автора книги-фотоальбома. Обратимся к известному краеведу, ведущему специалисту в области пензенской топонимики М.С. Полубоярову: «Сердоба, левый приток Хопра. Длина 160 км, уклон в среднем течении – 0,5 м/км. Степная, по правому гористому берегу встречаются небольшие леса. Предлагавшиеся этимологии от мордовского сярдо (“лось”), русского сердобольный, участливый неудачны. Благодаря тому, что в Иране и Средней Азии несколько населённых пунктов носят названия Сердаб, Сердабдап, В.А. Никоновым была выдвинута этимология на материале иранских языков, где сердап – “холодная вода”. Гипотеза внешне привлекательна, но с ней трудно согласиться из-за одиозности иранского гидронима на юге Пензенского края, да и температура воды в Сердобе не может служить отличительным признаком – она такая же, как в соседних реках. Более надежна этимология от половецкого мужского имени Сарт и термина оба – “род, племя, семья”. Сравните известные по летописям названия половецких родов Урусоба, Арсланоба, Епиопа, ногайское племя Токсоба в XIV–XV вв. Скорее всего, река названа по пастбищному владению половца Сарта. Гидроним зафиксирован на “старом” чертеже Московского государства (конец XVI в.) под именем Сартаба. Данные археологии также подтверждают факт пребывания в верховьях реки половецких кочевий. Крымские татары термином сырт-оба обозначали понятие “северное пастбище”. Предположительно, нарицательное сырт-оба восходит к гидрониму Сердоба»[5]. Вроде бы очевидна трактовка гидронима, бери и пользуйся, но она не даёт яркого фейка с привлечением Израиля!

Примечания

1. РАЕН – российская общественная организация, созданная 31 августа 1990 г. в СССР. Согласно уставу, РАЕН является «творческим научным объединением учёных естествоиспытателей и гуманитариев, призванным служить развитию науки, образования и культуры». РАЕН не имеет отношения к Российской академии наук и критикуется научной общественностью за то, что некоторые её члены – лица, далёкие от науки, не имеющие должного образования и признанных научных работ. РАЕН также критикуется за продажу членства в своей академии без должной проверки знаний.

2. *Бударин М.Д.* Сердобск. Кострома, 2016. С. 87.

3. Там же. С. 85.

4. Там же. С. 86.

5. *Полубояров М.С.* Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М., 2010. С. 168.

Т.А. Кайманова

МУЗЕЙНАЯ ЭКСКУРСИЯ И ЕЁ ОСОБЕННОСТИ

(Рекомендации к показу плоскостных экспонатов)

Прежде чем приступить к методике показа музейных предметов, напомним суть музейного экспоната исходя из определения музея как научно-исследовательского и культурно-просветительного учреждения, хранящего и популяризирующего памятники материальной и духовной культуры. Музейный предмет – это предмет, извлечённый из реальной действительности, являющийся носителем социальной и научной информации и представляющий собой культурно-историческую ценность, часть национального достояния.

Музейный экспонат как объект показа должен обладать важными свойствами.

Во-первых, информативностью, т.е. экспонат выступает источником сведений из истории: о событии, культуре, обществе или природном явлении.

Во-вторых, аттрактивностью – способностью привлекать внимание посетителя своими внешними признаками: формой, цветом, размером и проч.

В-третьих, репрезентативностью – отличительной особенностью представительности в ряду однотипных предметов.

В-четвертых, экспрессивностью – способностью вызывать ассоциации, ощущение сопричастности к определённым явлениям и событиям, благодаря сведениям из истории бытования предмета.

Музейные памятники подразделяются на вещественные (от образцов минералов и остатков флоры и фауны до памятников материальной культуры человека во всех проявлениях, будь то мебель или одежда); изобразительные (картины, рисунки, гравюры, фотографии); письменные (книги, рукописи, письма, документы).

Есть привычная в музейном обиходе фраза: язык экспоната. Вещь умеет поведать нам и о событии, и о человеке – это связь с характером, поведением героя. Вещь выступает источником раздумий и переживаний. Поэт очень точно выразил это свойство: «Оглушительны мысли предметов». Подчас «язык» экспоната, «мысль» предмета непонятны неподготовленному посетителю. Помочь понять этот язык, приоткрыть завесу над тайной вещи и есть назначение экскурсовода.

Музейные предметы обладают не только исторической, художественной ценностью, но каждая вещь несёт личностную или лирическую ценность и связывает нас с целой системой культуры. И мы должны воспринимать предмет не только в конкретике биографии отдельно взятого человека, но знать о бытовании этого предмета в истории.

Некоторые экспонаты трудны как для показа, так и для восприятия экскурсантами. Как вызвать интерес к такому экспонату, как книга или журнал, гравюра,

план имения или карта, рукопись, письмо, конверт?

Показ плоскостного материала, карты, плана.

Во многих музейных экспозициях представлены образцы картографии прошлых лет: это старинные планы городов, имений, карты губерний, уездов. «Невыигрышные» для показа они очень важны – по ним можно судить о местоположении относительно столицы (попробуйте на карте Российской империи найти своё село); об административной принадлежности (возможно, ранее ваш городок относился не к Пензенской, а к Саратовской губернии); размере территории (огромный Городищенский уезд и маленький Наровчатский). Приём сравнения позволит экскурсантам удивиться, если вы будете сопоставлять не в квадратных километрах, а с чем-либо известным, например: по территории русский уезд больше европейского государства Монако.

Приём сравнения запечатлённых улиц уездного городка с реалиями сегодняшнего дня даст возможность оживить карту. Планы уездных городов Керенска, Чембара, Наровчата экскурсовод показывает в качестве экспонатов, важных своей информативностью: это места, где жили Ф.И. Буслаев, В.Г. Белинский, А.И. Куприн и другие выдающиеся личности.

Показ такого плоскостного элемента экспозиции, как план или карта, требует от экскурсовода особого мастерства и умения. Если вашему музею повезло и у вас есть план бывшего имения, находившегося на территории вашего населённого пункта, попробуйте рассмотреть вместе с экскурсантами, доказать выгодное расположение и проч.

Например, план имения Старое Акшино, которое принадлежало Н.П. Огарёву, несмотря на позднее происхождение (план скопирован в 1909 г. со старого плана), позволяет представить вид имения. Экскурсовод, используя условные значки на плане, показывает, что же входило в состав имения: пашня, старый и молодой лиственный лес, выгон, пруд, сад и сама барская усадьба. При подробном рассмотрении экскурсанты наглядно видят, сколько земли занимал лес, сколько отведено под пашню и выгон, что усадьбе отведено красивое место – прямо на берегу пруда, а с другой стороны к усадьбе примыкает сад, а с третьей – луг-выгон. Такой показ плана даст возможность воссоздать жизнь, занятия, хозяйственные заботы молодого барина-поэта в русской деревне. Удачным дополнением к показу станет цитата об усадьбе из стихов Николая Огарёва, навеявших И.А. Бунину название книги «Тёмные аллеи»:

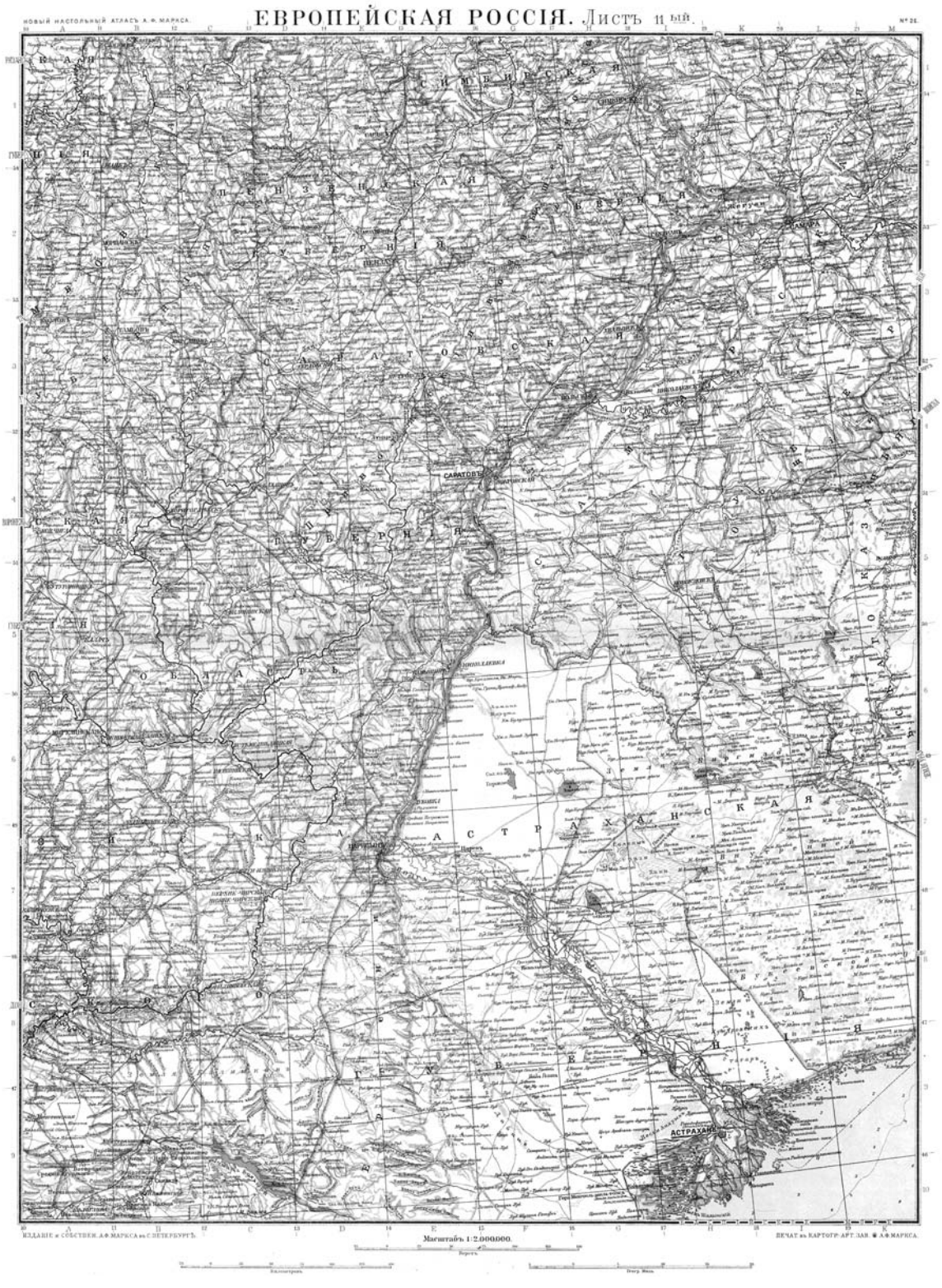
Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла тёмных лип аллея.
Была чудесная весна!
Они на берегу сидели…

Кроме того, демонстрируя карты, необходимо охарактеризовать эти экспонаты как образцы русского географического чертежа, ибо русская картография долгое время сохраняла свою самобытность, которая выражалась в яркой художественной графике. Отечественный чертёж заслуживает высокой оценки как явление искусства и тщательного зрительного анализа как документ эпохи.

При показе картографических материалов следует обратить внимание экскурсантов на то, что ныне картографические произведения приобретают особую популярность: их принято выставлять в офисах, холлах гостиниц, кабинетах, домашних библиотеках как образцы картографического искусства, вызывающие интерес к прошлому.

* * *

Методика показа гравюры требует, чтобы экскурсовод сам чётко и ясно представлял себе особенности этого вида



Лист из Атласа. Изд. А.Ф. Маркса. СПб. 1905 г. Подлинник. Музей А.И. Куприна

изобразительного искусства. Гравюра – это оттиск с металлической или деревянной пластины, на которой вырезан рисунок (от франц. «grave» – «вырезать»). Рисунок художник наносит на доску твёрдого дерева – самшита или пальмы. В гравюре обычно используется два цвета – черный и белый, но встречается и цветная гравюра. Все места, которые должны быть белыми, художник-гравер углубля-

Лист из Атласа (фрагмент).
Изд. А.Ф. Маркса. СПб. 1905 г.
Подлинник. Музей А.И. Куприна

ет, вынимая дерево специальными резцами. Черным на оттиске гравюры будут те места, которые на доске не были тронуты резцом художника. Кроме белого и чёрного есть переходный цвет – серый, его оттенки создаются направлениями штрихов и их толщиной. Когда рисунок вырезан, на доску валиком наносится типографская краска, затем накладывается лист бумаги и прижимается к доске прессом.

Гравюры бывают на дереве, металле, линолеуме (линогравюра). Особый вид представляет собой литография (от греч. «камень»). В этом случае гравирование делается на особом известковом камне – литографическом. Камень шлифуют, и мастер наносит на него рисунок жирным литографическим карандашом или тушью. Рисунок обрабатывается специальным составом, «закрепляется». На него валиком наносят типографическую краску, кладут бумагу и под прессом делают оттиск – эстамп. Все оттиски-эстампы являются подлинниками и называются «автолитография», т.к. доску гравирует сам художник.

Гравюры встречаются видовые и портретные. Показывая портретные гравюры, следует обратить внимание на тонкость резца и психологизм, которые отличают работы мастеров графики. В коллекциях некоторых музеев есть работы русского литографа И. Щедровского, который первым в России стал печатать в 1840-х гг. цветные литографии. Его литографии достоверно изображают городские типы, сделанные с натуры: уличные разносчики, сапожники и др. Цикл своих работ художник назвал «Вот наши!», и они, несомненно, вызовут интерес в качестве иллюстрации жизни обывателей любого городка, стоит только рассмотреть, какими предметами и зачем обвешан сбитенщик; что носит на голове и в корзине разносчик.

Самая известная и ценная гравюра для Пензы – это гравюра XVIII в., выполненная по рисунку подполковника А. Свечина, побывавшего в Пензе в 1765 г. Она принадлежит к числу первых гравюр, на которых запечатлены российские города.

Экскурсоводческая практика:
Показ гравюры с видом Пензы

При показе гравюра может выполнять как научную, так и художественную миссию.

Видовая гравюра с изображением Пензы относится к «Собранию гравюр Российских и Сибирских городов» 1760–1770 гг. «Собрание» включает 34 гравюры с видами городов: Твери, Тобольска, Екатеринбурга, Красноярска, Иркутска, Тюмени, Якутска и др.

Значительную группу рисунков составляют виды городов, снятые в 1764 г. подполковником А.И. Свечиным, который по поручению Сената обследовал дубовые леса Казанской губернии. Им сделано подробное описание местности и городов, встретившихся по тракту. 14 листов с его рисунками были в 1768 г. переданы для доработки художнику М.И. Махаеву. Гравировалась серия в Академии наук с 1769 по 1771 г. большой группой русских граверов.

В «Собрание» вошли восемь художественно обработанных свечинских изобра-

жений: Казань, Свияжск, Владимир, Симбирск, Саранск, Пенза и др.

Самый знакомый и любимый пензенский образ – это вид города от реки Суры, запечатленный художниками, мемуаристами, а позднее фотографами. В старину к Пензе с юго-востока подходила одна из дорог, и город представал на высоком берегу во всей своей красе. Пензе повезло в градостроительном плане. Её местоположение на высоком холме, на берегах Пензы и Суры, в короне сосновых боров и могучих дубравпредопределилоступенчато-террасную застройку, что хорошо отражено на гравюре. Пенза имела свой неповторимый облик, восхищавший даже взыскательных заморских путешественников. Вид красующегося на горе города очаровывал и наполнял сердца путешественников приятным ожиданием отдыха, чистоты и покоя. Первые иностранные путешественники XVII–XVIII столетий видели «маленький городок посреди большой невозделанной равнины», довольно «красивый и приятный по множеству деревьев, которыми окружен». Спустя сто лет после основания Пенза являла собой красивый и благоустроенный город, что отмечал подполковник А.И. Свечин, проводивший ревизию строений в Пензе и сделавший рисунок: «… поселение и ситуация места виду весёлого и приятного, по высоте оного и здоровое; улицы перед прочими прямые и не узкие, по скатости оных во время дождей не грязные». Академик П.С. Паллас, путешествовавший по России в 1768 г., отмечал: «Сей город, хотя и умеренно выстроен, однако, по своему положению на высоком, подле Суры, месте и по множеству церквей имеет вид изрядный». Особую красоту городской панораме придавали храмы, которые хорошо видны на рисунке.

В научном отношении гравюра давала важную информацию, отвечавшую на серьёзные практические вопросы: каков ландшафт, есть ли река, как обустроен город? Все это требовало от художника достоверности изображения, отодвигая на второй план его художественность. Изучение места и сопоставление его с другими источниками позволяет говорить о точности ландшафтных, архитектурных мотивов, как в целом, так и в деталях. На гравюре вполне узнаваемы первые в Пензе храмы, монастыри, жилые дома. Изображение ценно с исторической точки зрения: точно обозначены архитектурные доминанты и природный феномен – холм, на котором расположился город.

Как произведение искусства, гравюра Пензы выполнена с учётом законов построения пейзажа, разработанных европейским классицизмом. Характерно чёткое выделение плана, введение деревьев-кулис в качестве декоративного мотива на переднем плане, что делает изображение привлекательным.

В гравюре преобладает художественно-образное начало. Этому способствовало применение художником М.И. Махаевым камеры-обскуры – особого приспособления, позволявшего передавать ощущение пространства при точной фиксации каждого объекта. Сочетание техники офорта и резцовой гравюры придаёт переднему плану особую чёткость и бархатность.

Рассматриваемой гравюре свойственна большая живописность в проработке переднего плана, включение в композицию стаффажных фигур, укрупнённость архитектурных форм. Её по праву можно отнести к первым удачным опытам русской пейзажной гравюры, имеющим научную и художественную ценность.

* * *

Подобный приём показа можно применить и к показу тех гравюр, которые выставлены в вашей экспозиции.

P.S. Приведённые примеры из личной практики автора вовсе не означают, что они безоговорочно обязательны к исполнению. Автор рассчитывает на творческое индивидуальное осмысление.

СОВЕТУЕМ ПОЧИТАТЬ

Г.А. Мельничук, Н.В. Степанова, Г.Ю. Зеночкина, В.И. Капасов, А.Н. Коняшкин

«СВОЙ» И НА ПЕНЗЕНЩИНЕ, И В МОРДОВИИ, ИЛИ КНИГА О ПРОФЕССОРЕ Н.Ф. МОКШИНЕ

Истории своей никак не знали:
К ней прикоснулись только лишь теперь!..
История!.. Она есть дверь в две дали:
В даль прошлого, и в будущего дверь.
Владимир Лякишев

Одна из 100 тысяч книг

По данным статистики Российской Книжной Палаты в нашей стране ежегодно издаётся более ста тысяч книг различных названий и разного тиража. Общеизвестно, что наиболее трудоёмкими и затратными по времени подготовки признаются энциклопедии и справочные издания, в которых необходимо в одном месте собрать обширные сведения и в кратком виде представить на суд читателю.

Для людей, связанных с наукой, писательским творчеством, своеобразным критерием оценки признаётся издание биобиблиографических указателей, иногда ещё называемых «визитной карточкой интеллектуального человека». Биобиблиографические указатели становятся своеобразным ключом к творческому наследию того или иного персонажа, так как позволяют в одном месте собрать и аккумулировать сведения о деятельности исследователя за годы его созидания. Труды гуманитариев и, в частности, историков, этнографов, археологов в большинстве случаев базируются на первоисточниках и поэтому со временем сами становятся первоисточниками. Выдающийся учёный, естествоиспытатель К.А. Тимирязев (1843–1920) подчёркивал, что «жизнь учёного заключается в его трудах»[1].

Видный отечественный историк и краевед, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013) отмечал, что «долг историков – обеспечить надолго память о содеянном теми, кто считал своим призванием заботу о сохранении памяти о прошлом»[2].

Прошлое мордвы на Пензенщине

Выход в свет издания о мордовском учёном, докторе исторических наук, профессоре Николае Фёдоровиче Мокшине наилучшим образом подтверждает слова С.О. Шмидта. Вы спросите, почему и какое отношение саранское издание имеет к Пензенскому краю? Так вот, профессор Н.Ф. Мокшин уточняет, что в Российской империи не было административно-территориального объединения мордовского народа. Только в 1928 г. был образован Мордовский округ (с центром в Саранске), и в него были включены уезды и волости с мордовским населением, входившие ранее в Нижегородскую, Пензенскую и Симбирскую губернии. В состав мордовского административно-территориального объединения вошли площади, ранее принадлежащие: на 71,5% – Пен-

зенской губернии, на 21% – Симбирской губернии и на 7,5% – Нижегородской губернии[3]. Оказывается, что большая часть территории современной Республики Мордовия – это территория бывший Пензенской губернии (уточнение: в состав современной Республики Мордовия входят из Пензенской губернии: полностью Краснослободский уезд, почти полностью Саранский и Инсарский уезды и половина Наровчатского уезда).

Фактически получается, что вся дореволюционная история мордовского края – это история Пензенского края и близлежащих губерний, а с точки зрения культуры и обычаев мордовского народа здесь вообще не существует каких-либо административно-территориальных границ, так как в культурном отношении их просто нет, а есть мордовский этнос, т.е. исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, объединённых общими объективными или субъективными признаками.

В настоящее время Николай Фёдорович Мокшин признаётся одним из ведущих специалистов по истории и культуре мордовского этноса. Недавно профессор Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, доктор исторических наук Н.Ф. Мокшин отметил своё 85-летие. В преддверии юбилея он получил в подарок рецензируемое нами издание, в котором представлена его биография и собрана обширная библиография его трудов начиная с 1955 г. О роли Николая Фёдоровича в изучении истории и культуры мордовского этноса свидетельствует такой факт: на 75, на 80, 85-летие в Саранске в Мордовском государственном национальном драматическом театре традиционно проводились в его честь творческие вечера, на которых, помимо поздравлений от разных людей, музыканты и вокалисты исполняют песни на слова Н.Ф. Мокшина. Приветствуя и поздравляя юбиляра, первый заместитель Министра культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия А.Е. Губанищев отметил, что «биография Н.Ф. Мокшина – это учебное пособие для всех молодых педагогов, учёных, преподавателей».

Сделал сам себя

Познакомимся более подробно с жизнью и трудами учёного, у которого многое из его творческого наследия базируется на материалах Пензенской области, где он неоднократно проводил этнографические исследования, связанные с проблемами этногенеза и этнической истории, семейного быта, духовной культуры, этногенетических и этнокультурных связей мордовского народа. Памятуя об этом, редакционная коллегия «Пензенской энциклопедии» приняла решение включить биографическую статью о мордовском учёном Н.Ф. Мокшине в первый том[4]. Так, можно сказать, что для Пензенщины и Мордовии Николай Фёдорович «свой» человек – тем интереснее будет читателям журнала узнать о нём.

В биографической части издания приводятся основные сведения из жизни учёного. Так, Николай Фёдорович Мокшин родился 22 июня 1936 г. в эрзя-мордовском селе Иванцеве Лукояновского района Горьковской (ныне Нижегородской) области в семье учителя ботаники и зоологии местной школы Фёдора Захаровича Мокшина (1907–1942) и его супруги, медицинского работника Елены Артемьевны (1903–1997), урождённой Кузюткиной. С началом Великой Отечественной войны Фёдор Захарович был призван в Красную армию и погиб в 1942 г. под Ленинградом. Окончив семь классов сельской школы в 1950 г., Николай поступил в Лукояновское педагогическое училище. Именно здесь, в педучилище, в юношеском возрасте он увлекается творческой деятельностью, как литературной, так и журналистской, сотрудничает со стенной газетой. На формирование мировоззрения Н.Ф. Мокшина оказал существенное влияние директор училища, заслуженный учитель

РСФСР А.А. Куманев (1910–1975), которому впоследствии в связи со 100-летним юбилеем его воспитанник Николай Фёдорович Мокшин посвятит книгу «Учитель учителей» (Саранск, 2010), изданную в серии «Замечательные представители мордовской интеллигенции».

В 1954 г. Н.Ф. Мокшин окончил педучилище, получив специальность учителя начальных классов, и в том же году поступает на исторический факультет Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева (ныне Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва), с которым у Николая Фёдоровича связана вся дальнейшая жизнь. В 1959 г. он с отличием заканчивает вуз, получая квалификацию учителя истории, русского языка и литературы. Будучи студентом, активно занимался научной работой, был избран председателем студенческого научного общества, которое возглавлял в течении шести лет, приобретя громадный опыт организаторской работы, которая ему многократно помогала в решении жизненных и научных вопросов.

В мае 1964 г. Н.Ф. Мокшин в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова защитил диссертацию на тему «Дохристианские верования мордвы» по специальности «Этнография», став самым молодым кандидатом исторических наук в Советском Союзе. В 1967 г. он стал доцентом, а вскоре его избрали заведующим кафедрой всеобщей истории, которой он заведовал пятнадцать лет. Однако основным приоритетом в деятельности Николая Фёдоровича была этнография мордовского народа. Он постоянно вместе с коллегами выезжал в экспедиции, собирал по крупицам материалы о жизни, быте, верованиях, обычаях мордвы (мокши и эрзи). По его инициативе в стенах университета 19 декабря 1979 г. был открыт Этнографический музей. Обобщив и структурировав результаты многолетних экспедиций, в 1986 г. в московском Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР Н.Ф. Мокшин защитил докторскую диссертацию на тему «Основные этапы формирования и развития мордовского этноса». 22 июня 1989 г. Николаю Фёдоровичу было присвоено учёное звание профессора, а возглавляемая им кафедра получила название – кафедра дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии. Научные интересы Николая Фёдоровича охватывают многие проблемы родного ему мордовского народа, он специалист широкого профиля: историк, краевед, этнограф, религиовед, ономатолог[5], музеевед, географ. Профессор Н.Ф. Мокшин – признанный авторитет в этих различных научных направлениях, о чём свидетельствует его участие и членство в соответствующих организациях; сегодня Николай Фёдорович Мокшин – почётный член и член Совета старейшин Русского географического общества, член Союзов журналистов и писателей России, член редколлегий журналов: «Социально-политические науки», «История и современное мировоззрение» (Москва), «Finno-Ugrica» (Казань), «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола), «Краеведческие записки» (Саранск).

Труды говорят за человека

Очень интересна библиографическая часть издания, показывающая творческое наследие Н.Ф. Мокшина и состоящая из разделов: «Научные труды» (с. 27–74), «Учебно-методические работы» (с. 75–76), «Научное редактирование и рецензирование» (с. 77–82), «Научное руководство» (с. 83), «Научное консультирование» (с. 83), «Научное оппонирование» (с. 84–85), «Стихи и песни» (с. 86–88), «Интервью» (с. 88–91) и др.

Научные труды Николая Фёдоровича расположены в хронологическом порядке и начинаются с первой статьи, опубликованной в 1958 г. в сборнике студенческих научных работ. Всего он автор около 800 публикаций, из них более сорока книг, вот некоторые из них: *«Религиозные ве-*

рования мордвы» (Саранск, 1968. – 159 с., ил.; 2-е изд. доп. и перераб., 1998 – 244 с.: ил., портр.); *«Этническая история мордвы XIX–XX века»* (Саранск, 1977. – 279 с.), *«Тайны мордовских имен»* (Саранск, 1991. – 109, [2] с.), *«Мордва глазами зарубежных и российских путешественников»* (Саранск, 1993. – 239 с., [8] л. ил.), *«От Карелии до Урал: рассказы о народах России»* (М., 1998. – 318 с.: ил. – Совместно с Н.Л. Жуковской), *«Материальная культура Мордвы: Этнографический справочник»* (Саранск, 2002. – 206, [1] с., [15] л. ил.), *«Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья»* (отв. ред. Н.Ф. Мокшин. – Йошкар-Ола, 2002. – 136, [2] с., [8] л. цв. ил.: ил. – Совместно с Т.Л. Молотовой, Г.А. Сепеевым и др.), *«Мифология мордвы: этнографический справочник»* (Саранск, 2004. – 316, [3] с.: ил., карт., портр., факс.), *«Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа»* (сост. С.С. Маркова. – Саранск, 2004 (Пенза: ФГУП ИПК Пензенская правда). – 991, [1] с.: ил., цв. ил., карт., портр., табл., факс.; Изд. 2-е, доп. и перераб. – Саранск, 2012. – 719 с.: ил.), *«Мордва и вера»* (Саранск, 2005. – 531, [1] с., [12] л. ил., портр., цв. ил., портр.: табл. – Совместно с Е.Н. Мокшиной), *«Мордва: мокша и эрзя»* (Саранск, 2008. – 271 с.: фото – Совместно с А.С. Лузгиным), *«Просветители Мордовского края*: *статьи, документы, фотографии»* (авт.-сост.: И.А. Зеткина, Н.Ф. Мокшин. – Саранск, 2009. – 147, [4] с.: ил., портр., факс.), *«Мордва и мир: тезаурус по традиционной материальной и правовой культуре мордовского народа»* (Саранск, 2011. – 230 с. – Совместно с Ю.Н. Сушковой), *«Мордва и Мордовия»* (Саранск, 2011. – 230 с. – Совместно с Ю.Н. Сушковой), *«Мордовский народ в истории и культуре Российского государства (К 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства)»* (Саранск, 2012. – 255 с.: ил., портр., цв. ил., портр. – Совместно с А.С. Лузгиным), *«Митрополит родом с Вада»* (Саранск, 2012. – 99 с.: ил., портр., факс. – Совместно с Е.Н. Мокшиной), *«Сокровища культуры Мордовии». вып 13: серия "Наследие народов Российской Федерации": [проблемы государственной охраны памятников истории и культуры]»* (М., 2012. – 471, [1] с.: ил., цв. ил., портр), *«Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры: [сборник]»* (Саранск, 2014. – 164 с. – Совместно с Е.Н. Ломшиной, М.В. Логиновой и др.), *«Этнография Казанского Поволжья. Историко-этнографические очерки: [сборник]: серия "Народы Татарстана: цифры и факты" / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой»* (Казань, 2017. – 247 с.: ил., цв. ил., портр., цв. портр. – Из содержания: Мокшин Н.Ф. Мордва. – С. 129-154, ил., цв. ил.), *«Этнография финно-угорских народов: учебно-методическое пособие»* (Саранск, 2017. – 175, [2] с.: табл. – Совместно с Е.Н. Мокшиной, Ю.Н. Сушковой, В.В. Гришаковым), *«Просветители мордвы»* (Саранск, 2020. – 233, [1] с.: портр. – Совместно с Ю.Н. Сушковой), *«Финно-угорский мир: опыт системного анализа: [коллективная монография] / под редакцией Н.М. Арсентьева»* (Саранск, 2020. – 423 с.: ил., портр., цв. ил., портр) и другие книги.

Следует отметить, что Николай Фёдорович автор сувенирного путеводителя по истории и культуре мордовского народа *«Паспорт мордвина»* (Саранск, 2012. – 49, [1] с. : ил., цв. ил., портр.). Такой «документ» 6 января 2013 г., на следующий день после приобретения Российского гражданства, получил французский актёр Жерар Депардье (!).

Н.Ф. Мокшин и финно-угроведение

Профессор Н.Ф. Мокшин – авторитет среди исследователей финно-угорских народов. Исторически сложилось так, что финно-угорские народы проживают в разных местах Северной Евразии.

Исследователи поддерживают между собой научные связи, проводят конферен-

ции, издают сборники трудов, выпускают журналы. По современной классификации существуют финно-угорские государства и финно-угорские автономии. Библиография работ Николая Фёдоровича наилучшим образом говорит о том, что он на протяжении многих лет сотрудничает с финно-угорскими коллегами и поддерживает с ними научно-культурные связи. Его труды издавались в угро-финских государствах: Венгрии (в городах: Будапешт – 1983 г., Дебрецен – 1990 г., Пилишчаба – 2010 и 2011 гг.), Финляндии (в городах: Турку – 1980 г., Йювяскюля – 1995 г., Оулу – 2015 г.) Эстонии (в городах: Таллин – 1967, 1970, 1978 гг., Тарту – 1990, 2000 гг.). В Российской Федерации, в национальных автономиях труды Н.Ф. Мокшина увидели свет в: Республике Марий Эл (г. Йошкар-Ола) – 14 работ (с 1966 по 2005 гг.), Удмуртской Республике (г. Ижевск) – 8 работ (с 1985 по 2019 гг.), Республике Коми (г. Сыктывкар) – 5 работ (с 1985 по 2009 гг.), Республике Карелия (г. Петрозаводск) – 4 работы (с 2011 по 2015 гг.).

Кроме этого, в нашем Отечестве научные исследования Николая Фёдоровича, помимо Саранска, издавались: в Москве – 76 раз (с 1964 по 2020 гг.); Уфе – 12, Казани – 6; по 3 раза – в Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге; по 2 раза – в Волгограде, Иваново, Пензе, Перми, Рязани; по 1 разу – Екатеринбурге, Новосибирске, Омске, Оренбурге, Ростове-на-Дону, Самаре, Ульяновске, Королёве (Московская обл.), Кронштадте (г. Санкт-Петербург), Кудымкаре (Пермский край), Надыме (Тюменская обл.). В Саранске научные труды учёного выходили как на русском, так и на мордовских языках: мокшанском и эрзянском. Всего увидело свет 72 таких работы, из них на эрзянском языке в журнале «Сятко» («Искра») – 16 работ, в журнале «Сурань толт» («Сурские огни») – 2 статьи, а в журнале «Мокша» на мокшанском языке – 10 публикаций.

Следует уточнить, что в раздел «Научные работы» отнесены и статьи из газет. В соответствии с официальными научным требованиями, газетные статьи не признаются научными публикациями, а принимаются как источник информации. Однако Н.Ф. Мокшин, стремясь поделиться своими новыми научными находками и открытиями, довольно часто печатал материалы в газетах, заменяя сложные профессиональные термины словами, понятными простому газетному читателю. При таком подходе новый научный материал был доступен и понятен читателям газеты, а его автор, знакомя их со своими исследованиями, вводил в научный оборот свои исследования. Сохраняя традиции мордовского народа в газете «Эрзянь правда» («Эрзянская правда»), на эрзянском языке опубликовано 25 материалов, а в газете «Мокшень правда» («Мокшанская правда») на мокшанском языке – 10 статей.

«Учебно-методические работы» (17 названий) – это издания, предназначенные для начинающих исследователей (школьников, студентов). Они знакомят с проблемами этнографии (*прим*. – в современном названии этнологии) и основываются на истории и культуре мордовского народа. В разделе «Научное редактирование и рецензирование» фамилия Н.Ф. Мокшина упоминается 50 раз, начиная со «Сборника студенческих работ», увидевшего свет в 1959 г., и включает книги, научные сборники, материалы всевозможных конференций. Разделы «Научное руководство» и «Научное консультирование» говорят об аспирантах и докторантах, выполнивших свои исследования под руководством Николая Фёдоровича, а раздел «Научное оппонирование» свидетельствует о его участии в 14 защитах докторских и кандидатских диссертаций, где он был оппонентом соискателей учёных степеней.

«Стихи и песни» выделены в отдельный раздел, в котором приведены произведения за 60 лет, с 1955 по 2015 гг. Всего представлено 43 пункта названий на русском и мордовских языках. Здесь не только тексты публикаций, вышедших на страницах га-

зет, журналов, поэтических сборников, но и записи песен Н.Ф. Мокшина на компакт-дисках в эстрадно-фольклорном исполнении. Вот некоторые наиболее лирические из них на эрзянском языке: «Сайса кедезэнь гитарань» («Возьми в руки гитару»), «Уледе шумбрат!» («Будьте здоровы!»), «Косат монь ялгинем?» («Где мой дружочек»), «Тиринь веле» («Родное село») и др. Также в отдельный раздел выделены 45 интервью Николая Фёдоровича, где он в популярной форме для различных изданий делится своими взглядами на историко-культурные аспекты мордовского народа, при этом одно из них назвал «С мордвою – хоть грех, да лучше всех…», тем самым охарактеризовав своих земляков, обладающих упрямством в достижении цели, трудолюбием и гостеприимством.

Подарок юбиляру

Завершает библиографию раздел «О Мокшине Николае Фёдоровиче и его творчестве». Можно образно отметить, что жизнь и деятельность Н.Ф. Мокшина показана «под микроскопом», когда 145 различных материалов повествуют о нём, а это – публикации в книгах, журналах, газетах, сборниках, энциклопедиях, справочниках, вестниках, бюллетенях.

Николай Фёдорович приоткрыл многие тайны из истории и жизни мордовского народа. По его трудам познаётся прошлое мордвы, его ученики, коллеги и единомышленники, видя научный энтузиазм учёного, стремятся равняться на профессора. Он привил любовь к истории, этнографии и двум своим дочерям – Елене Николаевне и Юлии Николаевне, выбравшим путь учёного и ставшими, как и их отец, докторами исторических наук, профессорами. Не случайно в знак уважения к нему они подготовили настоящий биобиблиографический указатель, изданный как учебно-методическое пособие. Достойный подарок юбиляру и достойный учебник жизни.

В эпиграфе к изданию взято высказывание отца «Не существует человека вообще, а есть человек, относящийся к тому или иному этносу» (с. 2). Многие, знающие Николая Фёдоровича, отмечают связь его научных изысканий с песенным творчеством. Она, несомненно, имеется. «Я хотел, – объясняет Мокшин, – чтобы мои идеи, мои научные концепции были высказаны не только в узкой научной среде, а среди большего количества людей. Через песни можно рассказать об этнографических особенностях своего народа. Надеюсь, найдутся любопытные слушатели, которые зададутся вопросами: “А какова история моего народа? А какие были традиции? Что сохранилось до нашего времени, а что кануло в лету”»[6].

Примечания

1. *Тимирязев К.А.* Луи Пастер. М., 1896. С. 2. (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни; №7)]. Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003676722?page=4&rotate=0&theme=white

2. *Шмидт С.О.* Предисловие // Александр Станиславович Маджаров: к 60-летию со дня рождения: сб. ст., посвящ. 60-летию проф., д-ра ист. наук А.С. Маджарова. Иркутск, 2009. С. 5.

3. *Мокшин Н.Ф.* Мордовский этнос. Саранск, 1989. С. 99–100.

4. *Первушкин В.И.* Мокшин Николай Фёдорович // Пензенская энциклопедия: 80-летию Пензенской области посвящается. Пенза, 2019. Т. 1: А–М. С. 801.

5. Ономатология – отдел языкознания, изучающий собственные имена.

6. *Пивкина С.* Николай Мокшин: «Через песни можно рассказать об этнографических особенностях»: [сайт «Известия Мордовии»; размещено 22.06.2021 г.] – режим доступа: https://izvmor.ru/novosti/kultura/nikolaj-mokshin-cherez-pesni-mozhno-rasskazat-ob-etnograficheskih-osobennostyah-svoego-naroda/

КОНФЕРЕНЦИИ

В.И. Первушкин

ВСЕРОССИЙСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ В ПЕНЗЕ

27–28 мая 2022 г. в г. Пензе прошли Всероссийские краеведческие чтения, посвящённые 100-летию со дня рождения выдающегося учёного, историка и краеведа, академика РАО, доктора исторических наук, профессора С.О. Шмидта. Тема чтений: «Теория и практика изучения истории городских и сельских населённых пунктов». Организаторами Всероссийских чтений выступили Институт регионального развития Пензенской области (ИРРР ПО) и Региональная общественная организация краеведов Пензенской области (РООКПО) при поддержке Правительства Пензенской области и фонда «История Отечества». Основная работа по организации и проведению конференции была проведена Центром изучения истории Пензенского края ИРР ПО (директор – к.и.н. А.А. Гущин, специалист – Д.А. Панфилов). Хотелось бы отметить оперативную и качественную работу Редакционно-издательского отдела ИРР ПО (начальник – О.А. Вдовин, дизайнер – Е.И. Федотова, корректор – Л.А. Коновалова).

В работе Чтений приняли участие 81 человек из 15 регионов России – учёные, научные сотрудники различных специальностей (историки, археологи, этнографы, филологи, культурологи, политологи), специалисты музейного, архивного и библиотечного дела, писатели, краеведы. Среди участников – 15 докторов наук, 25 кандидатов наук. Было заслушано 59 докладов.

География участников: Архангельск, Великие Луки (Псковская область), Владимир, Воронеж, Каменка (Пензенская область), Липецк, Москва, Омск, Пенза, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Улан-Удэ, Ульяновск, Челябинск.

Организации, принявшие участие в конференции: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Великолукская государственная академия физической культуры и спорта, Владимирский государственный университет им. братьев А.Г. и Н.Г. Столетовых, Государственное музейное объединение художественной культуры Русского Севера (г. Архангельск), Государственный архив Пензенской области, Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Родина В.И. Ленина» (г. Ульяновск), Дворец творчества Пушкинского района Санкт-Петербурга, Департамент Пензенской области по охране памятников истории и культуры, Институт регионального развития Пензенской области, Каменский техникум промышленных технологий и предпринимательства, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Мордовский республиканский объединённый краеведческий музей им. И.Д. Воронина, Музей спорта Пензенской области, Научно-исследова-

тельский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Объединённый государственный архив Челябинской области, Омский государственный историко-краеведческий музей, Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова, Пензенский государственный краеведческий музей, Пензенский государственный университет, Пензенский государственный технологический университет, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Самарский государственный институт культуры, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновское областное государственное автономное учреждение культуры «Ленинский мемориал», Центр стратегических исследований Ульяновской области.

Секционные заседания. Пенза, 28 мая 2022 г.

С приветственными словами к участникам чтений обратились: Первый заместитель Председателя Правительства Пензенской области О.В. Ягов; заместитель председателя Законодательного собрания Пензенской области В.В. Полукаров; председатель Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, заместитель председателя Союза краеведов России, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Института регионального развития Пензенской области В.И. Первушкин.

Его доклад «Место и роль городских и сельских поселений в краеведческих исследованиях» открыл пленарное заседание. В нём Владимир Иванович рассказал об основных вехах биографии С.О. Шмидта, а также традициях изучения городских и сельских населённых пунктов и направлениях современных краеведческих исследований (социотопография городов, культурные ландшафты, топонимика, повседневность, фольклор, филокартия, «Энциклопедии российских деревень», «Книги Памяти», туристические путеводители).

В докладе ректора того же института, доктора исторических наук, профессора Г.Н. Белорыбкина основное внимание уделялось проблеме музеефикации уникального средневекового памятника – Золотарёвского городища.

Директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор Н.М. Арсентьев посвятил свой доклад школьному историческому образованию в контексте краеведения как важнейшему фактору формирования исторической памяти россиян.

Уникальному опыту омских краеведов по созданию «Энциклопедии российского краеведения», по определению структуры энциклопедии и организации работы над ней было посвящено выступление кан-

Экскурсия по Наровчату. 29 мая 2022 г.

дидата исторических наук, заместителя директора по научной работе Омского государственного историко-краеведческого музея Д.В. Ерошевской.

Своими воспоминаниями о встречах с С.О. Шмидтом в Пензе и Воронеже поделился кандидат исторических наук, доцент, председатель Воронежского историко-культурного общества А.Н. Акиньшин.

В рамках чтений работало 8 секций:

– «Личность исследователя как основной фактор развития краеведческого движения» (модератор – кандидат исторических наук Д.А. Белюков). В ходе работы секции было заслушано 7 докладов, где обсуждались вопросы о роли личности в краеведении.

– «Методологические аспекты изучения истории населённых пунктов» (модераторы – доктор исторических наук О.И. Марискин, доктор исторических наук С.А. Прокопенко). На секции было заслушано 5 докладов, где рассматривались проблемы методологии изучения населённых пунктов, опыт реализации сетевых краеведческих проектов и трудности их реализации.

– «Развитие городского пространства и сельских населённых пунктов на разных этапах исторического развития» (модераторы – кандидат филологических наук И.Ф. Шувалов, кандидат исторических наук А.А. Гущин). В ходе работы секции было заслушано 9 докладов, где анализировались основные стороны социальных изменений, раскрывались причины негативного влияния на социальную структуру города и села.

– «История городской и сельской повседневности» (Ч. 1, Ч. 2) (модераторы – доктор исторических наук С.В. Белоусов, доктор исторических наук С.В. Першин, кандидат исторических наук Н.С. Байкалов). В ходе работы секции было заслушано 11 докладов, где рассматривалась повседневная жизнь различных категорий населения России. На основе архивных документов и материалов публицистики представлена реконструкция повседневной жизни рабочих и крестьян.

– «Образ провинциального города в культуре и искусстве» (модераторы – доктор исторических наук А.К. Тихонов, кандидат исторических наук М.А. Смирнова). На секции было заслушано 5 докладов, где были показаны различные аспекты культурной жизни городов.

– «Мемориализация культурно-исторического наследия, городские легенды, топонимы» (модераторы – кандидат культурологии Л.В. Рассказова, Е.С. Мясоедов). В ходе работы секции было заслушано 4 доклада, где проанализированы мифы и легенды, раскрывающие историю города и села, и их значение в современное время.

– «Города и сёла в годы Великой Отечественной войны» (модераторы – доктор исторических наук Р.А. Мухамедов, кандидат исторических наук В.Ю. Кладов). В 6 докладах, заслушанных на секции, обсуждалась практика применения истории повседневности в годы Великой Отечественной войны, а также подчеркивалась важность этой темы для молодого поколения.

– «Краеведческие исследования в Пензенском крае» (модераторы – доктор исторических наук О.А. Сухова, доктор исторических наук Г.А. Корнишина). В ходе работы секции было заслушано 7 докладов, где представлен краткий обзор новейших достижений в области краеведения.

В завершение участники чтений приняли резолюцию:

1. Отметить высокий научно-организационный уровень чтений.

2. Выразить признательность Правительству Пензенской области, Министерству образования Пензенской области, Министерству культуры и туризма Пензенской области, Институту регионального развития Пензенской области, Пензенскому государственному университету, Пензенскому государственному краеведческому музею, Пензенской областной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова, Государственному архиву Пензенской области, Музею-заповеднику Наровчатского района Пензенской области, Союзу краеведов России, Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, Отделению Российского исторического общества в Пензенской области, фонду «История Отечества» за подготовку и обеспечение продуктивной работы «Всероссийских краеведческих чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения С.О. Шмидта».

3. Обратиться в Министерство культуры Российской Федерации с предложением о возобновлении издания энциклопедии «Города России».

4. Предложить комитету Государственной Думы по науке и высшему образованию разработать программу поддержки развития краеведения во всех регионах Российской Федерации и рассмотреть возможность государственного обеспечения краеведческих исследований.

5. Просить Министерство науки и высшего образования Российской Федерации включить краеведческий, региональный компонент в программы преподавания истории для студентов всех специальностей.

6. Просить Министерство просвещения Российской Федерации рассмотреть возможность включения предмета «Краеведение» в качестве обязательного компонента школьной программы.

7. Рекомендовать Правительству Пензенской области и города Пензы обратить внимание на просьбу Региональной общественной организации краеведов Пензенской области по созданию сквера Краеведов в г. Пензе.

8. Просить Правительство Пензенской области заложить в бюджет средства на издание журнала «Пензенское краеведение».

9. Просить Правительство Пензенской области выступить с инициативой установления профессионального праздника «День краеведа» 15 апреля (день рождения С.О. Шмидта).

10. Предложить Министерству культуры и туризма Пензенской области начать издание серии книг «Города Пензенской области».

11. На базе Института регионального развития Пензенской области приступить к работе по созданию «Энциклопедии пензенского краеведения», которая должна отразить вклад выдающихся личностей и организаций в исследование историко-культурного наследия края, роль научных мероприятий и краеведческих изданий в изучении, сохранении и популяризации знаний о родном крае.

12. Рекомендовать Пензенскому государственному университету сделать именные аудитории, посвящённые выдающимся краеведам Пензенского края.

13. Поддержать и обобщить опыт Молодёжного отделения Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, действующего на базе Института регионального развития Пензенской области.

14. Продолжить работу по увековечиванию памяти на месте захоронения основателя Губернских учёных архивных комиссий Н.В. Калачова.

15. Рекомендовать Департаменту культуры Владимирской области установить мемориальную доску на родине Н.В. Калачова в Юрьев-Польском районе Владимирской области.

16. Поддержать инициативу Комитета по культуре Псковской области, Комитета культуры Администрации г. Великие Луки, Великолукского городского краеведческого общества по проведению Всероссийской научно-практической краеведческой конференции «Наследие Петра Великого в регионах России и современность», посвящённой 350-летию со дня рождения Петра I, 13–14 октября 2022 г. в г. Великие Луки.

17. Поддержать инициативу Омского государственного историко-краеведческого музея по проведению «Омского краеведческого форума» в октябре 2022 года.

18. Продолжить исследование исторического, культурного и природного наследия России, исторической памяти в рамках, представленных на Чтениях тем и новых проблемных разработок.

19. Рекомендовать Бюро Союза краеведов России учредить награду памяти С.О. Шмидта.

20. Союзу краеведов России создать экспертный совет по организации краеведческого движения (разработка методики и методологии краеведческих исследований).

21. Союзу краеведов России разработать программу изучения истории населённых пунктов и создать базу данных по истории населённых пунктов.

22. Рекомендовать размещение информации о прошедшей конференции:

– на сайтах Института регионального развития Пензенской области, Союза краеведов России, Региональной общественной организации краеведов Пензенской области и на сайтах соорганизаторов конференции;

– в журнале «Пензенское краеведение»;

– на сайтах организаций, принимавших участие в работе чтений.

В заключение следует отметить, что доклады участников чтений были опубликованы до начала форума в сборнике «Теория и практика изучения истории городских и сельских населённых пунктов: Материалы Всероссийских краеведческих чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения С.О. Шмидта (27–28 мая 2022 г.) / Отв. ред. В.И. Первушкин. – Пенза, 2022. – 528 с.

Сведения об авторах

Бобров Александр Александрович – к.ф.н., профессор, московский поэт, публицист, секретарь Союза писателей России.

Винничек Владимир Альбертович – к.и.н., директор Центра историко-культурного наследия Института регионального развития Пензенской области.

Гусев Леонид Алексеевич – краевед, г. Балашиха, Московская область.

Дидюлин Андрей Владимирович – магистрант исторического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета, специалист Центра историко-культурного наследия Института регионального развития Пензенской области.

Зеночкина Галина Юрьевна – краевед, г. Шацк.

Иванов Алексей Сергеевич – руководитель клубного формирования в Санкт-Петербурге ПМДЦ «Фрунзенский».

Кайманова Татьяна Александровна – научный сотрудник Пензенского литературного музея, председатель регионального отделения Союза экскурсоводов России.

Капасов Виктор Иванович – директор Шацкой типографии.

Коняшкин Алексей Николаевич – краевед, г. Шацк.

Лубошникова Юлия Сергеевна – студентка историко-филологического факультета ПГУ.

Мельничук Геннадий Анатольевич – краевед, историк-архивист, член Союза писателей России, Москва.

Мурашов Дмитрий Юрьевич – к.и.н., ученый секретарь ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова».

Панфилов Дмитрий Александрович – специалист Центра изучения истории Пензенского края Института регионального развития Пензенской области.

Первушкин Владимир Иванович – д.и.н., профессор, проректор по научной работе ИРР Пензенской области, председатель Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, член президиума всероссийского Совета Союза краеведов России.

Соболев Александр Николаевич – краевед, г. Заречный Пензенская область.

Сохряков Александр Григорьевич – директор МБУК «Музей заповедник» Наровчатского района Пензенской области.

Степанова Наталья Владимировна – к.т.н., член Союзов журналистов и краеведов России, Москва.

Сухова Ольга Александровна – д.и.н., профессор, декан историко-филологического факультета ПГУ.

Тамбовцев Геннадий Петрович – военный историк, краевед, г. Пенза.

Тишкина Анна Владимировна – к.и.н., доцент ПГУ.

Устимкина Татьяна Владимировна – специалист по просветительной работе Литературного музея г. Пензы.

Шувалов Иван Федорович – к.ф.н., Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Корректор — Л.А. Коновалова

К сведению авторов
С требованиями к оформлению статей для журнала
вы можете ознакомиться на сайте
Региональной общественной организации краеведов Пензенской области:
www.kraeved-pnz.ru

Подписано к печати 11.05.2022. Формат 60x84/8.
Бумага писчая белая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 300 экз. Заказ № 11/05.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Соколова А.Ю.:
440600, г. Пенза, ул. Кирова, 49, оф. 3